

~~1922~~

Наживини

Среди потух-

ших маяков.

1922.

**ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!**

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

Не выносите книги и журналы из читального зала, буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

Возвращайте книги в установленные сроки.

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

Лица, виновные в злой порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

ИВ. НАЖИВИНЪ.

Среди потухшихъ маяковъ.

Изъ записокъ бѣженца.

Non é il mondan rumore che un fiato
Di vento ch'or vien quindi ed or vien quindi
E muta nome perche muta lato...

DANTE.

К - в о „И К А Р Ъ“.
БЕРЛИНЪ • 1922.

5301

БИБЛИОТЕКА
В. П. Полонского

ИВ. НАЖИВИНЪ.

Среди потухшихъ маяковъ.

Изъ записокъ бѣженца.

Non é il mondan rumore che un fiato
Di vento d'or vien quinci ed or vien quindi
E muta nome perché muta lato...

DANTE.

57705
57705
К. во „ИКАРЪ“.
БЕРЛИНЪ • 1922.

57705

ПОДАЧЕНО

57705

ОТЪ АВТОРА.

Эта книга является шестымъ томомъ моихъ записокъ, охватывающихъ всю мою жизнь отъ рожденія до текущаго момента. Точками обозначены тѣ мѣста, которыя опубликованіе преждевременно. Пятый томъ — „Записки о революціи“. — вышелъ недавно въ вѣнскомъ книгоиздательствѣ „Русь“ на русскомъ языкѣ, въ к-въ „Полиграфія“ въ Брно на чешскомъ языкѣ, въ к-въ „Drei Masken“ въ Мюнхенѣ на нѣмецкомъ языкѣ и переводится на французскій и испанскій языки.

Издателей и переводчиковъ прошу обращаться по адресу:

Herrn Iw. Naschiwin,
bei Dr. J. Doležal,

Babenbergerstr., 9/II.
WIEN, I.

Alle Rechte vorbehalten.
All rights reserved.
Tous les droits réservés.

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1959 г.
15						22 59		

627/16-250 тмс

3

10/11

2

10/11

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни на минуту не сомнѣваюсь я въ той встрѣчѣ, которая уготована этой книгѣ. Это будетъ свистъ и проклятія и слѣва, и справа, ибо нѣтъ у меня простыхъ реверансовъ ни въ ту, ни въ другую сторону, но на всѣ стороны сомнѣнія, подозрѣнія, критика. Люди до сихъ поръ не научились понимать одной очень, казалось бы, простой истины, что такъ называемыя убѣжденія человека мѣняются въ ту или другую сторону совершенно независимо отъ его воли: и радъ бы не мучиться сомнѣніями и не мѣняться на старости лѣтъ, да ни чего не подѣлаешь, *не могу!*... Вы хотите, чтобы я остался съ вами на какомъ-нибудь прежнемъ «славномъ посту», — извольте, согласенъ: *докажите* мнѣ, что не только сто милліоновъ, на 70% совершенно безграмотныхъ, жалкихъ, одурѣвшихъ и озвѣрѣвшихъ гражданъ російскихъ, вѣрящихъ твердо и въ Анчутку, и въ Ілью пророка, и въ матушку Прасковею-Пятницу, но и какой бы то ни было другой, самый передовой, самый культурный народъ способенъ создать рай Божій на землѣ, о которомъ мечтаютъ наиболѣе сердечные идеалисты реформаторы, и я чрезъ моря и океаны буду вавидовать этому раю; *докажите* мнѣ на 15 000 000 могилъ Марны, Восточной Пруссіи, Карпатъ, Балканъ, Арменіи, что братство народовъ — фактъ, и я умиленно буду плакать отъ радости; *докажите* мнѣ, что дѣйствительно слѣдуетъ во имя свободы тащить челоуѣка въ тюрьму, во имя равенства людей заливать, какъ новый Тамерланъ, ихъ кровью всю землю, во имя братства терзать ихъ въ чрезвычайкахъ, и я восхваляю

эту, теперь уму моему совершенно непостижимую, мудрость. Съ другой стороны докажите мнѣ, что величайшее счастье человѣка заключается въ томъ, чтобы подъ державнымъ водительствомъ какого-нибудь неудачника монарха идти на разгромъ своей собственной страны, какъ это случилось въ несчастной Россіи въ 1914 г., или хотя бы даже и странъ сосѣднихъ, и я пойду съ вами подъ шрапнель, подъ удушливые газы, на тифъ, на всякія муки; докажите мнѣ, что тѣ господа, которые организовали теперь по всему міру небывалую безработицу и нищету есть государственно-мыслящіе, а не государственно-безсмысленные люди, и я буду привѣтствовать ихъ и помогать имъ; докажите мнѣ, что версальскіе канибалы, только вчера оравшіе на весь міръ о «послѣдней войнѣ», о «цивилизацин, погибающей подъ угрозой нѣмцевъ», о союзѣ народовъ, канибалы, подъ пятой которыхъ стонутъ теперь сотни милліоновъ людей, уставшихъ за годы безсмысленной бойни, дѣйствительно, знаютъ, что они дѣлають, и я буду съ ними...

Недавно одинъ русскій профессоръ доказывалъ въ Берлинѣ, что наше время есть по преимуществу время крушенія утопізма, всякой соціальной фантастики. Онъ правъ: утопізмъ рухнулъ въ пучины голода, крови, людоедства. Но вся бѣда-то наша въ томъ и заключается, что не только фантастика провалилась, но и старые боги рушились въ современномъ катаклизмѣ. Да и кѣмъ былъ порожденъ этотъ нездоровый утопізмъ, какъ не старыми господами жизни, которые только и сдумѣли, что создать изъ жизни стойло и закончить свой трудъ небывалой, позорнѣйшей бойней? Большевики это только заключительный и вполне понятный аккордъ тысячелѣтнаго безумія...

Мы должны быть готовы къ тому, что за нашпмъ смутнымъ Sturm und Drang послѣдуетъ великій отходъ усталаго человѣчества на старыя, обжитыя позиціи, какъ ни мало весело жилось тамъ: Икаръ, устремившійся въ небо, съ поломанными крыльями падаетъ снова на печальную землю. Нѣмцы говорятъ: was ist drinnen, das ist draußen, что внутри, то и снаружи. Внутри оказался иногда старый знакомый волкъ-

человѣкъ, а чаще всего простой и поганый спекулянтишка, а потому и снаружи будетъ соотвѣтственно. И не сегодня, такъ завтра придутъ эти человѣко-волки, властные и могучіе, мощно уgomонять желѣзной рукой всѣхъ этихъ озорниковъ и трусовъ одновременно, разставятъ ихъ по своимъ мѣстамъ и всемилостивѣйше повелятъ имъ работать. И мы, Икары, увидимъ — и это будетъ тягчайшимъ наказаніемъ для насъ, — какъ эти милліоны мелкихъ жуликовъ, въ которыхъ мы, опьяненные своими собственными красивыми словами, думали видѣть Прометеевъ, бухнутся на колѣни и будутъ благодарно цѣловать карающую ихъ десницу, и — жизнь потечетъ такъ, какъ текла она тысячи лѣтъ тому назадъ и какъ она будетъ течь тысячи лѣтъ спустя послѣ насъ. И такъ какъ также будутъ цвѣсти ландыши по солнечнымъ рощамъ, и будутъ улыбаться прекрасныя дѣвушки, и будутъ строить облака свои воздушныя замки въ нечерѣющемъ небѣ, и будутъ такъ же солонны слезы человѣческія, и такъ же благоуханны маленькія человѣческія радости, то и будутъ люди, забывъ о нашихъ могилахъ, весело жить этой своей обычной, совсѣмъ не прометеевской жизнью, — впродъ до новаго приступа дурачества. А тогда опять и опять будетъ кровь, и снова будетъ скакать артиллерія, давя колесами раненыхъ, снова запыхаютъ города и села, и снова поднимется дикій бунтъ массъ, которыя не найдутъ въ тысячный разъ въ бойнѣ ничего, что имъ въ началѣ бойни всегда общается, и будутъ и жесты, и пышныя рѣчи, и вернется на землю вѣковѣчный Керенскій и снова обманетъ всѣхъ, начиная съ самого себя, и — снова возвратится рѣка въ берега свои... Такъ было и ничего другого и не будетъ...

Въ книгѣ этой много тяжелыхъ противорѣчій. Это просто одна сплошная ткань изъ противорѣчій. Это не удивительно, ибо время, которое мы съ такимъ мучительнымъ напряженіемъ переживаемъ, есть прежде всего смутное время, и смута эта выражается не только внѣшне, но и въ душѣ человѣческой живетъ она, — даже больше: если бы не было этой смуты въ душѣ, не было бы ее и въ жизни, ибо человѣкъ, у котораго

М ясно въ душѣ, знаетъ, что дѣлать. Мы же бредемъ жизнью среди потухшихъ маяковъ и куда придемъ мы и какъ, мы не знаемъ. Вѣрнѣ всего, къ той самой печкѣ, отъ которой мы и пошли танцевать. И если въ этихъ безконечныхъ противорѣчiяхъ, въ этой мучительной борьбѣ всякихъ за и противъ мнѣ удалось выявить отличительную черту нашего времени, смутную душу человѣка, то цѣль моя достигнута.

Вы кричите... Право, не стоитъ! Крикъ пустяки, крикъ — обманъ, подъ крикомъ дѣти и дикари часто прячутъ свою олабость и свой — страхъ. Ту пропасть, которая раскрылась подъ нашими ногами, крикомъ не заполнишь, какъ не заполнишь ее и тѣми «фигурами умолчанiя», къ которымъ прибѣгаютъ — не совсѣмъ простоудшно — профессора, говорящіе намъ о крушенiи утопизма, но замалчивающіе такое же крушеніе того общественнаго порядка, который порождалъ утопизмъ...

Надо говорить, и говорить до конца, и говорить только правду, ибо — какъ хорошо сказалъ одинъ молодой поэтъ, —

Всѣ тропинки жизни спутались клубкомъ,
Точно кто-то спуталъ ихъ, играя,
Выходы всѣ крѣпкимъ заперла замкомъ,
Заперла надолго доля злая.

Я не знаю, можно-ль будетъ отдохнуть,
Тихо таютъ грѣзы, умирая, —
Вѣдь, пока ищу я жизни вѣрный путь,
Гаснетъ жизнь печально дорогая...

I.

Загремѣла якорная цѣпь, тяжело бухнулъ огромный якорь въ воду, «Аоонъ» остановился. Нашъ эмигрантскій улей возбужденно загудѣлъ. Многіе наивно думали, что вотъ еще полчася и насъ всѣхъ спустятъ на берегъ. Не тутъ-то было! Между пароходомъ и берегомъ дѣловито забѣгали моторы, а по пароходу стали ползать всякіе слухи, плоды того истинно-русскаго беспроволочнаго телеграфа, который такъ отравляетъ жизнь всюду, гдѣ только появляются русскіе люди: одни увѣряли, что насъ будутъ держать въ карантинѣ двѣ недѣли, хотя заразныхъ болѣзней у насъ и не было, другіе утверждали, что переполненная Варна не хочетъ принимать насъ совсѣмъ и мы идемъ въ Константинополь, третьи заявляли, что и въ Константинополѣ высадка допущена не будетъ и, вѣроятнѣе всего, насъ повезутъ въ Салоники или же... вернуть въ Крымъ... И всѣ волновались, спорили, ссорились, отчаявались...

Еще одну ночь провели мы кто въ желѣзныхъ, насквозь промерзшихъ трюмахъ, кто въ невѣроятной давкъ теплыхъ помѣщеній, занятыхъ счастливчиками, а на утро насъ подтянули къ пристанямъ и — поставили военные караулы, чтобы ни одна душа не вышла на берегъ. На борту нѣсколько разъ появлялись представители болгарской власти, офицеры, портовой врачъ, всѣ выпивали у капитана исправно, всѣ закусывали, всѣ совершенно очевидно были готовы сдѣлать для насъ все возможное, чтобы только спустить насъ на берегъ и вообще всячески облегчить нашу участь, но административная машина работала своимъ

порядкомъ и томительно тянулся часъ за часомъ, а толку не было. И не только не было толку, у многихъ не было уже и продовольствія, а буфетчикъ сразу поднялъ цѣну за обѣдъ до 1000 р., да и по этой сумасшедшей цѣнѣ обѣдъ отпускался только класснымъ пассажирамъ... Раздались голодные, злые голоса, вопіявшіе о спускѣ на берегъ. Какой-то актеръ скандалилъ, показывая братушкамъ свою медаль за участіе въ какой-то болгарской войнѣ, но братушки были невозмутимы и блестящій штыкъ упорно загораживалъ дорогу всякому, кто слишкомъ ужъ рвался по трапу на желанный берегъ. И одни стали нелѣпо требовать, чтобы насъ везли въ Константинополь, другіе выражали желаніе возвратиться въ Севастополь, но растерянная пароходная администрація сотни разъ объясняла скандалистамъ, что до Севастополя у насъ не хватитъ угля, а противъ Константинополя возставали и сами пассажиры: слухи о тамошнихъ цѣнахъ огромному большинству изъ насъ, не имѣющихъ ни брилліантовъ, ни мѣховъ, ни валюты, внушали дикій ужасъ... Впрочемъ, по тѣмъ цѣнамъ, которые брали съ насъ подходившіе къ борту разношители съ бубликами, сосисками и проч., видно было, что съ русской «валютой» и здѣсь будетъ очень жарко.

И опять томительно потянулись долгіе часы. Насъ доброжелательно попрыскали чѣмъ-то пахучимъ, — да проститъ Господь болгарскія власти: они дерзостно называли это дезинфекціей!.. — потомъ стали составлять какіе-то именныя списки, потомъ стали раздавать какія-то «личныя карты», смысла которыхъ я такъ и не понялъ, ибо когда, протаскавъ эту карту уже на берегу нѣсколько дней въ карманѣ, я, наконецъ, выбросилъ ее, то никакого неудобства отъ этого я не испыталъ... — потомъ спустили чело­вѣкъ десять для закупки провизіи для всѣхъ на берегъ. Конечно, делегаты эти накупили пирожнаго и вина только для себя, а въ утѣшеніе остальнымъ они объявили, что завтра уже несомнѣнно выгрузка.

Прошла еще ужасная ночь въ нестерпимомъ холодѣ желѣзнаго трюма. Наступилъ и желанный часъ вы-

грузки. Носильщиковъ никакихъ не было и потому матросы, смотрѣвшіе на всѣхъ насъ, какъ на буржуазовъ, недорѣзанныхъ только по какому-то непростительному унушению, брали съ насъ за выгрузку все, что только хотѣли. Чтобы только спустить мой очень скромный багажъ на веревкѣ съ парохода на пристань — работа трехъ минутъ — я отдалъ 1000 р. Въ дикой суматохѣ сошла, наконецъ, и моя семья. Пошелъ и я.

— Вашъ паспортъ! — сказалъ приставъ, котораго всѣ мы считали въ эти нудные дни исчадіемъ ада, но который былъ только просто добросовѣстный приставъ.

Я предъявилъ ему паспортъ, выданный мнѣ черноморскимъ губернаторомъ и весь измазанный вдоль и поперекъ всяческими визами: французская, контръ-развѣдки, румынская, болгарская, сербская, безъ конца...

— Нѣтъ, не этотъ прошу васъ, а настоящий... — сказалъ приставъ, выразительно глядя мнѣ въ глаза. — У васъ долженъ быть и настоящий...

— Это мой единственный паспортъ. Другого нѣтъ...

— Нѣтъ, долженъ быть настоящий... — еще значительно проговорилъ приставъ. — Ну-съ?..

— Другого нѣтъ.

— Тогда я не спущу васъ съ парохода...

— Но у меня семья уже сошла...

— Вернемъ и семью... Давайте настоящий паспортъ!..

Я положительно началъ трусить: въ дикомъ сумбурѣ эмиграціи такая исторія могла кончиться очень не весело. Меня, видимо, считали тайнымъ большевикомъ. Но въ дѣло вмѣшался одинъ изъ губернаторовъ-эмигрантовъ въ генеральской формѣ и меня, наконецъ, выпустили. Черезъ нѣсколько минутъ маленькая, вапряженная маленькимъ осликомъ — по болгарски его звали «магари», а дѣти тотчасъ же передѣлали это въ «Макарій», — была верхомъ нагружена нашимъ убогимъ скарбомъ. Левикъ съ Вѣрунькой радостно взгромоздились наверхъ и мы, сопровождаемые взглядами любопытныхъ, въ длинной вереницѣ другихъ бѣженцевъ, быстро пошли чистенькими улочками когда-то тихаго, но почти европейскаго на-видъ городка,

направляясь въ «Торговскую Школу», гдѣ русскимъ бѣженцамъ было любезно отведено для помѣщенія нѣскольکو классовъ. И первое, что мнѣ бросилось въ глаза на улицахъ городка, это была большая афиша, которой всѣ извѣщались, что въ такомъ-то залѣ, такого-то числа докторъ такой то прочтетъ рефератъ на тему: «Взбаламучено море и смятена душа». Это было какъ-бы отвѣтомъ на тотъ безмолвный вопросъ, который стоялъ въ душѣ каждаго изъ насъ: а что ожидаетъ насъ теперь въ Европѣ? И вотъ маленький городокъ, затерявшійся на самой границы этой Европы, тихо и многозначительно отвѣчалъ намъ: «взбаламучено море и смятена душа». И тревожно стало на сердцахъ: не бурь, не смятенія пришли мы искать сюда, но отдыха отъ бурь, тишины, спокойнаго, увѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ труда, всего, о чемъ такъ истосковалась душа среди кровавыхъ кошмаровъ несчастной Россіи...

Но вотъ и «Торговская Школа», громадное и красивое зданіе почти на самой окраинѣ города. Вкругъ него точно встревоженный муравейникъ: тутъ и торговцы съ лотковъ, и извозчики, и бѣженцы, и мѣстные гимназисты, и наши военно-плѣнные, которые смотрятъ волкомъ, и французскіе солдаты, держащіе себя весьма развязно и вызывающе у населенія совсѣмъ недвусмысленныя чувства... Заглянули мы въ отведенныя намъ классы и сердце замерло: грязь, тѣснота, вши!.. А про уборныя и говорить нечего: отдѣляли ихъ наши немлячки такъ, что смотрѣть страшно! И тутъ эта руссійская нечистоплотность особенно безобразна, особенно бьетъ: тѣсное сожительство болгаръ съ магометанами-турками пріучило ихъ въ этомъ отношеніи къ особенно тщательной чистотѣ. Мы прямо растерялись: немислимо остаться въ этой клоакѣ! Болгары — до самыхъ маленькихъ гимназистиковъ включительно, — самымъ сердечнымъ образомъ наперебой предлагали намъ свою помощь по пріисканію комнатъ. И вотъ я побѣждалъ въ городѣ мѣнять деньги, а жена пошла съ какимъ-то гимназистикомъ смотрѣть комнаты, а когда я къ вечеру вернулся, довольно обезкураженный всѣмъ

видѣннымъ и слышаннымъ объ условіяхъ жизни здѣсь, у насъ были уже двѣ крошечныхъ каморочки въ окрестностяхъ города, среди садовъ, съ прелестнымъ видомъ на варненскій заливъ и на открытое море. Опять «Макарій», опять впередъ и вотъ мы уже въ нашихъ каморочкахъ у македонца-крестьянина и его говорливая и ласковая жена, Янка, то смѣясь, то хватаясь въ отчаяніи за голову, старается понять хоть что-нибудь изъ рѣчей ея гостей-братушекъ и почти ничего не понимаетъ...

Тѣснота у насъ страшная, но чисто, тепло, ласково и будущее какъ будто немножко яснѣетъ. И на другой же день мы поняли, какъ хорошо сдѣлали мы, уйдя изъ школы: тамъ вспыхнулъ сыпной тифъ. Бѣдные болгары!.. Они вполне опредѣленно знали о возможности этой заразы и тѣмъ не менѣе пустили насъ, безпріютныхъ, къ своимъ дѣтямъ...

Вообще, теперь же, на первыхъ шагахъ я долженъ отмѣтить исключительно задушевное, на рѣдкость сердечное отношеніе болгаръ къ намъ. Рабочіе, крестьяне, буржуазы, солдаты, даже дѣти, всѣ изъ всѣхъ силъ старались выказать намъ свое сочувствіе и по мѣрѣ силъ облегчить нашу тяжелую долю. И это не было политическимъ расчетомъ — ну, какой тамъ расчетъ у мужика или гимназистика? Нѣтъ, тутъ было что-то давнее, глубокое, искреннее, привычное... И, когда одна мѣстная большевистствующая газетка помѣстила враждебную эмигрантамъ статью, инсинуируя, что все это, дескать, обломки старого царскаго режима, благодаря которому Болгарія потеряла Добруджу, то выпадъ этотъ не нашелъ отклика въ широкихъ слояхъ населенія и только еще болѣе подчеркнулъ общую ласковость и сердечность.

Иду я на вокзалъ. На углу улицы кучка болгаръ.

— Въ Софію? — спрашиваютъ меня.

— Въ Софію...

— Ну, добрый часъ, братушка!.. Добрый часъ...

И всѣ подходятъ поочереды, чтобы пожать руку, и смотреть на тебя ласковыми глазами.

Къ одному моему знакомому, которому удалось

найти комнату въ гостинницѣ, чрезъ нѣсколько дней явился хозяинъ съ цѣлой пачкой счетовъ въ рукахъ и документально доказалъ ему, что эта комната всегда ходила по 40 левъ въ сутки. За эту же цѣну снялъ ее и мой знакомый.

— Но я буду считать съ васъ только по 30 левъ... — заключилъ хозяинъ.

Если на улицахъ вы обращаетесь къ кому-нибудь съ вопросомъ, какъ пройти вамъ куда-нибудь, то почти всегда спрашиваемый бросаетъ свое дѣло и, не смотря на всѣ ваши протесты, провожаетъ васъ до мѣста.

Моя дочь, Люся, вышла погулять съ Ангелинкой, дочерью нашего македонца. Ъдетъ извозчикъ мимо. Маленькая македонка дѣлится съ нимъ радостнымъ извѣстіемъ: она гуляетъ вотъ съ русской подругой! Извозчикъ усаживаетъ ихъ въ экипажъ и везетъ катать по городу...

Многіе и многіе, рассказывая обо всемъ этомъ пріемѣ болгаръ, прямо не могли слезъ удержать. Эта теплота, эта ласка, въ особенности послѣ всеобщаго дикаго овлобленія тамъ, въ несчастной Россіи, переворачивала душу до дна. И всѣ разводили руками: да какъ же могли они при всемъ этомъ воевать съ нами? По истинѣ, вабаламучено море и смятена душа во всей этой старой Европѣ!..

И болгары упорно отговаривали насъ отъ дальнѣйшаго движенія въ Сербію, увѣряя насъ, что тамъ лучше не будетъ — въ этомъ они оказались совершенно правы, — обѣщая насъ устроить подешевле, указывая на такія богатая и сытыя мѣста, какъ Великое Тырново, на примѣръ, гдѣ всего было вволю. И цѣлый рядъ городовъ телеграфировалъ, что они тоже могутъ принять бѣженцевъ: Тырново — 1500, Плевна — 1200, Рушукъ — 1000. И это — опять подчеркиваю это — тѣмъ болѣе приходилось цѣнить, что всѣ эти мѣста были переполнены своими бѣженцами, которые не тысячами, но десятками тысячъ устремились въ старую Болгарію изъ Добруджи, Македоніи и другихъ провинцій, отторгнутыхъ отъ страны версальскими мудрецами...

Насъ приняли какъ нельзя болѣе радушно, насъ

всячески уговаривали остаться, не ѣздить дальше, но какъ ни соблазнительно было остаться въ этомъ солнечномъ городкѣ, такъ близко отъ Россіи — кто знаетъ, можетъ быть, можно будетъ скоро возвратиться и домой, въ тайнѣ думали многіе... — но оставаться все же было невозможно: какъ учить тутъ дѣтей? Изъ всѣхъ зарубежныхъ славянскихъ языковъ болгарскій, несомнѣнно, самый близкій къ русскому, но тѣмъ не менѣе мы едва-едва сговаривались съ болгарами. Многіе слова ихъ звучали чрезвычайно забавно для русскаго уха: отель былъ у нихъ хотель, борщъ со свининой — свинскій борщъ, тушеная курица — кокошка задушена, а цѣлый рядъ невиннѣйшихъ русскихъ словъ, какъ таже курица, печка, спички пріобрѣтали у нашихъ братушекъ совсѣмъ скандальный смыслъ... Но не одинъ языкъ былъ, конечно, причиной нашего желанія двигаться дальше, но и эта дороговизна, и эта тѣснота, и эта скудость во всемъ, не наша теперешняя русская скудость, легко переходящая въ самый страшный голодъ, а просто отсутствіе прежняго изобилія, прежней поразительной дешевизны, позволявшей тутъ раньше существовать буквально на гроши. Это было слѣдствіемъ безумной европейской войны, страшные слѣды которой остались и тутъ, въ этомъ тихомъ городкѣ: вотъ построенная нѣмцами и разрушенная союзниками стратегическая желѣзная дорога, вотъ слѣды ужасныхъ бомбъ, сброшенныхъ на городокъ съ русскихъ гидроплановъ, вотъ страшные человѣческіе обломки великаго столкновенія народовъ, эти раненные, изувѣченные, слѣпые солдаты, которые сидятъ вездѣ по дорогамъ и просятъ милостыню... И, вѣроятно, сыграло въ этомъ рѣшеніи ѣхать дальше свою роль и простое любопытство — хотѣлось посмотреть, что стало со старой Европой за время войны...

Но хотѣтъ выѣхать и выѣхать въ наше время совсѣмъ не одно и то же, увы! Тѣ обломки стараго режима, которые безъ боя отступали съ нами на западъ, какими-то чудомъ сконструировались на чужой территории въ разныя комиссіи и подкомиссіи и усиленно навязывали всѣмъ намъ свои визы, безъ которыхъ вы,

какъ бѣженецъ, буквально не могли ступить и шагу. Результатомъ всей этой кипучей дѣятельности по маранію паспортовъ штемпелями было, кажется, только болѣе или менѣе приличное жалованье для членовъ этихъ миссій, потеря нѣсколькихъ дней для бѣженца въ безплодномъ стояніи во всѣхъ этихъ идиотскихъ канцеляріяхъ и, наконецъ, его истошный вопль: «да когда же, наконецъ, развяжусь я со всѣмъ этимъ начальствомъ, чтобы его совсѣмъ черти взяли!..» И сидять, и рассматриваютъ, и мараютъ бумагу, а въ передней стоитъ на костыляхъ несчастный офицеръ, только что вырвавшійся изъ Херсонской чрезвычайки: и руки, и ноги у него поджарены, это настоящій мученикъ, но стоитъ и онъ... А когда мы, наконецъ, измазали наши паспорта до неприличія и выбрались на вокзалъ, то увидѣли, что лучшіе вагоны забраны какъ разъ самими этими ловкими «миссіями», а намъ оставлены однѣ переполненныя теплушки; мопсикъ батумскаго губернатора усѣлся — конечно, бесплатно, — на бархатныхъ подушкахъ перваго класса, а наши дѣти ябли въ товарномъ вагонѣ. И когда всѣмъ этимъ героямъ прошлаго намекали осторожно, что такъ вѣдь и въ печать попасть не хитро, то они изволили пренебрежительно махать ручкой:

— Не запугаете — мы къ этому привыкли!.. Ха-ха-ха...

Ни того, что сдѣлали они съ Россіей, ни того, что они дѣлаютъ здѣсь, — ничего, ничего не понимаютъ!.. Прости намъ, конечно, Господи, этимъ мопсикамъ, но ихъ присутствія и здѣсь едва ли можетъ особенно порадовать уставшее бѣженское сердце...

II.

И вотъ нашъ поѣздъ аккуратно въ назначенное время тронулся: генералы, ихъ милыя дамы и мопсы въ свѣтлыхъ, чистыхъ и теплыхъ вагонахъ, мы же, скромные общественные работники, раненные, изувѣченные и больные сфицеры, маленькія дѣти, какъ и полагается, въ холодныхъ товарныхъ вагонахъ, въ

насмѣшку называемыхъ теплушками. Сердечное отношеніе болгаръ нѣсколько смягчаетъ тяжелое впечатлѣніе отъ поведенія нашихъ отечественныхъ безобразниковъ. Иногда, когда поѣздъ останавливается на какой-нибудь станціи, въ пестрой толпѣ поселянъ пробѣгаетъ легкимъ вѣтеркомъ: «русскіе... русскіе!...» и къ намъ устремляются болгары и моволистыя крестьянскія руки торопливо и ласково суютъ нашимъ дѣткамъ лепешку, орѣховъ, яичко...

Это — уже милостыня...

И невольно наворачиваются на глаза тяжелыя слезы...

Вкругъ меня грубоватыя, но ласковыя лица болгаръ-селяковъ. Мы пытаемся кое-какъ разговаривать. Особенно старается мой сосѣдъ, который почтительно и ласково зоветъ меня «бай Иване» и уже записалъ для чего-то въ свою записную книжку самымъ подробнымъ образомъ и мое имя, и мой московскій адресъ. Они спрашиваютъ о большевикахъ и, узнавая о тяжкомъ положеніи Россіи, печально качаютъ головами. Они увѣрены, что большевики у нихъ ни въ какомъ случаѣ верха не возьмутъ: многочисленное и сильное крестьянство ихъ не допуститъ этого. Тѣ попытки, которые были сдѣланы коммунистами въ томъ же Бургасѣ, были безпощадно подавлены войсками. Во главѣ правительства стоитъ у нихъ теперь Стамбулійскій, самъ бывший крестьянинъ, человѣкъ большой силы воли и очень рѣшительный. Рассказываютъ, что недавно, когда на него въ засѣданіи палаты стала очень ужъ насаждать крайняя лѣвая, онъ рѣзко оборвалъ ихъ:

— Пулеметы у меня, господа, всегда готовы... Я вамъ не Керенскій!..

Одинъ изъ спутниковъ, экспансивный и рѣшительный, настойчиво предлагаетъ намъ союзъ: Россія-Германія-Болгарія. Вообще въ Болгаріи наряду съ несомнѣннымъ и очень глубокимъ руссофильствомъ, уживается искреннее и широко распространенное германофильство. Чрезвычайно характерна была расклеенная тамъ въ это время повсюду карта новой Европы «въ лицахъ»: Россія изображена на ней огромнымъ бѣлымъ медвѣдемъ, который яростно срыгаетъ

съ себя крошечнаго краснаго человѣчка, вцѣпившагося ему въ горло, Сербія была изображена на костыляхъ, на которыхъ были написаны имена вновь присоединенныхъ къ ней областей, Франція, кажется, плясала и т. д. А на мѣстѣ Германіи не было видно ни одного человѣческаго лица — только густой лѣсъ дымящихся фабричныхъ трубъ и надпись: Германія работаетъ. Я думалъ, что это берлинское изданіе, но подпись говорила, что карта издана въ Софіи. И когда спросилъ я одного болгарина о причинѣ этихъ глубокихъ германскихъ симпатій, онъ, не колеблясь, отвѣтилъ мнѣ:

— Мы видѣли ихъ близко. И видѣли, какъ умѣютъ они работать. Серьезный народъ...

Не малую роль въ углубленіи этихъ германофильскихъ симпатій играютъ и союзники, которые слишкомъ ужъ вошли тутъ въ роль побѣдителей, совершенно вабывая, очевидно, что вся исторія рода человѣческаго въ томъ и состоитъ, что «нынче жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ»... Многие разсказываютъ о ихъ чрезвычайно развязномъ поведеніи въ побѣжденной Болгаріи, но ничто не возмущаетъ, кажется, простой народъ тутъ такъ, какъ безтактное распоряженіе французской оккупационной власти о томъ, чтобы болгарскія войска, возвращаясь съ ученія, не смѣли пѣть, по обычаю, которыя они переняли у русской арміи: болгарскія войска, изволите ли видѣть, побѣждены и должны чувствовать себя униженными, а они точно еще вызовъ въ лицо побѣдителямъ бросаютъ... Дальше, какъ будто, и идти некуда... И во всякомъ случаѣ отъ моего проѣзда по Балканскимъ государствамъ у меня, сторонняго наблюдателя, осталось вполне определенное впечатлѣніе: пресловутый балканскій пожаръ не только не потушенъ морями безумно пролитой въ послѣдніе годы крови, но наоборотъ, горячаго матеріала стараніями версальскихъ мудрецовъ скопилось тутъ еще больше.

Мы болѣе или менѣе благополучно тянемся все впередъ и впередъ. Губернаторскій пунсикъ чувствуетъ себя совсѣмъ превосходно: бѣгаетъ по станціи, поднимаетъ заднюю ножку въ нужныхъ мѣстахъ, — Толстой

называлъ это «собачьимъ телефономъ», — и, раазыигравшись, притворно лааетъ на своего хозяина. Тотъ умиляется. Намъ въ теплушкахъ было не такъ весело, но все же, благодареніе Богу, погода была прекрасная и мы благополучно катились все дальше и дальше. А вокругъ все больше и больше воспоминаній о быломъ. Еще въ Варнѣ поразило меня обиліе и у частныхъ лицъ, и въ общественныхъ учрежденій портретовъ Александра II, — чувство благодарности въ болгарахъ, видимо, было очень еще сильно. А теперь мы какъ разъ приближались къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ русскій народъ въ тяжкомъ напряженіи разбилъ оковы народа болгарскаго.

— Пордимъ!.. — говоритъ намъ одинъ изъ спутниковъ, указывая влѣво. — Въ этомъ селѣ была квартира царя — вонъ тамъ и домикъ тотъ стоитъ. До сихъ поръ сохранился...

Слѣва мелькнули кресты въ полѣ.

— Братскія могилы русскихъ... — говорили болгары. — А здѣсь вотъ, на холмахъ, стояла ваша артиллерія. То, вдали, Зеленая Горы...

И, наконецъ, торжественнымъ аккордомъ прозвучало: — Плевна!

И всѣ мы прильнули къ окнамъ и дверямъ, чтобы посмотреть на этотъ сѣренькій, глубоко провинціальный городокъ, надъ которымъ и теперь еще высятся тонкіе минареты турецкихъ мечетей. И всѣ думали почему-то, что Плевна это какое-то неприступное горное гнѣздо, а городокъ оказался внизу, въ долинѣ, среди совсѣмъ невысокихъ холмовъ...

И, когда проѣхали мы Плевну, сосѣдь-болгаринъ, совсѣмъ непонимавшій по-русски, вдругъ указалъ вправо, на небольшой, видимо, насыпной курганъ, на которомъ стояла маленькая пушка, обращенная къ Плевнѣ, и, блеснувъ на насъ своими черными глазами, уронилъ только одно слово:

— Османъ-паша!..

И всѣ мы безъ толмача поняли, что это мѣсто сдачи грозной арміи знаменитаго Османа-паши...

И ярко вспомнилось мнѣ прошлое. Я былъ еще

приготовишкой и въ гимназію меня провожалъ всегда нашъ дворникъ Ефимъ, старый фанагоріецъ, большой мой другъ. Не было для меня большаго удовольствія, какъ, вырвавшись изъ-подъ надзора строгой гувернантки, улизнуть въ подвалъ къ Ефиму. И вотъ мы сидимъ съ нимъ при свѣтѣ маленькой вонючей копилки, Ефимъ чинитъ свои сапоги или точитъ скребки для завтрашней очистки троттуаровъ, и медлительно, но съ большимъ чувствомъ, рассказываетъ мнѣ о переходѣ черезъ Дунай, о плевненскихъ бояхъ, о государь-анпираторѣ и — тутъ онъ всегда неизмѣнно плакалъ — о любимѣйшемъ героѣ своемъ, «бѣломъ генералѣ», Скобелевѣ. И какимъ восторженнымъ блескомъ горѣли голубые глаза моего пріятеля, какъ дрожалъ его голосъ, когда онъ, бросивъ работу, стоя посреди своего подвала, описывалъ мнѣ, какъ подъ Шипкой летѣлъ по фронту на бѣломъ конѣ своемъ, поздравляя войска съ блестящей побѣдой, бѣлый генералъ и какъ онъ, Ефимъ, маленькая песчинка въ этомъ сѣромъ морѣ, восторженно ревѣлъ ему навстрѣчу: «ура... ура... ура...» И грязнымъ фартухомъ своимъ Ефимъ вытиралъ невольныя слезы... Никогда, никогда не былъ я воинствующимъ патріотомъ своего отечества, но, когда я мысленно сравнивалъ теперь, въ болгарской теплушкѣ, этого стараго фанагорійца съ лохматыми развязными парнями, палившими по московскому Кремлю изъ пушекъ и заливавшими теперь Россію кровью, мою душу жгло чувство какой-то тяжелой и непонятной обиды...

А вотъ какъ разъ и они, эти новые русскіе люди. На одной изъ маленькихъ станцій, слышу, идетъ русская перебранка. То передъ офицерскимъ вагономъ нашего поѣзда столпилось нѣсколько нашихъ военноплѣнныхъ, возвращающихся черезъ Варну въ Россію и теперь демонстрировавшихъ предъ нами, русскими бѣженцами, свою новую, еще необношенную «сознательность». Конечно, было тутъ и «довольно нашей кровушки попили», и «довольно мы передъ вами тянулись», и «дымъ изъ головы то у насъ теперь вылетѣлъ...», и все, что полагается по этому новому катехизису попрежнему

темнаго чловѣка. Озлобленнымъ людямъ этимъ возражалъ изъ окна вагона какой-то капитанъ, болѣзненный и нервный, возражалъ грубо, неумѣло, нехорошо, и еще болѣе разжигалъ зеленый огонь ненависти, который и безъ того ярко горѣлъ въ главахъ атаковавшихъ его «большевиговъ». Слава Богу, скоро выѣшались болгарскіе стражники и разогнали этотъ импровизированный и чрезвычайно противный митингъ, отъ котораго долго потомъ саднило на душѣ у всѣхъ.

А къ вечеру капитанъ этотъ — увы, и онъ былъ членомъ какой-то фантастической миссіи!.. — напился: очень ужъ ему послѣ русскаго поста пришлось по вкусу болгарская «джибра» и «мастика». Онъ безтолково шатался по платформѣ на глазахъ у болгаръ и намъ было стыдно за него.

— Я тоже былъ раненъ!.. — пьянымъ голосомъ обидчиво кричалъ онъ. — И я свою кровь пролилъ...

Раненыхъ теперь миллионы, а вотъ уважающихъ свои раны, увы, очень мало. Оттого-то и кричатъ озлобленные темные люди о выпитой кровушкѣ, о томъ, какъ, будто бы, продавали ихъ енаралы, оттого-то и ѣдетъ въ нашемъ вагонѣ замученный молоденькій стрѣлокъ-офицеръ, — у него уже въ пути началось, кажется, зараженіе крови... — въ то время, какъ губернаторскій пупсикъ, покушавъ куриныхъ косточекъ, мирно дремлетъ на малиновой бархатной подушкѣ, оттого то забывая о Россіи, о своихъ золотыхъ погонахъ, о чести воинской, и болтается по платформѣ, и несетъ пьяную чепуху потерявшій себя чловѣкъ...

Но — довольно этихъ мучительныхъ русскихъ темъ! Такъ хочется забыться, такъ хочется отдохнуть хотя бы даже въ теплушкѣ нетопленной, на грудѣ чужихъ сундуковъ, края которыхъ такъ ядовито входятъ въ ребра.

Отчаянная вьюга и грязь, при отсутствіи калошъ — это теперь такая вѣдь роскошь!... — помѣшали мнѣ даже бѣгло осмотрѣть кокетливую Софію, въ пентрѣ которой стоитъ великолѣпный соборъ въ память русскаго святого Александра Невскаго, выстроенный по проекту русскаго академика А. Н. Померанцева и

расписанный Васнецовыми, Нестеровыми и др., а главная улица называется улицей Царя-Освободителя... Здѣсь мы перегрузились и потащились на Царибродъ, пограничную съ Сербіей станцію; тамъ мы постояли, сколько полагается, изрядно поволновались — транспортъ и здѣсь чрезвычайно пострадалъ за войну... — и, посвиставъ сколько нужно, двинулись въ предѣлы Сербіи...

Пупсикъ губернаторскій чувствовалъ себя превосходно и рѣзвился, какъ дитя. Его превосходительство умиленно любовался своимъ сокровищемъ и горделиво, вбокъ, поглядывалъ все на братьевъ славянъ: что?.. видали?.. Другое превосходительство нацѣпило на себя невѣроятное количество сербскихъ орденовъ и было очень довольное собой, такъ какъ наивные селяки пучили глаза не на другихъ, а преимущественно на него одного...

III.

Чѣмъ ближе подѣзжали мы къ завѣтному Бѣлграду, тѣмъ все болѣе сжимались отъ страха наши бѣженскія сердца: не только квартиру, но даже и комнату тамъ достать невозможно ни за какую цѣну — до такой степени переполненъ этотъ городъ! Нужно имѣть на рукахъ семью въ шесть человѣкъ, чтобы понять, какимъ похороннымъ звономъ отдавались въ душѣ такія извѣстія... Когда же конецъ нашимъ скитаніямъ — вѣдь длятся онѣ уже почти два года! Когда же мы, наконецъ, вымоемся, какъ слѣдуетъ? Когда будемъ мы спать на своей кровати? Когда будетъ у насъ хоть какой нибудь свой уголь?.. И сжимается сердце: бѣдныя ребятки! За что васъ-то ѣсть вошь, вы-то за что превратились въ бездомныхъ бродягъ, которые утромъ не знаютъ, гдѣ преклонять они голову вечеромъ? Или это кара за грѣхи отцовъ и «даже до седьмого колѣна» будетъ продолжаться надъ вами этотъ страшный судъ рока?..

И прибыли мы въ Бѣлградъ, и стали насъ катать взадъ и впередъ по запаснымъ путямъ, и явился кѣмъ-

то «уполномоченный» молодой компатріотъ нашъ, г. Хвостовъ, сынъ нѣвѣстнаго Хвостова, и обѣщаль устроить насъ къ ночи въ какой-то больницѣ, и, конечно, надулъ и не только не устроилъ, но, заставивъ прождать себя нѣсколько часовъ на пыльной набережной, совсѣмъ къ намъ не явился. О томъ, чтобы найти помѣщеніе для моей дѣтвора въ городѣ и думать было нечего: дѣти всюду и вездѣ считаются чѣмъ-то вродѣ холерныхъ или чумныхъ вибрионовъ и внѣдриться съ ними въ отель или частную квартиру можно только или силой, или обманомъ...

И тутъ, въ этихъ предварительныхъ попыткахъ узнать, какъ быть и что дѣлать, сразу рѣзко сказались равнища въ отношеніи къ намъ между болгарами и сербами. Въ концѣ концовъ сербы сдѣлали для насъ, бѣженцевъ, не меньше болгаръ, но не было въ нихъ этой непосредственной доброты, этой простой сердечности: точно по обязанности, по чувству долга помогали они намъ. Можетъ быть, сказался въ этомъ и болѣе замкнутый характеръ этого народа, а можетъ быть, и та, немножко засушающая европейская школа, которую они прошли: болгары все же и пространственно ближе къ Азіи и къ намъ, находящимся на рубежѣ этихъ двухъ огромныхъ міровъ. И помимо всего были и исключенія изъ этого общаго сдержаннаго тона: были и грубые выходы противъ насъ, были и добряки, которые при нашемъ появленіи оварялись радостной улыбкой и кричали: «а, руси, руси, — живіо!...»

И, когда мы въ ожиданіи пріятнаго молодого «уполномоченнаго» сидѣли такъ на нашихъ чемоданахъ въ пыли набережной, не разъ насъ окружала толпа простолюдиновъ. Многіе изъ нихъ побывали въ плѣну въ Россіи, говорили немножко по-русски и чрезъ нихъ любопытные разспрашивали насъ, какъ обстоятъ тамъ дѣла, хотя видъ моихъ ребятишекъ, сидящихъ въ пыли, подъ солнцемъ, на набережной, на жалкомъ скарбѣ нашемъ достаточно краснорѣчиво говорилъ о положеніи: отъ хорошей жизни въ Бѣлградъ на мостовую не побѣжишь... Мы рассказывали.

— И все это неправда... — сказалъ одинъ рабочій. — Ничего такого и быть не можетъ... Вѣдь, мы сами большевики, — развѣ мы когда допустимъ такое безобразіе?..

Уговаривать, доказывать было тутъ совершенно бесполезно, — пусть попробуютъ.

— А вы думаете, одолѣете вы адѣсь? — спросилъ я.

— Нѣтъ, пока невозможно... — отвѣчали рабочіе. — И военная партія очень сильна у насъ да и крестьяне противъ...

И одинъ изъ рабочихъ поманилъ къ себѣ разнощика лимонада и — угостилъ всѣхъ моихъ ребятъ этимъ демократическимъ шампанскимъ, а чрезъ нѣсколько минутъ къ ногамъ маленькой Вѣрочки изъ окна упалъ резиновый мячикъ, подарокъ неизвѣстнаго друга. Ее вообще безпрерывно ласкали всѣ.

— Вѣдь, мы сами были бѣженцами не разъ во время войны... — сказалъ кто-то. — По опыту знаемъ, какъ это сладко...

Наступала ночь. Помѣщенія не было. А рядомъ, на Савѣ, дымилъ пароходъ, отходившій въ Новый Садъ, который намъ такъ выхваливалъ старый Ненайдичъ, посоль Сербіи при ген. Деникинѣ. Тутъ, въ Бѣлградѣ, одни говорили, что тамъ, дѣйствительно, можно устроиться, а другіе скептически качали головами и утверждали, что и тамъ давка страшная. Но такъ какъ дѣлать было все равно нечего — мы же вѣдь не «миссія»... — то мы и рѣшили: семьѣ ѣхать сейчасъ же въ Новый Садъ, а мнѣ остаться по дѣламъ адѣсь, въ Бѣлградѣ.

Я погрузилъ семью на пароходъ, а потомъ ушелъ въ городъ, гдѣ мы втроемъ — графъ Д. А. О., членъ Государственнаго Совѣта, Б., молодой московскій буржуазъ, изъ всѣхъ силъ старавшійся походить на картинку изъ моднаго англійскаго журнала, и я — сняли втроемъ комнату, темную и грязную, у какой-то прачки за 30 динаровъ — или 1000 р. — въ сутки.

Съ утра началась бѣготня по мѣняламъ, въ консульство, гдѣ шло чистое столпотвореніе вавилонское, по разнымъ «миссіямъ», будь они прокляты, къ зна-

комымъ и проч. Весь аппаратъ жизни былъ разстроенъ до послѣдней степени и огромныхъ усилій нужно было, чтобы наладить самое простое и маленькое дѣло...

И во время бѣготни этой я увидѣлъ Бѣлградъ, этотъ грязноватый провинціальный городокъ, изъ всѣхъ силъ старающійся походить на настоящую европейскую столицу: даже изрѣдка блестящіе цилиндры встрѣчаются на главной улицѣ его, носящей имя краля Милана. Но въ общемъ толпа бѣлградская глубоко демократична и сѣра, какъ сѣра и вся сербская жизнь. Только изрѣдка яркимъ, красивымъ пятномъ мелькнетъ въ городской суетѣ подъ пышнымъ штандартомъ автомобиль молодого, симпатичнаго и жизнерадостнаго королевича Александра, большого руссофила. Толпа привѣтствуетъ его, а онъ кланяется и улыбается привѣтливо...

Тутъ, въ Бѣлградѣ, слѣды войны рѣзко бросаются въ глаза въ видѣ цѣлаго ряда зданій попорченыхъ, а то и совсѣмъ разрушенныхъ австрійскими орудіями. И много, много бродить по улицамъ изувѣченныхъ солдатъ... И разъ, случайно, пришлось видѣть мнѣ маленькую сценку изъ жизни ихъ, ярко говорящую о духѣ этой маленькой, но героической арміи, бывшейся до послѣдняго, но не продавшей своей родины.

Въ Бѣлградъ пріѣхала съ Кубани и остановилась въ отелѣ «Москва» сестра покойнаго государя, вел. кн. Ольга Александровна. На другое же утро ее посѣтилъ королевичъ Александръ. Прохожіе, завидѣвъ у подъѣзда отеля автомобиль королевича, останавливались, чтобы подождать его выхода. Остановились въ толпѣ и три изможденныхъ, безногихъ солдата на костыляхъ. И вотъ, когда вышелъ молодой король, — фактически королевичъ править теперь страной... — и толпа почтительно сняла шляпы, я видѣлъ, какъ строго вытянулись предъ королемъ изувѣченные солдаты и какъ старательно и любовно отдали они ему честь, долго, долго провожая его автомобиль глазами...

— Дурачье!.. — съ презрительнымъ смѣхомъ скажутъ теперь многіе представители «новаго міра», который такъ упорно не хочетъ налаживаться.

— Святые!.. — съ умиленіемъ скажутъ другіе, немногіе, тѣ, которые на страшномъ опытѣ съ ужасомъ узнали, что новая жизнь эта — только старый миражъ, за которымъ вотъ уже тысячелѣтія бѣгутъ люди, безжалостно давя другъ друга и который все рѣшетъ впереди, попрежнему заманчивый, но всегда неуловимый.

И другую вѣковѣчную драму человѣческую могъ я втихомолку наблюдать въ этомъ чужомъ городѣ.

Я говорилъ уже, что фактическимъ правителемъ страны является королевичъ Александръ — старый король Петръ, съ огромной бѣлой бородой и налитыми скорбью глазами, почти нигдѣ уже не показывается. Онъ, говорятъ, совсѣмъ ослѣпъ почти и все время молится и плачетъ. Страна его вышла изъ тяжкихъ испытаній съ честью, побѣда увѣнчала героическія усилія маленькаго народа, предѣлы царства стараго короля расширились, но — молится, уединившись отъ всего и отъ всѣхъ, старецъ съ серебряной головой, молится и плачетъ. Онъ не могъ не видѣть старыми глазами своими, во что обходится слава человѣческая, на чемъ она стоитъ, не могъ не понять старымъ сердцемъ своимъ всю пустоту и тщету власти, какъ всегда и вездѣ понимали это въ концѣ концовъ лучшіе представители ея. И вотъ, какъ результатъ цѣлой долгой жизни, — уединеніе, молитва и слезы... Люди, захваченные пестрыми, красивыми миражами жизни, погнутъ, конечно, плечами и скажутъ тихонько:

— Ну, что же, понятно, — старческое слабоуміе...

А, можетъ быть, въ этой молитвѣ и слезахъ самая сущность человѣческой мудрости? Вѣдь, не даромъ же тоже — какъ хорошо, какъ живо помню я это!.. — старенькій Левъ Толстой, увидавъ въ какомъ-то иллюстрированномъ журналѣ снимокъ съ гипсовой маски своего давняго недруга Наполеона, долго, долго смотрѣлъ на него и вдругъ жалостно заплакалъ тихими старческими слезами...

Да, старый король Петръ, послѣ всего перенесеннаго, заперся, молится и плачетъ, и страшно віяютъ пробоины снарядовъ въ изувѣченномъ Бѣлградѣ, и

тысячи изувѣченныхъ солдатъ разбросаны по разворенной, забаламученной странѣ. А на фонѣ всего этого — молодая обаятельная фигура королевича Александра. Достаточно взглянуть на это ласково улыбающееся лицо молодого короля, чтобы видѣть, что онъ весь еще подъ обаяніемъ власти, что чувствуетъ онъ себя любимымъ, что всѣ свои силы готовъ отдать на благо страны. Но — пусть будетъ остороженъ молодой король: одинъ неосторожный шагъ разомъ можетъ погубить всю эту нарядную, пьянящую поэму его жизни. Развѣ не видали мы ревъ и восторги миллионныхъ толпъ народныхъ, когда, торжественно сіяя, тянулся безконечный, пестрый, блестящій коронаціонный поѣздъ отъ Петровскаго дворца въ старый Кремль? А чѣмъ кончилось?..

И, когда автомобиль королевича исчезъ, свади меня послышался подавленный вздохъ. Я обернулся — старая артистка московскаго Большого театра утирала слезы.

— Своего уже нѣтъ, такъ хоть на чужого посмотримъ!.. — тихо прошептала она и губы ея прыгали и въ глазахъ снова и снова наливались слезы.

Товарищи, сознательнѣйшіе товарищи, скажите мнѣ по чести, по совѣсти, «какъ на духу»: имѣетъ право эта пожилая женщина страдать о томъ, что ей было дорого, имѣетъ она право не принимать того рая, которой вы уготовали и ей, или не имѣетъ? И какъ должны мы, сознательные, отнестись къ этому ея несомнѣнному страданію? Неужели же только отправить ее въ чрезвычайку?..

Вечеромъ того же дня шли мы съ В. Л. Бурцевымъ по Бѣлграду — онъ застрялъ адѣсь благодаря желѣзнодорожной забастовкѣ — и говорили о Россіи и большевикахъ. И вдругъ «знаменитый русскій революціонеръ» остановился, схватилъ меня за локоть и крикнулъ мнѣ въ лицо:

— Такъ!.. Но неужели же послѣ всего того, что они съ Россіей сдѣлали, они уйдутъ безнаказанными?..

И смотрѣлъ на меня пристально, ожидая отвѣта. А что я могъ отвѣтить? Если губернаторскій

пупсикъ, предварительно обгадивъ всю Россію, ушелъ, почему же не уйти Троцкому со своими латышами и матросами? И тяжело и непріятно мнѣ было въ «знаменитомъ революціонерѣ» это полное отсутствіе сознанія и *своей* виноватости передъ Россіей.

— Виноваты всѣ, Владиміръ Львовичъ, всѣмъ и отвѣчать... — сказалъ я.

— Охъ, такъ-то оно такъ... — сознался онъ. — Но все же нельзя имъ простить, имъ въ особенности...

Я не очень возражалъ: къ чему?

И очень любопытно было мнѣ, что Бурцевъ tête-à-tête былъ совсѣмъ не похожъ на Бурцева изъ «Cause Commune»: тотъ все еще билъ себя въ перси и кричалъ о «завоеваніяхъ революціи», а этотъ, на пыльных бѣлградскихъ улицахъ, признавался, что завоеванія эти не дорого стоятъ, и сознавался, что безъ царя, пожалуй, и не обойдешься... Это называется политикой, говорить...

Бѣда, бѣда, — о чемъ ни заговори, къ любимой мозоли все же вернешься въ концѣ концовъ! Отъ Россіи мы убѣжали, но боль свою, свою Россію унесли все же съ собой, въ себѣ. И часто прорывается это наружу — иногда тяжело и скорбно, а иногда и смѣшно немножко.

Идетъ, напрімѣръ, на дняхъ по Бѣлграду молодой казакъ-терець съ Георгіемъ, въ буркѣ и папахѣ, а навстрѣчу три французскихъ солдата. И говорятъ прекрасные союзники:

— Voilà un cochon russe!

Казакъ — раньше онъ былъ революціонеромъ-эмигрантомъ — моментально къ нимъ.

— Vous dites?

— Nous disons: voilà un cochon russe!

Не успѣлъ милый мальчикъ кончить своего комплимента, какъ здоровенный ударъ по уху бросилъ его на троттуаръ. Два другихъ французъ благоразумно отступили на заранѣе подготовленныя позиціи, а казакъ насѣлъ на своего врага и давай его возить... И когда онъ потомъ рассказывалъ этотъ маленькій эпизодъ намъ, ноадри его раздувались. А вѣдь такъ недавно

еще онъ, молодой революціонеръ, дѣлая грозное лицо, гдѣ-нибудь въ дымномъ парижскомъ кафе распѣвалъ:

C'est la lutte finale,
Levons-nous et demain
L'internationale
Sera le genre humain!..

IV.

Между тѣмъ день проходилъ за днемъ, а условленной телеграммы отъ жены съ ихъ адресомъ изъ Новаго Сада все не было и я не могъ, размѣнявъ, послать нужныя имъ деньги. Я началъ беспокоиться. Прошло еще три дня, — никакихъ извѣстій! Я за-просилъ по телефону начальника полиціи въ Новомъ Саду, — онъ произвелъ розыскъ, но въ городѣ моихъ не оказалось. Я рѣшилъ переждать еще дня два-три, а потомъ самому ѣхать на розыски...

А тѣмъ временемъ потихоньку выяснялись условія жизни въ этой, такъ пострадавшей въ страшной войнѣ, странѣ. Хозяйственная жизнь ея была потрясена до основанія. Все всюду было страшно переполнено и дороговизна на все стояла невѣроятная: на русскія деньги на мою семью при самой скромной жизни нужны были тысячи *ежедневно*. Противъ Геленджика, гдѣ мы жили послѣдніе мѣсяцы, все было раза въ три дороже. И одинъ совѣтывалъ ѣхать за Дунай, другой — на Адриатику, третій — къ Люблянамъ, четвертый настаивалъ на томъ, чтобы снять подъ Бѣлградомъ какую-нибудь разбитую дачку — онъ всѣ были разбиты болгарами и австрійцами, — отремонтировать ее кое-какъ за свой счетъ и жить спокойно, никуда «не рыпаясь». Но, не говоря уже о совершенно необходимой для дѣтей школѣ, здѣсь пугала и эта дороговизна и полное отсутствіе заработка. Изъ литературныхъ предпріятій здѣсь намѣчался только выходъ «Новаго Времени», которое старый М. А. Суворинъ хотѣлъ возобновить здѣсь. Но дѣло у него крѣпко тормозилось —

старая марка мѣшала старику въ наши демократическія времена, хотя онъ и увѣрялъ, приглашая меня сотрудничать, что и они, вѣдь, «поумнѣли». Увы, это оказалось явнымъ преувеличеніемъ нѣскольکو мѣсяцевъ спустя, когда начала тамъ выходить его газета...

Число русскихъ эмигрантовъ между тѣмъ увеличилось съ каждымъ днемъ: къ Варнѣ, Салоникамъ, Константинополю подходилъ пароходъ за пароходомъ, какъ съ нашего Черноморья, такъ и изъ Новороссіи, гдѣ отличался генералъ Шиллингъ, и разбитыя желѣзныя дороги милыхъ братушекъ неустанно подвозили все новыя и новыя толпы этихъ изнервничавшихся, совсѣмъ растерянныхъ людей. И одни осѣдали еще въ Болгаріи, а другіе неслись дальше, полные мечты объ отдыхѣ и уютѣ, по которымъ всѣ мы такъ стосковались.

Я видѣлъ прежнюю, революціонную эмиграцію, теперь были предо мной эмигранты съ другого общественнаго полюса. И изумительно: разница была только, во-первыхъ, въ возрастѣ — тамъ были больше все юнцы и юницы, у которыхъ молоко на губахъ не обсохло, а тутъ были, большею частью, люди того возраста, который не всегда по праву зовется «почтеннымъ»; во-вторыхъ, тѣ, прежніе, засѣдали цѣлыми днями и ночами въ низкихъ, дымныхъ, мало опрятныхъ комнаткахъ какого-нибудь кафе въ рабочихъ кварталахъ, эти изъ послѣднихъ динаровъ лѣзли въ привычную имъ обстановку кафе «Москва» или «Restaurant Français», гдѣ умѣли хорошо подать майонезъ изъ дунайской стерляди, подогрѣтое бургундское завертывали въ чистѣйшую салфетку, а пирожное было — языкъ проглотить! Въ остальномъ же поразительное сходство: то же фантазерство, та же безпочвенность, тоже полное отсутствіе практическихъ навыковъ, тѣ же ссоры и дразги. Тѣ, прежніе, дымя сквернымъ табакомъ, за вечеръ рѣшали и перерѣшали судьбы всего человѣчества, а чулки у нихъ были не штопаны и на жилетѣ не хватало пуговицъ, эти — и душестая мажорочка съ крупными брилліантами въ ушахъ, и ловкій молодой человѣкъ съ громкой фамиліей, уставшій отъ гражданской войны, которую онъ видѣлъ, благодаря

хорошимъ связямъ, лишь изъ пріятнаго отдаленія, и маститый экс-сановникъ, — собравшись вокругъ мраморныхъ столиковъ, на которыхъ тѣснились и пирожные, и кофе черный, и кофе бѣлый, и кюрасо, и шартрезъ, и шеколадъ, и пиво, вели безконечныя бесѣды на тему о томъ: «а вотъ если бы я былъ Деникинымъ...», причемъ всегда оказывалось, что на мѣстѣ Деникина онъ давнымъ-давно былъ бы въ Москвѣ «и мы не сидѣли бы съ вами, батюшка, въ этомъ кафе...» И это начинается съ утра и продолжается до поздняго вечера, когда можно идти смотрѣть въ кино новую сенсационную пьесу «только для взрослыхъ» или же перекочевать въ «Café Français», гдѣ подають такіе интересныя сюжетцы въ чистенькихъ передничкахъ. Изрѣдка кто-нибудь спохватится, сорвется и улетитъ похлопотать на счетъ льготнаго размѣна или купить пять-десять англійскихъ фунтовъ: одинъ знакомый, другъ извѣстнаго финансиста, говорилъ ему, что они непременно пойдутъ вверхъ. И онъ покупаетъ эти фунты, зашибаетъ на этомъ сотню-другую динаровъ, ѣстъ, торжествуя побѣду, и каплуна, и стерлядь, и торты, запиваетъ все рейнскими или французскими винами, а то хватить на радостяхъ и «extra dry» или «Cordon rouge». Но еще чаще на своихъ фунтахъ онъ прогораетъ и тогда длительно киснетъ и сердито разсуждаетъ на любимую тему о томъ, что сдѣлалъ бы онъ на мѣстѣ Деникина, но разсужденія эти въ огромномъ большинствѣ случаевъ были также безпочвенны и наивны, какъ и пылкіе дебаты апостоловъ всечеловѣчества и земного «рая для всѣхъ». Иногда эта партія extra dry пугала бѣдныхъ сербовъ грандіозными скандалами — не отъ того ли они и сдержанны такъ? — вродѣ того, который случился какъ разъ при мнѣ. Одна милая компанія — къ сожалѣнію, все въ золотыхъ и серебряныхъ погонахъ, — напилa и наѣла гдѣ-то на нѣсколько тысячъ динаровъ, а потомъ предложила въ уплату — добровольческіе «колокольчики»! Хозяинъ принять эти «деньги» отказался. Тогда веселые молодые люди вынули револьверы и стали орать: какъ смѣють къ нимъ относиться такъ, когда они за Сербію

кровь проливали? И такъ, публично, оплевали молодые люди свои золотые погоны, которые постольку и цѣнны вѣдь, поскольку они чисты.

А другіе, тѣмъ временемъ, уставъ отъ сидѣнія въ «Москвѣ», собирались гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и угощали другъ друга болѣе или менѣе скудными рефератами на тему или «Земельный законъ по проекту проф. Билимовича», или «Трагедія русскаго интеллигента», а то кандидата на россійскій престолъ примутся выбирать и моментально разобьются на нѣсколько секцій и подсекцій. И не видѣли они, что единственная, имъ такъ близкая теперь и серьезная трагедія русской интеллигенціи заключается въ томъ, что семьи ихъ сидятъ, немывыя, нечесаныя, въ одной гѣсной, нетопленной комнатухѣ, а въ окно страшными глазами смотритъ загадочное и въ обстановкѣ взыбаламученной Европы во всякомъ случаѣ тяжелое завтра.

И вся эта праздная болтовня, которую набожно слушаютъ десяткомъ наивныхъ сербовъ, называлась «русскимъ дѣломъ» и дѣлу этому придавалось очень большое значеніе — въ старину точь-въ-точь такъ дѣлалось дѣло революціонное. И если они устраивали концертъ, на которомъ пѣвица-бѣженка пѣла для мало музыкальныхъ сербовъ, нѣсколько нѣжныхъ романсовъ Чайковского, то это тоже было важное русское дѣло. И если они основывали на недѣлю — больше денегъ не было — сѣренькую русскую газетку, которая вся состояла изъ однихъ опечатокъ, то и это было русскимъ дѣломъ. И какъ и въ старину, всѣ кричали о необходимости объединиться и дѣйствовать сообща, но, если это и удавалось, то непременно для вздора: тѣ, прежніе, для немедленнаго осуществленія на практикѣ принциповъ коммунизма, эти для посылки человѣка въ Софію, гдѣ можно было выгодно спекулировать сербской валютой, — въ ущербъ той странѣ, которая ихъ пріютила...

И только очень немногіе начали серьезно и скромно завивать прочное гнѣздо на чужбинѣ: одинъ снилъ садъ и огородъ подъ городомъ, другой открылъ скромный комиссіонный магазинчикъ, третій поступилъ на скромное мѣсто въ скромный банкъ...

И тяжело было среди этих растерянных людей, гонимых бурей пугачевщины въ безвѣстныхъ и безрадостныхъ дали, но неволя заставляла всѣхъ ихъ держаться вмѣстѣ по той простой причинѣ, что въ темной, нетопленной комнатѣ не будешь же сидѣть безъ дѣла цѣлые дни. Вѣдь, у большинства изъ насъ даже стола не было, къ которому можно было бы пристѣсть и поработать. А кромѣ того, на людяхъ и смерть красна, говорятъ...

А отъ семьи все не было ни слуху, ни духу. Я собрался и поѣхалъ въ Новый Садъ. Директоръ полиціи очень любезно принялъ въ моей бѣдѣ большое участіе и завѣрилъ меня, что никакой бѣды во всякомъ случаѣ съ моими не произошло, потому что тогда полиція знала бы навѣрное о нихъ. Онъ далъ мнѣ на помощь одного изъ агентовъ сыска и мы обошли почти всѣ отели — нигдѣ ни слѣда! Тогда стали мы обходить немногія русскія семьи, уже раньше осѣвшія въ Новомъ Саду, и первая же изъ нихъ сообщила мнѣ, что ребятъ моихъ видѣли, что они несомнѣнно въ городѣ. Мой спутникъ, казакъ, оттузившій француза за *cochon russe*, и я раздѣлились и вечерѣющими уже уличками города отправились на поиски въ сады, парки, къ пристанямъ, всюду, гдѣ была надежда встрѣтить ребятъ, и часа чрезъ два казакъ, дѣйствительно, наткнулся на нихъ въ скудномъ садикѣ на берегу Дуная противъ старинной крѣпости Петервардейнъ.

Мы всѣ отправились на квартиру къ моимъ. Я буквально обмеръ: вся семья ютилась въ мрачномъ, сыромъ подвалѣ, снятомъ у какой-то очень подозрительной дамы по 40 кронъ въ сутки — въ отели дѣтей, конечно, не пустили. Здѣсь было значительно — вдвое — дешевле противъ Бѣлграда, но о томъ, чтобы здѣсь устроиться, и рѣчи быть не могло: все было переполнено въ этомъ пыльномъ, совершенно почти лишенномъ зелени городкѣ, который по этому, вѣроятно, и назывался по-сербски Новымъ Садомъ: изъ *Neusatz* передѣлали...

Оказалось, что жена посылала мнѣ и письма, и телеграммы, но ничто не дошло по назначенію, несмотря

на мои настойчивыя справки въ почтамтѣ и на телеграфѣ. Это былъ грозный признакъ большого развала жизни — вѣдь, Новый Садъ лежитъ всего въ 60 кил. отъ Бѣлграда.

Мы рѣшили ѣхать дальше на сѣверъ, въ Прагу, и на другую же ночь я выѣхалъ въ Бѣлградъ, чтобы хлопотать о проклятыхъ, ни на что не нужныхъ визахъ: жулики и проходимцы или просто обходятся безъ нихъ или великолѣпно добываютъ ихъ, а люди лойяльные воютъ отъ всей этой ерунды волкомъ. Въ переполненномъ поѣздѣ мѣста не было. Я залѣзъ на ту вышку, которая устроена для кондуктора во многихъ австрійскихъ вагонахъ. Сидѣть было довольно удобно, я былъ одинъ и въ стекла вышки сперва видѣлъ я вечернѣющія дали, а потомъ надъ почернѣвшей землей раскинулось чудное звѣздное небо... И съ грустью подумалось: въ кровавой безтолочи, въ которую превратилась наша жизнь, давно не видалъ я этихъ милыхъ звѣздъ, которыя я такъ любилъ раньше. Бѣды, лишенія, тяжелыя заботы черными тучами затянули теперь вѣчное небо и скрыли его отъ людей, то звѣздное небо, о которомъ такъ глубоко-прочувствованно говорилъ нѣкогда Кантъ. И — кто знаетъ — можетъ быть, въ этомъ и есть главное несчастье нашего времени, отъ котораго всѣ остальные несчастья являются только производными...

Черезъ нѣсколько дней письма и телеграммы отъ жены пришли-таки — раньше за это время легко можно было снести съ Америкой, — но въ телеграммахъ невозможно было понять буквально ни одного слова. Да, видно, и въ Европѣ жизнь будетъ намъ не легка...

V.

Чтобы ѣхать дальше, семья пріѣхала изъ Нового Сада въ Бѣлградъ и я на нѣсколько дней устроилъ ее въ невѣроятно грязной и сырой конурѣ «отеля» Крстичъ, недалеко отъ вокзала. Стоило это 40 динаровъ — или больше 1000 р. — въ сутки. И мы все

колебались: ѣхать ли въ Европу дальше или устраиваться на побережьѣ, около Рагузы гдѣ нибудь. Такъ надобно вѣчно двигаться, искать и не находить!..

И вдругъ встрѣчаю на улицѣ И. А. Бунина. Онъ только что вырвался изъ Одессы на французскомъ миноносцѣ. Въ Софіи его начисто обобрали жулики, взявъ рѣшительно все: деньги, академическія золотыя медали, брилліанты жены, все. А ненужные имъ документы аккуратно возвратили ему по почтѣ. Это были русскіе, большевики, служившіе въ той гостиницѣ, гдѣ останавливался онъ. Здѣсь, въ Бѣлградѣ, онъ жилъ въ холодномъ вагонѣ III класса съ выбитыми стеклами. Иванъ Алексѣевичъ страшно нервничалъ и капризничалъ: сербы не дали ему квартиры — жаловался онъ, — нашъ посолъ В. Н. Штрандманъ принялъ его въ передней, на-ходу, но всѣхъ лучше отличился кн. Г. Н. Трубецкой, который деликатно освѣдомился у Ивана Алексѣевича:

— А вы, собственно, чѣмъ же занимаетесь?

— Да такъ, знаете, пописываю... — сердито отвѣчалъ Бунинъ. — Стишки тамъ разные и все такое... Вечеромъ я зашелъ по дѣлу къ князю.

— Какъ же вы это такъ оскандалились, князь?

— Ей-Богу, и понять не могу... — развелъ онъ руками. — Говорятъ: академикъ. Ну, я и думалъ, профессоръ какой-нибудь — мало ли ихъ бываетъ? Мнѣ и въ голову не пришло, что это «тотъ самый, который»... Я на зналъ, что писатели тоже бываютъ академики...

Но, когда Иванъ Алексѣевичъ забывалъ немного свои несчастья, успокаивался, я снова видѣлъ въ немъ прежняго Бунина, остроумнаго собесѣдника, съ которымъ никогда не устаешь говорить. Иногда, когда бывалъ онъ особенно въ ударѣ, онъ мастерски изображалъ разговоръ Льва Николаевича съ Бальмонтомъ, копировалъ Горькаго, «Илюшу» Толстого и всѣ помиралъ со смѣху.

Между прочимъ, рассказалъ онъ мнѣ, какъ досталось въ Одессѣ сперва мнѣ, а потомъ и ему, когда онъ вступился за меня, за наши патріотическія высту-

пленія. Вотъ было улюлюканья, вотъ было издѣвательства!

— Большая сила еврей!.. — говорилъ онъ убѣжденно. — Страшная сила...

Разъ вечеромъ съ семьѣ профессора Кишенскаго, предъ небольшимъ кружкомъ «сидевановъ» Иванъ Алексѣевичъ прочелъ свой прекрасный, но тяжелый разсказъ «Весенній Вечеръ» и «Господина изъ Санъ-Франциско». «Господинъ изъ Санъ-Франциско» это реквиѣмъ, панихида не только по господамъ изъ Санъ-Франциско, но и по человѣку вообще, но мнѣ показалось, что, — какъ это часто бываетъ съ авторами, — онъ самъ не замѣчаетъ этого.

— А когда написали вы эту вещь? — спросилъ я, когда онъ кончилъ.

Оказалось, что во время войны еще.

— Знаю, знаю, что вы скажете!.. — воскликнулъ онъ.

— А я все-таки скажу... — отвѣчалъ я. — Скажите мнѣ, какъ это у насъ... не у васъ, а у всѣхъ насъ... вяжется редактированіе патріотическаго «Южнаго Слова», напримѣръ, пламенные, удивительныя страницы «Великаго Дурмана» и эта вотъ панихида, эта по существу страничка изъ Экклезіаста, какъ вашъ «Господинъ изъ Санъ-Франциско»?..

— А подите вотъ, вяжется!..

Я не разъ возвращался въ бесѣдахъ съ нимъ къ этой захватывающей меня темѣ, но до дна обсудить ее въ этой суматохѣ какъ-то не удалось. Но тѣмъ не менѣе удалось мнѣ подмѣтить одно: и въ груди талантливаго писателя и почетнаго академика можетъ жить «смятена душа», и онъ выбитъ изъ сѣдла, и не теперь, не послѣдними событіями, а раньше, давно, можетъ быть, до физическаго рожденія своего даже, т. е. другими словами, вывихнута душа у самой эпохи нашей, а послѣднія головокружительныя событія только рѣзко выявили эту, скрытую раньше невнимательному глазу, «болѣзнь вѣка».

Когда Сенкевичъ писалъ свое знаменитое «Безъ догмата», то намъ, обладавшимъ тогда весьма твердыми, весьма несомнѣннымъ, какъ намъ тогда казалось,

догматами, думалось, что герой [его это только частность, подробность нашей пышно цвѣтущей духовной жизни, рѣдкій случай, «красивый цвѣтокъ, выросшій въ сирадномъ болотѣ буржуазнаго міра»... и пр. Но съ тѣхъ поръ міромъ догматовъ нашихъ пронеслась страшная, небывалая, можетъ быть, буря, и произведенныя ею разрушенія теперь выявились еще далеко не въ полномъ своемъ объемѣ. И тѣмъ болѣе обязаны вдумчивые и серьезные люди, если хоть не исчерпать эту страшную тему до конца, то хотя указать на нее, подойти къ ней, попробовать поднять ту страшную завѣсу, за которой раньше стояли боги человѣческіе, а теперь зѣнеть ужасающая пустота. Тема эта очень щекотливая, очень больная и великая осторожность нужна при подходѣ къ ней со стороны писателя и большая терпимость и большое спокойствіе со стороны читателя. Не говорить объ этомъ нельзя: не только мы, русскіе, но мы, европейцы, летимъ въ какую-то, еще даже не совсѣмъ и открывшуюся бездну. Что дѣлается у насъ, въ звѣриномъ царствѣ чрезвычайекъ, намъ извѣстно достаточно хорошо: это какой-то апокалипсисъ, это не начало, какъ они думаютъ, но конецъ чего-то, не альфа, но омега. А вотъ недавно видѣлъ я одного неглупаго человѣка, только что прибывшаго изъ Германіи. Онъ растерянно говорилъ, что Германіи, прежней, честной, крѣпкой Германіи, узнать стало нельзя: все тамъ спекулируетъ, беретъ взятки, пляшетъ, развратничаетъ. Посмотримъ мы въ станъ «побѣдителей», и тотчасъ же самое слово это беремъ въ ироническія ковычки: нѣтъ, это не побѣда! И безчисленныя могилы на Марнѣ не обросли еще какъ слѣдуетъ травой, а Парижъ безумствуетъ и пляшетъ, и не хочетъ обезкровленнан страна работать, и корабли изъ ея портовъ уходятъ пустыми, ибо нечего вывозить. Англія трещитъ по всѣмъ швамъ: Ирландія и Египетъ, Константинополь и Индія, вездѣ пожаръ и свои же рабочіе затопили Кардифъ. Въ Италіи, Испаніи, Соединенныхъ Штатахъ, всюду разгораются мрачные огни революціи, тѣмъ болѣе мрачные, что мы-то, русскіе, на опытъ узнали уже всю великую безрезультатность этихъ

кровопролитій, всю великую безвыходность, которую они оставляютъ за собой...

Всѣ растерялись, всѣ не знаютъ, куда идти... Гдѣ онѣ, тѣ старыя знамена, подѣ которыми жили и трудились наши прадѣды?

Начнемъ съ религіи. Мальчишеское, съ плеча, отрицаііе религіи и церкви прилично товарищу-матросу изъ будто бы коммунистическаго отряда товарища Троцкаго, но не прилично намъ, культурнымъ людямъ съ уже сѣдѣющими висками, тѣмъ болѣе, что не только наивныя вскрытія мощей большевиками, но даже Вольтеры, Ренаны, Толстые не могли и никогда не смогутъ убить ни религіи, ни церкви. Тутъ что-то вѣчное, такое, съ которымъ никакъ нельзя не считаться. Но съ другой стороны — и это тоже не смоешь никакими океанами — какъ могла, какъ смѣла допустить христіанская церковь, чтобы такой кошмаръ, такой ужасъ безчисленныхъ, какъ песокъ морской, преступленій обрушился на насъ въ видѣ этой проклятой войны? Если мы хоть чуточку христіане, какъ можемъ мы плясать надъ незаросшими еще могилами Марны, Карпатъ, Балканъ? Если мы хоть чуточку христіане, какъ можемъ, какъ смѣемъ мы допустить, чтобы на роскошнѣйшихъ улицахъ нашихъ столицъ, на виду у разряженной толпы, ковыляютъ тысячами, тысячами эти изможденные, безрукіе, безногіе, слѣпые солдаты? Если мы хоть чуточку христіане, какъ можемъ мы спокойно жить, зная, что вся Россія залита кровью, что гибнуть тамъ съ голоду миллионы людей, что въ проклятыхъ застѣнкахъ тамъ свершаются неслыханныя человѣческія жертвоприношенія красному Молоху? Преслѣдовать какихъ-нибудь сектантовъ, беззащитныхъ людей, церковь могла, но пришелъ пьяный матросъ, стукнулъ прикладомъ и она забила подѣ кровать, — на что же нужна она, если молчить она въ такое время, когда камни вопіютъ?!

Вѣдь, боль нашего сердца, когда встрѣчаемъ мы изуродованнаго солдата въ лохмотьяхъ, совершенно ясно говорить намъ, что Христосъ живъ, что Онъ среди насъ, но съ другой стороны всей своей жизнью,

ежедневно мы безжалостно топчемъ грязными ногами Евангеліе и не только, какъ Петръ, временно отрекаемся отъ Него, но, какъ Іуда, продаемъ Его за гроши, съ тою только разницею, что Іуда продалъ Его разъ и, предавъ, съ горя удавился, а мы продаемъ Его сотни разъ въ день и продолжаемъ благоденствовать, хотя въ измученныхъ глазахъ нашихъ опредѣленно написана цѣна такому благоденствію. Не морализировать тутъ я хочу, не бичевать, не призывать, — и громче насъ были витіи... — я хочу только указать, что внямя крѣпкой вѣры, подъ которымъ шли и трудились наши дѣды, выпало изъ рукъ нашихъ: съ одной стороны по землѣ изволеніемъ Господа не даромъ же прошли всѣ эти Галилеи, Ренаны, Толстые, а съ другой стороны, будучи, несмотря ни на что, все же хоть немножко христіанами, мы не можемъ, не можемъ, не можемъ простить церкви, что она явно попустительствовала всѣмъ нашимъ безуміямъ и, попустительствуя, явно зашла вмѣстѣ съ нами въ кровавое, смрадное болото, въ тупикъ, изъ котораго пока выхода не видно...

Отечество? Государство? Его благосостояніе, его процвѣтаніе? Но именно эти послѣдніе пять лѣтъ, когда мы видѣли крушеніе столькихъ могучихъ и славныхъ государствъ, и научили насъ нѣкоторому недовѣрію и къ этому знамени. Конечно, и раньше мы знали, что государства, какъ и все, умираютъ, но то было какъ-то далеко, то было въ книгѣ, то ничему не научало, — совсѣмъ другое дѣло, когда перенесетъ все это человѣкъ на своей шкурѣ. Ну, хорошо, Deutschland, Rußland über alles, великолѣпно, но для этого прежде всего нужна неустанная, напряженная борьба съ ближними и дальними, нужны союзы, соглашенія, нужны арміи въ десятки милліоновъ людей, нужны многомилліардные флоты морскіе, воздушные, сухопутные, въ видѣ танковъ, нужно выкачивать изъ народа всѣ его соки на эти идіотскіе бездымные пороха, удушливые газы, мины Уайтхеда, подводныя лодки, чудовищныя пушки и проч. И, какъ мы это все ни налаживаемъ, мы все таки дрожимъ, какъ бы

сосѣди насъ тутъ не перегнали въ чемъ. Дрожимъ годъ, дрожимъ пять, дрожимъ десять и вотъ въ одинъ прекрасный день катастрофа разражается: миллионы людей ни за что, ни про что убиты, миллионы искалѣчены, цѣлыя страны раззорены до нитки и Deutschland, которая была über alles, и Rußland, которая была тоже über alles, лежатъ въ развалинахъ, а «побѣдители» умираютъ отъ страха предъ возможностью реванша, умираютъ отъ истощенія и народнаго недовольства, вызваннаго прежде всего явной *безрезультатностью*, явной бессмыслицей всего происшедшаго. И сказка начинается съизнова: Польша Великая — über alles, Чехія über alles, Сербія тоже über alles, всѣ über alles... Но позвольте: разумъ-то человѣческій данъ мнѣ на что-нибудь?!

Намъ говорятъ, что эти, старые, боги умерли и что на ихъ мѣсто уже поставлены кумиры новые: социализмъ, атеизмъ, интернаціональ. Извините, стараго воробья на мякинѣ уже не проведешь! Социализмъ? Мы достаточно видѣли г. г. социалистовъ у власти, чтобы не знать настоящей цѣны имъ. Они залѣзали во дворцы, имъ весьма понравилось шампанское и автомобили, они все сдумали разрушить, продать, обгадить, но создать ни у насъ, ни гдѣ бы то ни было они ничего не смогли, ибо они и не подозреваютъ даже, что такое созиданіе. Въ лучшемъ случаѣ все, что они создать могутъ, это хлесткая передовица или занозистая митинговая рѣчь, т. е. вздоръ, ничто. Всюду и вездѣ, попавъ къ власти, социалисты поумнѣе, похитрѣе, видя, что у нихъ не только ничего не выходитъ, но и выдти не можетъ, начинаютъ незамѣтно, потихоньку возвращаться на старыя позиціи, дѣлая видъ, что они открываютъ какіе-то новые, духъ захватывающіе горизонты, т. е. попросту дурача тѣ массы, которыя вручили имъ свои души, свои бюллетени, автомобили и приличное за труды вознагражденіе. Полиція у этихъ господъ становится мнлиціей, хотя, по существу, остается, конечно, все той же полиціей, офицеры у нихъ снимаютъ погоны съ плечъ и знаки своего отличія нашиваютъ шесть верш-

ковъ ниже, на рукавѣ, и ко всему, на потѣху дурачкамъ, булабочкой прикалывается эпитетъ «народный»: судъ становится «народнымъ», школа «народной», университеты, театры и даже остроги тоже «народными». Такъ неужели же мы, старые воробьи, будемъ участвовать въ такой пошлой комедіи? Неужели же можно унизиться до того, чтобы добиваться голосовъ этихъ избирателей? Благодарю покорно!..

Интернаціональ? А развѣ мы не видѣли своими глазами скандала, случившагося съ краснымъ знаменемъ? Развѣ не видѣли мы, какъ, поднявъ это красное знамя интернаціонала, возставшіе народы всюду и вездѣ вдругъ неожиданно окрасились въ ярконаціональные цвѣта и — ринулись на взаимоистребленіе? Поляки подъ краснымъ знаменемъ истребляли нѣмцевъ, венгры — румынъ, индусы — англичанъ, грузины — армянъ, татары — грузинъ и армянъ, а мы, вѣчные головотяпы, самихъ себя. Намъ говорятъ, что это социализмъ не настоящій. А гдѣ же настоящій? Настоящій въ трехъ малюсенькихъ редакціяхъ и въ головахъ двухсотъ пятидесяти трехъ недорослей...

Атеизмъ? Атеизмъ это отрицаніе, а отрицаніемъ не живутъ, какъ не ѣздятъ на отрицаніи желѣзной дороги и не ѣдятъ отрицаніе обѣда. И если я невольно за пестрой и прекрасной картиной міроаданія смутно, но несомнѣнно чувствую присутствіе Кого-то, если я иногда вдохновенно постигаю существованіе міровъ нныхъ, то не бойкому фельетонисту, конечно, разбить въ милліардахъ людей это вѣчное начало, заставить замолчать эти таинственные голоса...

Ну, такъ что же, наплевать на все и жить только для себя, создавать только свое благополучіе? Но строить свой домъ въ отечествѣ социалистическомъ — экая абракадабра: социалистическое отечество!.. — безсмысленно: социализируютъ, націонализируютъ, муниципализируютъ, аннулируютъ и просто грабятъ на пропой. Въ отечествѣ über alles? Давайте ваши штаны послѣдніе на сверх-обер-драдноутъ, на раненыхъ, на мины, давайте вашего сына, чтобы мы оторвали ему голову, отрекитесь отъ Христа, Который, несмотря

на весь мусоръ, все же живетъ въ вашей дуплѣ хоть искоркой одной, а мы дадимъ вамъ за это орденъ Почетнаго Легіона, Желѣзнаго Креста, Льва и Солнца. И хорошо жить для себя моему компаньону по комнатѣ: нацѣпить галстухъ, въ глаза воткнуть монокль, въ лѣвую руку защемить свѣжін перчатки и увѣренъ, что на него всѣ смотрятъ и удивляются, но намъ-то, старикамъ, что дѣлать? Куда намъ-то теперь идти?

И вотъ, чувствуя надъ своими головами вѣяніе великаго ничто, мы одной рукой, чтобы скрыть ужасъ открывшейся подъ нашими ногами пустоты, редактируемъ въ нашей «государственно мыслящей» газетѣ статью противъ обезпокоившихъ насъ большевиковъ, а другой съ великимъ отчаяніемъ пишемъ новую страницу къ вѣчному Экклезіасту.

«Смятена душа»!.. Но плыть по забаламученному морю можно только съ твердой и ясной душой. Куда же занесутъ бурныя волны наши «смятенныя души»? Мы не знаемъ и отъ этого въ душѣ нашей великая пустыня и — печаль...

VI.

Мы все были въ нерѣшительности: здѣсь оставаться почти нѣтъ возможности, а ѣхать — куда? Для воспитанія дѣтей очень прельщала Швейцарію. И вотъ на мой запросъ туда старому соратнику по установленію царства небеснаго на землѣ, П. И. Бирюкову, пришелъ оттуда отвѣтъ: условія существованія и тамъ очень тяжелы и во всякомъ случаѣ намъ съ нашими жалкими грошами явно не по карману. Самъ онъ собрался въ Москву — это единственное, какъ писалъ онъ мнѣ, мѣсто теперь, гдѣ можно жить и работать, насаждая «весь Господню», а кто говоритъ противное, тотъ только клеветникъ. Ну, пусть попробуетъ!

Конецъ моей нерѣшительности положилъ И. А. Бунинъ. Встрѣчаю его разъ утромъ въ кафе «Москва», возбужденнаго и довольнаго.

— Ъдемъ, ъдемъ!.. — говоритъ онъ. — Я досталъ себѣ купѣ до Вѣны въ прямомъ вагонѣ. И вамъ обѣщали. Идите скорѣе закрѣпить его. А тамъ увидимъ, куда лучше, въ Прагу или еще куда...

Такъ мы и сдѣлали. Я выхлопоталъ себѣ купѣ рядомъ съ бунинскимъ и на утро со скорымъ мы двинулись въ путь. Конечно, отошелъ поѣздъ съ большимъ опозданіемъ, конечно, переполненный выше всякой мѣры, конечно, великій развалъ сказывался на каждомъ шагу во всемъ, но таможенные порядки — «Finanz», какъ коротко, по съ большой ироніей называлъ эту музыку кондукторъ, — превозошли все, что только можно вообразить по части безсмыслицы. Багажъ отъ Загреба шелъ въ одномъ направленіи, а пассажиры — въ другомъ и вотъ, если вы не хотѣли — а хотѣть этого трудно... — чтобы багажъ вашъ навѣки застрялъ въ Люблянахъ, гдѣ его долженъ досмотрѣть этотъ самый Finanz, то вы, оставивъ свой поѣздъ, должны были летѣть сто верстъ вслѣдъ за багажомъ, показать его тамъ, а затѣмъ догонять еще сто верстъ тотъ поѣздъ, на которомъ вы ѣхали раньше. Безсмыслица изумительная, но одной безсмыслицей больше или меньше, не все ли равно теперь? И мы покорно подчинились безсмыслицѣ и понеслись въ Любляну, къ Finanz. Мы думали, что хоть за эти 200 верстъ съ насъ ничего не возьмутъ, ибо ѣхали же мы ихъ совсѣмъ не для своего удовольствія, а для удовольствія Finanz, но съ насъ все же исправно взяли за билетъ все, что полагалось. Finanz очень любезно, т. е. совсѣмъ поверхностно, однимъ пальцемъ поковырялъ сверху въ нашихъ сундукахъ, велѣлъ закрыть ихъ, налѣпилъ на нихъ желтенькіе билетики и отпустилъ насъ съ миромъ. Ну, не умно ли устроена жизнь человѣческая?..

Но за всѣ эти труды и безсмыслицу я въ полной мѣрѣ былъ вознагражденъ прежде всего красотой природы. И отъ Варны до Бѣграда попадались изрѣдка красивыя мѣста, какъ въ Червень-Брегѣ, напримѣръ, но здѣсь, въ этихъ отрогахъ Альпъ, было несравненно красивѣе, тѣмъ болѣе, что сзади остались унылыя,

равнины Задунайской Сербіи, такъ похожія на нашу Екатеринославскую губернію... Всюду громоздятся отвѣсныя скалы, лѣсистые хребты убѣгаютъ въ солнечныя утреннія дали, шумятъ водопады въ звонкихъ ущельяхъ и всюду по утесамъ видны маленькія, бѣленькія католическія церкви, а мѣстами на большой высотѣ тяжело громоздится средневѣковой замокъ съ сѣрыми, заплетенными плющемъ башнями. Эта чистота, этотъ уютъ, *Gemütlichkeit* во всемъ совершенно опредѣленно говорятъ, что если тутъ живутъ и славяне, то во всякомъ случаѣ славяне, прошедшіе великолѣпную нѣмецкую школу, — сами славяне такъ устраиваться на землѣ на умѣютъ, — и грѣшный человѣкъ, я опредѣленно думаю, что сокращеніе Австріи до размѣровъ небольшой русской губерніи едва ли будетъ факторомъ хотя бы чисто матеріальнаго, чисто даже наружнаго прогресса. Но такъ хотѣли версальскіе старцы — намъ остается только почтительно склониться предъ этой мудростью, хотя бы и не понимая, въ чемъ она тутъ заключается...

Здѣсь, за Дунаемъ, Сербіи почти и не слышно, но совсѣмъ опредѣленно слышно враждебное отношеніе къ Бѣлграду. Всюду и вездѣ слышна нѣмецкая рѣчь. И если вы на улицѣ спросите, какъ вамъ пройти въ переулокъ Млынка, то вамъ сердито отвѣтятъ:

— Не знаю. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ у нихъ Млыннокъ этотъ самый...

Вы пробуете настаивать, указывая, что вы иностранецъ и что старыхъ названій вы не знаете.

— Да право же не знаю!.. — отвѣчаетъ туземецъ. — Они, чортъ ихъ совсѣмъ дери, всѣ нѣмецкія и венгерскіи названія замѣнили славянскими и такъ все перепутали, что часто теперь мы и сами не знаемъ, гдѣ мы живемъ...

Но бываетъ и наоборотъ. Намъ надоѣло заговаривать съ сербами по-русски — толка все равно никакого не получается, еще меньше, чѣмъ съ болгарами, — и стали мы начинать разговоръ сразу по-нѣмецки. И вотъ разъ такъ и поступила жена на дунайскомъ пароходѣ. Капитанъ вспылить:

— Если бы вы обратились ко мнѣ по-русски, то я, конечно, не взялъ бы съ вашей семьи за билеты ни копѣйки... — сказалъ онъ. — Россія слишкомъ много для насъ сдѣлала, чтобы мы могли забыть это. Но вы начали со мною разговоръ по-нѣмецки, а поэтому потрудитесь уплатить все, что требуется...

И вертись тутъ, какъ хочешь! Во всякомъ случаѣ, ясно видно, что чепуха начинается съ другого конца. На очереди Сербія über alles...

Но ворчатъ не только коренные нѣмцы. Когда разъ послѣ небольшой бесѣды съ люблянцами на политическія темы, я въ упоръ спросилъ ихъ, какъ довольны они новымъ режимомъ, они разомъ замолчали и только выразительно завертѣли глазами...

И, когда мы, покончивъ наши дѣла съ Финанзомъ, понеслись съ триестскимъ экспрессомъ дальше, къ Марибору, — прежде Марбургъ, — къ австрійской границѣ, высокая нѣмецкая культура во всемъ бросалась въ глаза и безъ всякихъ разговоровъ становилось ясно, какъ трудно будетъ земледѣльческой и малокультурной Сербіи ассимилировать эти мѣстности съ явно чуждымъ, враждебнымъ и несомнѣнно болѣе культурнымъ населеніемъ. Я профанъ въ специально славянскихъ дѣлахъ, я не знаю, на сколько велики тутъ историческія права Сербіи, но я знаю, что, опираясь на эти пресловутыя историческія права, Польша претендуетъ и на насквозь нѣмецкіе Кенигсбергъ и Данцигъ, и на столицу Бѣлоруссіи — не Бѣлопольши! — Минскъ, и на всю правобережную Малороссію съ матерью городовъ русскихъ Кіевомъ, забывая, что и Суворовъ гостилъ вѣдь въ Варшавѣ да и потомъ русскіе были тамъ довольно прочно устроены. Опираясь на этотъ принципъ, астраханскіе татары вполне могли бы претендовать теперь на Москву. Я не знаю, что дѣлали тутъ раньше сербы и вообще славяне, но теперь это чисто нѣмецкіи области и я вполне опредѣленно чую тутъ въ будущемъ большую кровь. Это я не въ пику сербамъ говорю, — напротивъ, изъ симпатій къ этому честному, героическому народу, который хочетъ повторить австрійскія ошибки. Австрію продали сла-

вянскіе полки, будущую Сербію въ нужный моментъ продадутъ полки нѣмецкіе.

Но мы пока что опредѣленно радовались, чуя вокругъ себя эту, уже подлинную европейскую культуру: не можетъ быть, чтобы и здѣсь намъ не удалось устроиться по-человѣчески и отдохнуть!..

А подъ вечеръ И. А. Бунинъ, подъ мѣрный стукъ австрійскаго вагона, сталъ читать намъ свои жуткіе крестьянскіе рассказы и снова на насъ повѣяло далекой Россіей, темной, нелѣпой, сбившейся спанталыку, но все же своей, родной. И думалось смутно: когда-то увидимъ мы этихъ нашихъ нечесаныхъ федеративныхъ социалистовъ? Какими? Я думаю, что еще много чрезвычайныхъ сюрпризовъ ожидаетъ насъ тамъ, въ этой странѣ Анчутки и трехъ китовъ. Воображать, что тамъ выдумали что-то такое особенное, «планетарное», какъ говорить этотъ грубый себѣ на умѣ фигляръ, Горькій, что мы говоримъ міру какое-то новое слово, могутъ только очень, очень наивные люди. То, что дѣлается сейчасъ въ Россіи, это совсѣмъ то, что и раньше дѣлалось въ ней не разъ: это простая пугачевщина, это просто новые «воры» пришли вродѣ пригнопамятныхъ тушинцевъ. Недавно одинъ циникъ коротко и ясно изложилъ предстоящіе не только намъ, но и всему міру перспективы: монархія родитъ порнодокъ, — говорилъ онъ, — порядокъ родитъ благосостояніе, благосостояніе родитъ неравенство, неравенство родитъ недовольство, недовольство родитъ революцію, революція родитъ анархію, анархія родитъ монархію. монархія родитъ порядокъ, порядокъ родитъ благосостояніе...» и — сказка про бѣлаго бычка продолжается во все новыхъ и новыхъ варіантахъ, со все новыми и новыми, часто очень красочными, подробностями. И всего замѣчательнѣе въ сказкѣ этой то, что люди никакъ не могутъ замѣтить, что они топчутся на одномъ мѣстѣ, на кругахъ, какъ заблудившійся путникъ, — имъ все кажется, что они грандіозно идутъ «впередъ», vers plus de liberté. plus de justice, plus de vérité, какъ говорить наивный Золя въ своихъ наивнѣйшихъ и пошловатыхъ «Четырехъ Евангеліяхъ».

Сотни разъ мѣняли люди республику на монархію и монархію на республику и все еще не сыты, все имъ при монархіи кажется, что только республика дастъ имъ, наконецъ, желанное счастье, а при республикѣ мечтаютъ они о монархіи, какъ избавительницѣ отъ всѣхъ золъ. Мы со смѣхомъ бросятъ: ну, не скоро дождетесь вы, чтобы Соединенные Штаты стали мечтать о монархіи! Какъ сказать? Во всякомъ случаѣ армію и флотъ они увеличиваютъ чрезвычайно, генералы приобретаютъ тамъ все большій и большій вѣсъ. А послѣдній законъ о забастовкахъ въ транспортѣ? За всякую попытку къ забастовкѣ въ этой области 10.000 долларовъ штрафа или 10 лѣтъ тюрьмы, или то и другое вмѣстѣ... Тамъ не стѣсняются. И воображать, что люди, переплывъ океанъ, стали совсѣмъ другими, конечно, очень наивно. Теперь американцы чрезвычайно гордятся, что у нихъ небоскребы the greatest in the world, что ихъ трансатлантики — the greatest in the world, а вполне возможно, что придетъ время, когда они будутъ гордиться, что ихъ императоръ — the greatest in the world. Возьмите, напримѣръ, такое положеніе: большевизмъ и тамъ несомнѣнно растеть, онъ вспыхиваетъ, генералы организуютъ защиту страны отъ экспериментовъ и разграбленія, генералы побѣждаютъ и... рукой подать до военной диктатуры, а отъ военной диктатуры до всего, что угодно. Или очень серьезная война съ Японіей или Англіей... Комбинаціи вскія возможны и — ничто не удивитъ насъ болѣе подъ луной...

А поѣздъ нашъ тѣмъ временемъ все катился и катился и въ полночь докатился до Вѣны — неузнаваемой, едва освѣщенной, жуткой... Найти въ отелѣ комнату, какъ оказывалось, нечего было и думать. Съ сонными дѣтишками мы сидѣли на подѣздѣ вокзала и не знали, что дѣлать, тѣмъ болѣе, что и вокзалъ на ночь запирался. Бунинъ съ женой уѣхали куда-то на извозчикѣ. Наконецъ, подходитъ къ намъ какой-то германецъ въ военной формѣ и говоритъ, что неподалеку, въ одномъ совсѣмъ не первоклассномъ отелѣ есть общая ночлежка, гдѣ мы можемъ переночевать. Мы

пошли и нашли большую полуподвальную комнату, гдѣ уже спало человѣкъ тридцать и гдѣ намъ дали нѣсколько кроватей. И то слава Богу! Мы хотѣли было отблагодарить германца соответствующимъ образомъ, но онъ сказалъ, что онъ съ насъ, иностранцевъ, ничего брать не желаетъ, что онъ только изъ симпатіи, изъ состраданія къ бѣднымъ дѣтишкамъ хотѣлъ помочь намъ. И мы только крѣпко пожали ему руку. Ничего, жить еще можно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей все же! И чудесно все устроено: сперва разрушать одни у другихъ пушками тысячи городовъ и селеній, вальютъ землю кровью, а потомъ, глядишь, чужихъ ребятишекъ жаль...

И на первый взглядъ непонятно это повсемѣстное перенаселеніе городовъ. Милліоны людей перебиты, милліоны погибли отъ болѣзней и простого истощенія, а всюду тѣснѣе, чѣмъ когда-либо. Но причина этому ясна, когда познакомишься съ жизнью Европы поближе. Это — социализмъ, новое страшное моровое повѣтріе. Соціалисти-демагоги, рвущіеся къ власти, развратили рабочія массы своими обѣщаніями несбыточнаго, и теперь никто, въ ожиданіи этого близкаго рая, работать серьезно не хочетъ, а вовторыхъ, своими безумными опытами они запугали капиталъ, который уходитъ въ брилліанты, въ золото, въ землю, прячется, не хочетъ работать. Они ударили и по мышцамъ, по рабочимъ, и по капиталу, по кровообращенію, и вызвали страшную анемію всего государственнаго хозяйства. Постройки остановились, остановился остественный ростъ городовъ и мѣста не хватаетъ все же неудержимо плодящемуся человѣчеству...

Только одна счастливая Россія составляетъ исключеніе. Когда мы въ сентябрѣ 1918 г. бѣжали изъ Москвы, тамъ на учетъ стояло больше 10000 свободныхъ квартиръ. Ну, такъ недаромъ же вѣдь и говорится, что тамъ — рай...

VII.

А на утро раскрылась предъ нами печальная дѣйствительность этой, когда-то блестящей Вѣны. Утромъ намъ подали въ нашу ночлежку кофе, безъ молока, безъ сахара, а когда увидалъ у насъ кельнеръ масло, которое мы захватили съ собой изъ Сербіи, онъ тяжело вздохнулъ:

— Вотъ счастливые: у нихъ есть еще масло!..

Въ полдень зашли мы въ одинъ малейшій погребокъ на Рингъ пообѣдать. Обѣдъ былъ крайне скуденъ и хлѣба къ нему не полагалось, но кельнеръ, узнавъ, что мы русскіе, — онъ былъ въ Россіи въ плѣну и даже говорилъ немного по-русски, — посочувствовалъ намъ и досталъ гдѣ-то два маленькихъ кусочка хлѣба.

А на улицахъ оживленная и, хотя и постѣрѣвшая, но все же еще нарядная толпа, и переполнены театры, и переполнены кино, — на первый взглядъ, какъ будто все благополучно. Но прежняго блеска жизни нѣтъ, нѣтъ этихъ щеголей-офицеровъ, генераловъ съ пышными султанами, посланниковъ въ шлпахъ «поперекъ Москвы», нѣтъ этихъ великолѣпныхъ декоративныхъ войскъ прежней Австріи. И подумалось, что людямъ съ художественной жилкой монархія всегда будетъ родицею сѣренькой республики: она ярче, декоративнѣе, красивѣе, а въ жизни и это вѣдь значить не мало. И кое-гдѣ внимательный взглядъ подмѣчаетъ тревожные признаки: всюду и вездѣ объявленія о покупкѣ брилліантовъ «по самымъ высокимъ цѣнамъ» — люди не вѣрятъ даже въ эти остатки своего прежняго благополучія, люди ждутъ смятенной душой своей какой-то бѣды, отъ которой они и думаютъ застраховать себя этими блестящими камушками. А вотъ большіе плакаты съ призывомъ ко всѣмъ пролетаріямъ собраться гдѣ-то въ субботу, чтобы протестовать, чтобы «требовать»: «Довольно ... — говорится въ плакатѣ. — Муки пролетаріата стали невыносимы!..» Замѣчу кстати, что и здѣсь, какъ и всюду теперь, метельщикъ получаетъ больше инженера и наборщикъ больше писателя и я своими глазами читалъ объявленіе въ газетахъ, что одинъ докторъ права, владѣющій нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языкомъ, ищетъ мѣста швейцара въ при-

личномъ отелѣ и согласенъ въ отъѣздъ. А надъ этимъ призывомъ пролетаріата къ протесту яркая, красная, заголенная фигура молодой пляшущей красавицы, которая заманиваетъ васъ въ знаменитый шантанъ Ронахера...

И всюду, всюду суетливо бѣгушіе люди съ рюкзаками за плечами.

— Что за чортъ, мода, что ли, у нихъ теперь такая, чтобы непременно съ рюкзакомъ бѣгать?... — разсѣянно сказалъ я.

— А это, вѣроятно, мѣшочники .. — догадался мой спутникъ-москвичъ.

Онъ оказался правъ, — это были наши, еще по Москвѣ знакомые, мѣшочники.

Пріятно поразило меня, что «возставшій народъ» австрійскій пощадилъ свою исторію: всѣ памятники тутъ цѣлы — цѣль Гетэ, цѣль Бетховенъ, цѣль даже Шварценбергъ, цѣла дажа помпезная и тяжелая Марія-Терезія. А у насъ во Владимірѣ возставшій народъ въ первую голову раздробилъ камиемъ лицо извѣстному царскому приспѣшнику А. С. Пушкину ...

Я остановился предъ огромнымъ окномъ какого-то книжнаго магазина на Рингъ. Книгъ новыхъ много. Есть русскіе авторы... А вотъ хмурится съ одной обложки изподъ каски знакомое лицо великаго канцлера, Бисмарка, а надъ нимъ — новенькая карта новенькой Европы, говорящая безъ словъ, но ясно, что все дѣло великаго германскаго патріота обращено въ дымъ. И стоитъ передъ этой картой какой-то сѣденькій старичокъ и качаетъ головой и все что-то ахаетъ. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ и обращается ко мнѣ:

— Посмотрите, что они надѣлали... — говоритъ онъ, указывая на карту. — Вѣдь, это же чистое безуміе!.. Вы знаете Венгрію?..

— Нѣтъ, мало...

— Какъ они изуродовали ее!.. Вотъ, напримѣръ, изстари венгерскій городъ Мункачъ, а его передали почему-то словакамъ... Что они только надѣлали!.. Понимаете ли вы, чѣмъ все это пахнетъ?..

— О Мункачѣ я рѣшительно ничего не знаю ... — отвѣчалъ я. — Но чѣмъ отъ ихъ дѣла пахнетъ, я знаю

совершенно опредѣленно. И радъ бы не знать, радъ бы себѣ не вѣрить, да не могу...

— Что они только надѣлали!..

На картѣ этой, между прочимъ, Польша идетъ далеко за Минскъ, Малороссія, ставъ Украиной, тинется отъ Карпатъ до Терека и однимъ махомъ все дѣло Петра I сведено на нѣтъ: граница Финляндіи подъ самымъ Петроградомъ, а «самостоятельными республиками», вродѣ Латвіи, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря. О, да, я знаю вполне опредѣленно, чѣмъ все это пахнетъ, старикъ!..

И посѣрѣвшимъ Рингомъ, мимо опустѣвшихъ теперь дворцовъ блестящаго австрійскаго двора, я хмуро иду все дальше и дальше. И въ душѣ тяжело стоитъ: да, такъ проходитъ слава человѣческая, такъ проходятъ всѣ дѣла человѣческія, и нѣтъ, нѣтъ предѣловъ безумію человѣческому! Вѣдь, вотъ только что пережили страшный, четырехлѣтній адъ, казалось бы, на сто лѣтъ, навсегда довольно, но нѣтъ, снова зажигаются страшные огни и въ какомъ-то никому невѣдомомъ Мункачѣ — недаромъ же ахаетъ старикъ!.. — и въ Фіумѣ, и въ Константинополѣ, и на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ — какъ гласитъ сегодняшняя телеграмма, — японцы послѣ семичасового ожесточеннаго бои ворвались во Владивостокъ. Зачѣмъ, почему ворвались?.. Неизвѣстно!..

Усталый и душой, и тѣломъ, и вошелъ въ старую Stephanskirche — я люблю посидѣть такъ въ прохладѣ и цвѣтномъ сумракѣ готическаго храма, люблю послушать могучіе величавые перебаты органныхъ трубъ, прислушаться къ тихому шопоту этихъ склоненныхъ фигуръ. Теперь ихъ немного тутъ... И сзади, въ отдаленіи, въ солнечномъ квадратѣ растворенныхъ дверей, мелькаетъ, какъ въ кино, суетливая жизнь огромнаго, теперь умирающаго города...

И снова вспомнилось мнѣ грозно-усатое лицо въ каскѣ, и пышные опустѣвшіе дворцы, и разгромъ всей Европы, и гибель когда-то великой Россіи. Ничтожество всѣхъ дѣлъ человѣческихъ рѣжетъ глаза и тяжело давитъ сердце. Какихъ гигантскихъ усилій, какихъ морей крови стоило созданіе единой Германіи и вотъ она снова

разсыпалась, она едва дышитъ. Какимъ гранитнымъ, вѣчнымъ монолитомъ чувствовалась нами наша Россія и вотъ въ годъ одинъ она обратилась въ дымъ... Но если все это такъ эфемерно, такъ непрочно, а стоитъ столькихъ страданій, то значить, и великій канцлеръ совѣтъ не великъ, и Петръ I ничтоженъ... Недавно, еще въ Геленджикѣ, въ церкви за вечерней слышалъ я удивительныя слова: «не надѣйтесь на князи и сыны человѣческіе, въ нихъ бо нѣсть спасенія...» И слова эти сказалъ, конечно, не Богъ съ неба, а вылились онѣ изъ такого же опечаленнаго и уставшаго сердца человѣческаго, какъ и наше сердце, ибо всѣ мы устали въ большей или меньшей степени, хотя и далеко не всѣ откровенно признаемъ это, думая почему-то, что это очень стыдно, что ли, несомненно, дѣлая видъ, что весь этотъ кровавый и дикій сумбуръ чрезвычайно забавляетъ насъ: «ахъ, помилуйте, такое интересное время переживаемъ мы!...» Разъ эти печальныя слова о князьяхъ и сынахъ человѣческихъ, сохранившіеся Богъ знаетъ какъ подъ тихими сводами церкви, уже были болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ человѣкомъ сказаны, значить, и наши переживанія, которыя кажутся намъ такими новыми и свѣжими, тоже не новы. И тотъ уставшій человѣкъ, отчаявшійся въ земномъ, ушелъ, видимо, отъ суеты міра за эти толстыя каменные стѣны, за эти цвѣтныя стекла, въ этотъ тихій сумракъ, осіянный кроткими лампадами... Но что онъ нашелъ тутъ?... Отвѣта нѣтъ. Могуче и торжественно переливаются звуки органа подъ стрѣльчатыми сводами, и теплятся вѣчные огни, и, воздѣвъ руки, стоитъ у престола, предъ сіяющей древлей Тайной, старый священникъ...

Если мы, русскіе, дошли до послѣдней черты безумій и ужасовъ нечеловѣческихъ, то Европа все еще пыжится и непременно хочется ей самой, непременно самой, схватить руками за хвостъ ту пеструю химеру, которая завела насъ въ кровавое болото по уши и насмѣшливо улетѣла. И эти непрерывающіяся вспышки возстаній, и эти плакаты съ призывами къ пролетаріату объединяться и протестовать, и эта лихорадочная скупка брилліантовъ, все это говорить, что сорваться въ бездну

люди могут и адѣсь съ такою же легкостью, какъ и у насъ, и адѣсь изопьютъ они чашу страданій до дна. И, заглядывая въ свое собственное сердце, и заглядывая въ пыльные страницы исторіи, я съ полной несомнѣнностью говорю: «результатомъ всѣхъ вашихъ фантазій, безумствъ, жестокостей, будетъ одно — тварь дрожащая, вы вострепещете-таки въ концѣ концовъ предъ содѣянными вами же, падете въ изступленіи и отчаяніи въ прахъ лицомъ и воззовете Того, безъ Котораго — вопреки тысячелѣтнему опыту, — вздумали вы жить и устраивать ваши глупенькія и ничтожныя дѣлишки...» Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе, до какой степени въ послѣдніе кровавые годы забыли люди привычнаго имъ Бога, до какой степени рѣдко теперь встрѣчается въ сутолокѣ жизни это Имя...

Несомнѣнно, они вострепещутъ и по этимъ вотъ истертыми ногами ихъ предковъ каменнымъ плитамъ приползутъ къ этому загадочно сіяющему алтарю и будутъ истекать кровью ихъ обесиленныя души. Сесі туга села, — сказалъ какой-то фельетонный мудрецъ, разумѣя подъ сесі революцію, а подъ села ту вѣковѣчную силу, которая застроила землю тысячами и тысячами храмовъ, но это, конечно, пустая болтовня, бравада для галерки: не разъ и не два ломалъ буйный козелъ революціи свои рога о мшистыя стѣны церкви. Но мы слишкомъ стары, слишкомъ много мы знаемъ, слишкомъ даже поневолѣ мудры, чтобы не знать, что, если сесі не туга раз села то и села не туга раз сесі, т. е., что и церковь не въ силахъ навсегда утишить мятежный духъ толпы, что, если сегодня толпы эти лежатъ предъ нею во прахѣ, то завтра они будутъ снова вѣшать обманувшихъ ихъ преувеличенныя ожиданія епископовъ на церковныхъ вратахъ и плясать карманьолу вокругъ этаго опрокинутого престола... Жажда бунта также сила извѣчная, съ которой Церковь, учрежденіе человѣческое, до сихъ поръ справиться не могла... Жизнь это приливъ и отливъ страстей, игра свѣта и тѣни, Бога и дьявола, сказка про бѣлаго бычка безъ конца...

И вокругъ себя, и въ себѣ я чую уже смутно, что почва для реакціи готова богатѣйшая. Реакція интел-

лектульно есть только признаніе послѣ тысяча перваго опыта роковой силы вещей, признаніе пусть даже смутное, пусть даже интуитивное, а психологически — простая и естественная усталость и возвратъ души въ себя. Но обыкновенно на улицѣ, въ газетахъ, подъ реакціей понимается нѣчто постыдное. Отчасти они, эти болтуны, и правы, пожалуй, потому что реакціей въ духъ массъ, реакціей плодотворной и благотворной, всегда пользуются разные проходимцы и тупицы и дѣлаютъ изъ нея для себя болѣе или менѣе доходное предпріятіе, какъ другіе проходимцы и тупицы дѣлаютъ доходной статьей шуму революціи, ея слезы и кровь.

Но если бы — о, я отлично знаю, какъ неосуществимо это «если бы»!... — если бы въ моментъ этой плодотворной и благотворной реакціи, сосредоточеннаго возврата души человѣческой къ вѣчному, въ себя, нашлись бы любящіе людей люди, со свѣтлымъ, исторически мудрымъ сердцемъ, и взяли бы судьбы ихъ въ свои чистыя руки, можетъ быть, и удалось бы имъ приблизиться нѣсколько къ вѣси Господней, гдѣ, конечно, нѣтъ совсѣмъ ненужной массовому человѣку свободы, съ которой онъ рѣшительно не знаетъ, что дѣлать, нѣтъ смѣшнаго равенства, нѣтъ очень подозрительнаго братства, но гдѣ тѣмъ не менѣе Духъ Божій осіяваетъ и согрѣваетъ всю жизнь, какъ осіяваетъ и согрѣваетъ Онъ, напримѣръ, сосредоточенную и совсѣмъ и не свободную, и не братскую жизнь улья гдѣ-нибудь на лѣсной опушкѣ, среди милыхъ цвѣтовъ, на солнышкѣ...

VIII.

IX.

Чѣмъ больше вглядывался я въ водоворотъ европейской забаламученной жизни, тѣмъ больше осязалъ я ... свою наивность! Одной изъ задачъ моей поѣздки сюда было ознакомленіе широкихъ демократическихъ

круговъ Запада съ тѣмъ, что происходитъ у насъ. Я, конечно, ни на одну минуту не думалъ, что, узнавъ о нашей апокалипсической жизни, о ея ужасѣ, о ея гибели, европейскіе народы тотчасъ же организуютъ легіоны бойцовъ и эти новые крестоносцы пойдутъ на освобожденіе человѣка въ Россіи изъ мохнатыхъ лапъ вора-пугачевца, но я думалъ немножко, что, ознакомившись съ истиннымъ положеніемъ вещей у насъ, и не отъ меня одного, конечно, эти массы, требующія теперь отъ своихъ правительствъ невмѣшательства въ русскія дѣла, ослабятъ нѣсколько свой нажимъ на тѣ правительства, которыя и хотѣли бы намъ помочь, да теперь, связанные, не могутъ. Мнѣ наивно думалось, что люди здѣсь не знаютъ о томъ, что дѣлается у насъ.

Но все болѣе и болѣе убѣждался я, что обо всемъ они отлично знаютъ. Вотъ, напримѣръ, въ качествѣ историческаго документа коротенькая статейка изъ извѣстной мюнхенской «Jugend», которая случайно попала мнѣ въ руки.

Р а й.

«Съ восхищеніемъ смотрятъ наши радикально-настроенные рабочіе и ихъ неработающіе конъюнктуръ-прихлебатели на Востокъ, гдѣ рай максималистско-коммунистическаго государства уже осуществленъ въ Совѣтской Россіи. Тамъ: 1 — мало работаютъ, 2 — всѣ неограниченно свободны, 3 — всѣ совершенно равны, 4 — тамъ царитъ всеобщее благополучіе, 5 — полное отсутствіе милитаризма вѣнчаетъ тамъ все.

Пунктъ 1 и 2. — Работа ограничена тамъ лишь двѣнадцатью часами въ сутки и только 7—ю днями въ недѣлю. Все остальное время россійскій гражданинъ наслаждается абсолютной свободой. Только въ томъ случаѣ, если онъ стремится къ инымъ политическимъ цѣлямъ, чѣмъ его владыки, истинно-русскіе люди, Бронштейнъ, Ледерблюмъ, Собельсонъ, Мандельштамъ, Фейльхендуфтъ и т. п., оя разстрѣливается.

Пунктъ 3. — Равенство — совершенное. Принудительныя работы введены для всѣхъ и всякій на всю

жизнь долженъ посвятить себя одной отрасли, главари которой имѣють диктаторскія полномочія. Кто не отвѣчаетъ этому, разстрѣливается.

Пунктъ 4. — Работоспособный большевикъ получаетъ колоссальную заработную плату въ 60 р. въ день. На эти деньги можетъ онъ купить себѣ все, что только онъ достанетъ. Но достать онъ ничего не можетъ. Кто блестящимъ положеніемъ этимъ недоволенъ, тотъ разстрѣливается.

Пунктъ 5. — Милитаризмъ, а также войско, совершенно уничтожены. Ихъ замѣнила красная армія съ брусилковскими шомполами. Въ армію идутъ только тѣ, которыхъ къ этому принуждаютъ или которыхъ загоняетъ туда голодъ. Такимъ образомъ вѣчный миръ обезпеченъ — только надо сперва опрокинуть всѣ государства, которыхъ не хотятъ ввести у себя совѣтской республики, и путемъ новыхъ походовъ обольшевизовать весь свѣтъ. Кто не желаетъ быть солдатомъ, разстрѣливается.

Россія теперь рай на землѣ. Всякій русскій, который съ этимъ не согласенъ, разстрѣливается!...

Какъ видите, знаютъ все довольно точно и докладывать мнѣ тутъ рѣшительно не о-чемъ. Знаютъ о гибели сотенъ тысячъ дѣтей отъ голода, знаютъ о разстрѣлахъ тысячъ и тысячъ людей только за ихъ принадлежность по рожденію къ «старому міру» помѣщиковъ, купцовъ, офицеровъ, монаховъ, казаковъ, священниковъ, крестьянъ-хозяевъ, профессоровъ, знаютъ о невѣроятныхъ ужасахъ чрезвычайекъ, знаютъ о гибели и разложеніи подъ кровавой пятой пугачевщины великой страны, которан только потому и погибаетъ, что невѣроятную цѣну въ 3,000,000 головъ принесла на алтарь всеобщаго безумія*). Знаютъ

*) Копенгагенскій профессоръ Дорингъ исчислилъ потери войны въ 35 000 000 человекъ, причемъ большая часть этихъ миллионновъ, по его мнѣнію, падаетъ на Россію, которая на уменьшеніи рождаемости потеряла 8 300 000, на увеличеніи смертности — 4 700 000, на поляхъ битвъ — 2 500 000, а всего 15 500 000. Но если мы прибавимъ сюда *вытекающую изъ войны революцію* съ ея гражданской войной, эпидеміями, голодомъ, раззореніемъ, то, можетъ быть, слѣдуетъ цифру эту по меньшей мѣрѣ *удвоить*. То есть, другими словами, Россія *вымираетъ*.

и тѣмъ не менѣе не только не поднимаются крестоносные легіоны на спасеніе и защиту поправленной на русскихъ поляхъ человѣчности, на защиту милыхъ дѣтишекъ, этихъ ангеловъ грѣшной земли, на защиту этихъ умирающихъ съ голоду въ невыразимомъ ужасѣ стариковъ, всѣхъ этихъ невинныхъ мучениковъ чрезвычайекъ, но напротивъ, напротивъ: дѣлайте все, что вамъ угодно, — намъ нужно только ваше сырье и концессіи! А проклятые союзники, кровью Россіи спасенные, толкуютъ откровенно о принципахъ лорда Биконсфильда, которому не хотѣлось видѣть Россію сильной, хотя не будь этой сильной Россіи, штандартъ императора Вильгельма, конечно, развѣвался бы надъ Вестминстерскимъ аббатствомъ и прусскія каски виднѣлись бы на площади Согласія. И часть этихъ союзниковъ по разбою уже бросилась на наши окраины; только что прибывшій сюда сибирякъ рассказываетъ, что въ тылахъ несчастнаго Колчака поѣзда ходили безъ минуты опозданія: правильность желѣзнодорожнаго сообщенія обезпечивала успѣшность разграбленія сибирскихъ богатствъ! То же дѣлалось на крайнемъ сѣверѣ Россіи европейской, то же дѣлалось въ Закавказьѣ около нефти, марганца, мѣди и проч. Какія тамъ дѣти? Что за вздоръ! Вотъ нефть, волото, лѣса ... Въ невинной крови все это? Это — ваши внутреннія дѣла.

Отъ ужаса за человѣка холодѣетъ душа. И съ такимъ матеріаломъ, мы, идіоты, думали строить царство Божіе на землѣ! Старый Толстой прямо такъ и говорилъ: «стоитъ только людямъ одуматься, какъ ...» и проч. Только одуматься стоитъ — дѣло, какъ видите, за пустяками ...

А. И. Герценъ отчаялся въ Европѣ, предалъ проклятію обманчивую, мишурную европейскую культуру и открыто сказалъ, что мѣщанство убило душу ея. Если съ этимъ утвержденіемъ его и можно спорить, то только потому, что хочется спросить его: а было ли что убивать? Былъ ли въ Европѣ — да и въ человѣчествѣ вообще ... — какой-то иной, не мѣщанскій духъ? Можетъ быть, все это только фантазіи наши? Намъ скажутъ: а великій идеалистическій порывъ тѣхъ же Крестовыхъ походовъ,

а энтузіазмъ первой французской революціи, а костеръ Гуса, а кружевные соборы, поднявшіеся въ облака? Но во-первыхъ, нельзя чистоту идеализма, святой энтузіазмъ отдѣльных лицъ приписывать массамъ, растворять его въ потокъ обывательщины, — можетъ быть, правильнѣе будетъ смотрѣть на святыя дѣянія эти, какъ на отрицаніе этого болота, какъ на протестъ, хотя бы въ концѣ концовъ и безрезультатный, протнвъ удушающаго *terre-à-terre* обывательщины. А во-вторыхъ, мы какъ-то все прищуриваемся, когда подходимъ къ историческимъ событіямъ, мы точно умышленно не хотимъ слишкомъ подробно разсматривать ихъ, и, можетъ быть, поступаемъ и правильно: при разсмотрѣніи ихъ въ микроскопъ быстро догораютъ ихъ огни, облетаютъ цвѣты и великое становится малымъ, пошлымъ и смѣшнымъ. Кто знаетъ, можетъ, и Крестовые походы были лишь результатомъ ловкой аферы тогдашнихъ биржевиковъ и спекулянтовъ, какъ «великая» европейская война одной изъ несомнѣннѣйшихъ причинъ своихъ имѣла знаменитое «*made in Germany*», т. е. опасную для англичанъ конкуренцію германскихъ промышленниковъ.

Убилъ ли мѣщанинъ человѣческій духъ Европы при Герценѣ или духа этого совсѣмъ никогда въ ней и не было, но во всякомъ случаѣ уже Герценъ чувствовалъ мощь мѣщанства, его удушающее, какъ ядовитые нѣмецкіе газы, всякую живую жизнь дѣйствіе. И теперь мы съ тоской должны подтвердить, что правъ былъ писатель, чья бронзовая статуя, скрестивъ руки на груди и нахмуривъ брови, сумрачно смотритъ изъ шумной, жадной, пошлой и развратной Ниппы въ чистыя солнечныя дали морскія ... Здѣсь царитъ духъ лавочника, который насколько не брезгаетъ брать доходъ ни съ дѣтскихъ трупиковъ, ни съ тридцати сребренниковъ Іуды, ни съ «великихъ принциповъ» ...

И самое ужасное именно вотъ это безстыжее жонглированіе этими великими принципами! Ну, лавочникъ ты, разбойникъ ты и прекрасно. Такъ нѣтъ, въ открытую идти онъ не хочетъ — подавай ему торжественное, пышно расшитое мишурой знамя... Припомните только, какихъ, какихъ возвышенныхъ лозунговъ ни выбрасывали афе-

ристы для этой позорной всесвѣтной бойни. Оказывалось, что воюемъ всѣ мы — и мы съ союзниками, и нѣмцы, всѣ, — за цивилизацію, за свободу народовъ, за вѣчный миръ и Богъ еще знаетъ за что. Буквально, предѣла не было этому безстыжему ерничеству и вранью!.. И вотъ закончилось — конечно, не надолго, — великое преступленіе всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ и что же? Дикой ненавистью, мстью безпримѣрной дышитъ этотъ проклятый версальскій договоръ и изъ каждой буквы его смотреть, ухмыляясь лукаво, окровавленный ликъ Сатаны, владыки вселенной. Гдѣ свобода для Болгаріи, Германіи, Ирландіи, Иидіи? Гдѣ справедливость въ чрезвычайкахъ? Что, попоплены въ интересахъ всеобщаго мира, флоты Англіи, Франціи, Америки? Что, торжествуетъ гуманная цивилизація? Отвѣтомъ можетъ быть только горькій, горькій смѣхъ обманутыхъ простачковъ. Пляшетъ Франція, пылаетъ огнями безумія Россія, сопить обожравшаяся золотомъ всего міра Америка, шлетъ свои броненосцы и полки во всѣ концы недовольнаго міра Англія, корчится въ мукахъ голода Австрія, задыхается подъ пятой побѣдителя Германія. О, аферисты!... О, подлецы!... И мы хотимъ призывать ихъ на спасеніе человѣка въ Россіи!

И радостно гогочутъ социалисты: «да чего же вы хотите отъ капиталистическаго міра? Это все — логическое завершеніе его... Вотъ мы устроимъ все по-новому, по хорошему... »Лжете, подлецы, лжете!... Развѣ мы не видали васъ только что у власти, какъ носились вы въ царскихъ автомобиляхъ, изукрашивъ ихъ красными розами, какъ лѣзали вы спать непременно въ царскую кровать, какъ обгадили вы всѣ дворцы? Отлично вы знаете, гдѣ пахнетъ жаренымъ и безъ промаха, верхнимъ чутьемъ идете къ жирному пирогу. А наивные дурачки восхищаются: теперь все наше, — мы державные хозяева земли русской, нѣмецкой, австрійской, французской, всякой... Наша кровать Александра III, потому что въ ней спитъ теперь... Керенскій, нашъ Кремль, потому что въ немъ заперся теперь... Ленинъ съ мерзавцами-латынами, наше все, все, все, хотя нѣтъ у насъ ничего, ничего, ничего, ибо все разокрали, все

пропили, все обгадили. Лжете, подлецы, ибо вы такіе же мѣщане и даже еще хуже, ибо лжете вы еще больше и еще гаже...

«Смятена душа»... Да такъ ли это? Она смятена только у тѣхъ, у немногихъ, которыя имѣютъ несчастную привычку думать безпристрастно, безъ всякаго интереса для себя, а вообще — никакого смятенія. Они знаютъ, что дѣлать: пользуйся случаемъ, волоки... Если это и смятеніе, то смятеніе жуликовъ: каждый боится, какъ бы его не опередили другіе...

Х.

Когда въ доброе старое время вы являлись по дѣлу въ какое-нибудь посольство, васъ встрѣчали приличные, чистые, говорящіе чуть не на всѣхъ языкахъ міра швейцары и кавасы и къ вашимъ услугамъ были корректѣйшіе, всегда почему-то изумительно причесанные секретари, которые весьма предупредительно, очень точно и — изъ уваженія къ святости мѣста, должно быть, — нониженнымъ голосомъ немедленно давали вамъ всѣ необходимыя справки. Предъ отъѣздомъ изъ Вѣны мы рѣшили зайти въ чешское посольство, чтобы справиться, гдѣ лучше въ Чехіи устроиться, какъ вообще тамъ живетъ и проч. Нашли мы посольство. Старый дворецъ кишить народомъ. Довольно подержанный, республиканскій швейцаръ отчасти по-русски, отчасти на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ даетъ намъ весьма неопредѣленные свѣденія, къ кому намъ тутъ обратиться. По широкой, красивой лѣстницѣ поднимаемся наверхъ, во второй этажъ, потомъ въ третій, — настоящій лѣсъ дремучій!.. Весь дворецъ разбитъ на комнатухи: № 21 — экспортъ, № 28 — импортъ, № 35 — визы, № 41 — Finanz какой-то, № 45 — содѣйствіе чему-то, № 49 — протнводѣйствіе чему-то, — ну, буквально, голова кругомъ идетъ! Ткнулись мы къ одному, къ другому, къ третьему, — безплодно и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, меня охватило чувство своего безсилія и невѣроятная тоска и апатія: ну, гдѣ же тутъ добиться чего-либо? На моего спутника, москвича-художника, это демократическое твор-

чество произвело, видимо, совершенно такое же впечатление и мы, уныло постоявъ предъ этой, знакомой намъ со времени Керенскаго картиной, не солоно хлебавши, потащились прочь. II думалось: что же это значить, въ концѣ концовъ, что стоитъ только «свѣжимъ общественнымъ силамъ» дорваться до власти, до большого дѣла, какъ всюду и вездѣ, ноуь всѣми широтами, они начинаютъ съ удушенія жизни прямо невѣроятной канцелярщиной?... «Еще не налажено»... Да позвольте: было же все вполне налажено — такъ ужъ если нѣтъ умѣнья и силъ усовершенствовать, такъ хоть не портите то, что уже было сдѣлано и сдѣлано часто хорошо... И такъ же, какъ и у насъ, и тутъ «творчествомъ» этимъ занимались большею частью чрезвычайно молодые люди — надо было видѣть, съ какимъ самоотверженіемъ носились они по этому старому чопорному палаццо!...

Для того, чтобы получить теперь, въ новой Европѣ, билетъ изъ Вѣны въ Прагу, нужно съ вечера стать въ хвостъ у запертыхъ дверей извѣстнаго Reisebureau Schenker'a на Рингѣ, и ждать такъ до 9ч. утра. Можно поставить вмѣсто себя и разсыльнаго, — это стоитъ только 300 кронъ. И при этомъ надо предъявить свой паспортъ, и при этомъ на паспортъ больше двухъ билетовъ не дають, и при этомъ всякія ограниченія, запрещенія, исключенія — прямо голова кругомъ идетъ! Но терпѣніе бѣженца, взятки и трудъ все перетрутъ — въ концѣ концовъ мы сидѣли-таки въ чистомъ вагонѣ III класса съ цѣлыми стеклами, который шелъ прямо на Берлинъ. Вокругъ все больше спокойные, предупредительные нѣмцы: «Danke sehr... Bitte schön... Habe die Ehre...» — все, какъ полагалось въ старину. Къ намъ, русскимъ, отношеніе вполне хорошее...

И быстро катишься все дальше и дальше, и бѣгутъ мимо окна виды уже настоящей Европы: чистенькіе городки, благоустроенные хутора, островерхія колоколенки, старательно обработанныя поля. Но и въ костюмахъ пассажировъ, и въ скудныхъ завтракахъ ихъ, и въ почти пустыхъ буфетахъ на станціяхъ определенно чувствуется крайнее истощеніе, тяжкій над-

ломъ всей жизни и, когда вспоминаешь, что было тутъ раньше, прямо душа болить.

Доѣхали мы до чешской границы и — началось! Сперва въ какомъ-то сараюшкѣ насъ тщательно осматрѣли австрійцы: не вывозимъ ли мы матерій, обуви, съѣстныхъ принасовъ? И тѣ, у кого это нашлось, поплатились — все у нихъ было отобрано. Потомъ, въ томъ же сараюшкѣ, но съ другого конца, начали осматривать насъ чехи: рылись въ чемоданахъ, выворачивали карманы, подробно считали, что было въ бумажникѣ, ошупывали поголовно всѣхъ съ ногъ до головы, и наконецъ, отобрали у меня ... мою московскую трость! И въ трости могутъ быть запрятаны сокровища — цѣлая коллекція палокъ стояла уже тутъ въ уголкѣ! Я вамолился, чехамъ стало стыдно и палку мнѣ возвратили. Я не помню уже, сколько разъ «при старомъ режимѣ» переѣзжалъ я всякія границы, но никогда и нигдѣ ничего подобнаго я не видывалъ. Воспоминаніе о нашихъ русскихъ корректныхъ жандармахъ, вѣжливыхъ таможенныхъ чиновникахъ казалось прямо райскимъ сномъ въ этой тяжелой и грубой атмосферѣ чешскаго сыска. Я потомъ разспрашивалъ чеховъ: для чего все это продѣлывается? И мнѣ объяснили: денегъ фальшивыхъ очень много изъ-за границы ввозится. А что же раньше фальшивыхъ денегъ не было? И не ввозились онѣ? И есть дураки, которые повезутъ ихъ среди бѣлаго дня? «Еще не налажено...» Ага, ну, налаживайте, налаживайте, — вѣдь это такъ ново подѣлуной, устройство таможни...

Перебрались и черезъ это нрепятствіе. Простоявъ нѣсколько часовъ тутъ, ѣдемъ дальше. Въ вагонѣ попадаютъ уже чехи. Они любезны съ нами чрезвычайно, но свѣденія, которыя сообщаютъ они намъ, въ общемъ очень неутѣшительны: голодно, тѣсно, едва ли найдемъ что подходящее. Сибирскій легіонеръ совѣтуетъ намъ ѣхать къ нему въ деревню, куда-то въ восточную часть: у нихъ ничего, жить можно. Начинается бесѣда на модную тему, о большевикахъ. Легіонеръ увѣренъ, что въ Чехіи большевиизма быть не можетъ, но на будущее онъ все же смотритъ съ опаской:

— Вот придутъ наши изъ Сибири и непременно что-нибудь да будетъ.. — говорить онъ. — Потому у власти осталось еще много генераловъ стараго режима, которые, вѣроятно, мечтають о Габсбургахъ. Все это надо будетъ основательно почистить...

Про себя думаю не безъ тоски, что довольно скверно это, когда солдаты собираются чистить генераловъ: мы уже испробовали это. И отмѣчаю: милый человѣкъ опредѣленно путаетъ національ-демократовъ съ социаль-демократами. Кто-то изъ собесѣдниковъ пытается вѣжливо разъяснить ему разницу, но онъ не слушаетъ и нетерпѣливо противорѣчить, — онъ самъ все отлично знаетъ... И это знакомое...

Долженъ отмѣтить, что его предсказанія о сибирскихъ легіонерахъ не совсѣмъ оправдались. Предавъ позорно Колчака, они съ массой всякаго русскаго добра — чай, мѣха дорогіе, золото и проч. — вернулись домой и занялись спекуляціей на валютѣ. Правительство въ награду за ихъ прекрасное поведеніе въ Сибири даровало имъ льготный размѣнъ тѣхъ русскихъ денегъ, которыя они привезли съ собой, а такъ какъ денегъ этихъ у нихъ было немного — догадались обратить ихъ въ болѣе прочныя цѣнности еще въ Сибири, — то и бросились храбрые воины скупать эти бумажки у русскихъ бѣженцевъ, чтобы потомъ по значительно болѣе высокой цѣнѣ размѣнять ихъ у правительства. Слава Богу, и бѣженцы подкормились немного на этой патріотической операціи легіонеровъ...

И всюду и вездѣ въ вагонахъ эти новыя антисемитскія рѣчи и иногда звучать онѣ крайне рѣзко. Въ одной газетѣ, проѣздомъ въ Грацѣ, читалъ я протоколъ крестьянскаго съѣзда, который какъ разъ въ это время происходилъ въ этомъ городѣ. Рѣчи крестьянъ-делегатовъ были ярко окрашены въ національно-нѣмецкій цвѣтъ и дышали непримиримой ненавистью къ еврейству. Особенно колоритно было выступленіе одного оратора, который воскликнулъ:

— Теперь во главѣ управленія нѣмецкой Австріей стоитъ еврей д-ръ Бауэръ, а мы требуемъ, чтобы на его

мѣсто сталъ не докторъ и не еврей, а просто нѣмецкій крестьянинъ [Вагер]!

Съѣздъ устроилъ оратору шумную овацію.

То же было и вѣдѣсь: жида ... жида ... жида ... — точно эти жида только сейчасъ съ неба свалились. На пути въ Бѣлградъ одинъ господинъ изъ «миссиі», благополучно отступающій на западъ, цѣлые часы читалъ намъ лекцію о совершенно сверхъ-естественномъ могуществѣ жида-массоновъ: у нихъ въ Нью-Йоркѣ есть свое тайное правительство, которое посредствомъ кагаловъ и управляетъ всѣмъ міромъ. Въ ихъ рукахъ всѣ банки, вся пресса, всѣ арміи — «помните полковника Фриденберга въ Одессѣ?» — всѣ университеты, все...

— Да послушайте, все это — романтика!.. Гдѣ же доказательства?

Конечно, доказательство книга Нилуса.

— Да какое же это доказательство? Это только памфлетъ и очень глупый и мало-грамотный къ тому же...

— Какъ? Это памфлетъ?... Ну, батюшка, чего же вы еще хотите?...

Здѣсь такой романтики не было, но тѣмъ не менѣе жида, жида, жида...

Но вотъ и вѣлая Прага, называемая такъ, вѣроятно, потому, почему и Москва называется бѣлокаменной и вѣлоголовой; но если въ Москвѣ бѣлаго камня мало, а вѣлотовыхъ главъ немного, то въ Прагѣ вѣлотового вообще ничего не видно и этотъ пышный эпитетъ лишь метафора, которая говоритъ о привязанности чеховъ къ своей, дѣйствительно, красивой и оригинальной столицѣ и, пожалуй, къ — вѣлоту. Но оригинальную красоту Праги путникъ видитъ не сразу — съ перваго взгляда это только большой европейскій городъ, окутанный густымъ облакомъ дыма и пыли...

Я оставилъ своихъ на вокзалѣ, а самъ направился въ сопровожденіи одного любезнаго чеха въ редакцію извѣстной газеты «Narodny Listy», гдѣ, по словамъ моего спутника, мнѣ, русскому писателю, помогутъ мои чешскіе собратьи въ прінсканіи помѣщенія. Меня тотчасъ же любезно принялъ изъ редакторовъ д-ръ Каллашъ, не-

дурно понимающий по-русски, а потомъ вышелъ познаться со мной и д-ръ В. О. Червинка. Они съ кѣмъ-то посовѣтывались, куда-то позвонили и направили меня въ отель Beránek. Я уже выходилъ изъ редакціи, какъ вдругъ въ передней столкнулись мы съ высокимъ пожилымъ господиномъ съ какою-то квадратной головой и твердымъ, острымъ взглядомъ.

— А вотъ и самъ д-ръ Крамаржъ...

К. П. Крамаржъ, къ которому у меня было письмо отъ Н. Н. Львова, тотчасъ же пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ и я подробно рассказалъ ему о послѣднихъ событіяхъ на югѣ Россіи. Онъ взялъ съ меня обѣщаніе побывать у него, мы простились и, такъ какъ вечерѣло, то мы съ моимъ постояннымъ компаньономъ, художникомъ Б., сломя голову бросились на поиски комнаты. Себѣ мы комнату разомъ нашли въ «Беранекъ», но дѣтей туда подъ разными предлогами не пустили. Наконецъ, послѣ долгой гоньбы по городу, я снялъ, не говоря о дѣтяхъ, двѣ комнаты въ одномъ отелѣ и поѣхалъ за своими на вокзалъ. Тамъ швейцаръ уже тѣснилъ, выпирая ихъ съ вокзала: вокзалъ не постоянный дворъ...

И, наконецъ, мы пошли къ себѣ отдыхать. Поднимаемся на лифтѣ — пять лѣтъ не испытывали такого удовольствія! — идемъ замѣчательно чистымъ коридоромъ, входимъ въ небольшой, скромный, но сияющій чистотой номерокъ: проведенная вода, электричество, чистыя постели. И мы все оглядываемъ другъ друга смѣющимися глазами и повторяемъ:

— А мы, вѣдь, все-таки въ Европѣ, наконецъ!... Чортъ возьми, а вѣдь это Европа...

Приводимъ себя въ порядокъ и спускаемся внизъ, въ ресторанъ: свѣтъ, чистыя скатерти, вѣжливыя кельнеры и даже очень недурной оркестръ.

— Въ Европѣ... Уже въ настоящей Европѣ!...

Отмѣчаю себѣ, сравнивая съ прошлымъ: выборъ блюда скромнѣе, мало хлѣба, сервировка не та, что прежде, — трещины жизни чувствуются и здѣсь...

А, когда на другой день, побѣгавъ по дѣламъ, пришелъ я къ своимъ, оказалось, что жену только что увели подъ конвоемъ въ полицію за сбытъ фальшивыхъ денегъ!

Пообѣдавъ съ дѣтьми въ ресторанѣ, она дала одну бумажку — не годится, фальшивая, другую — тоже самое. Хозяинъ донесъ полиціи, а полиція увела ее куда-то для дознанія. А теперь очередь была за мной.

Дѣйствительно, скоро явился хорошо говорящій по русски сыщикъ — у него былъ хорошій хуторъ и пивной заводъ подъ Ставрополемъ, — съ нѣжнымъ именемъ Водичка и повелъ меня въ полицію, гдѣ меня допросили и, отобравъ у меня 11 фальшивыхъ бумажекъ по 100 кр. и паспортъ, попросили завтра утромъ явиться въ центральное управленіе полиціи. На утро отправился я туда. Меня заставили прождать въ передней болѣе часу и — возвратили мнѣ мои деньги, сказавъ, что всѣ онѣ не фальшивыя и что все это вообще одно недоразумѣніе. Но извиниться — забыли. И сердиться нельзя, потому еще не налажено» — вѣдь все это такъ ново, такъ небывало, и организаціи полиціи и сыска, и фальшивыя деньги, и аресты ни въ чемъ неповинныхъ иностранцевъ.

И, видимо, всѣ эти «шероховатости» здѣсь довольно обычное дѣло. Есть въ Прагѣ такъ называемый «Репрезентачни Домъ», учрежденіе, которое соединяетъ въ себѣ и ресторанъ, и бары, и кафе, и концертные залы, а въ этомъ «Репре», какъ говорятъ тутъ, есть такъ называемый русскій столъ, за которымъ всегда собираются русскіе чехи, т. е. тѣ, которые бѣжали теперь сюда изъ Россіи. Такъ вотъ одинъ изъ нихъ, услышавъ обо всей этой «обыкновенной исторіи», тряхнулъ головой и сказалъ:

— Ну, что же... Вѣдь вообще республика это такой государственный строй, при которомъ полиція пользуется очень большою свободою...

Но другой не согласился и поправилъ:

— Нѣтъ. Республика это такой строй, при которомъ въ государствѣ отсутствуетъ всякій строй...

Впрочемъ, русскіе чехи пользуются здѣсь репутаціей матерыхъ черносотенцевъ. Они весьма неодобрительно смотрятъ на настоящее положеніе своего отечества, всячески восхваляютъ старую Россію и только объ одномъ и мечтаютъ: чтобы возстановился тамъ скорѣе порядокъ и чтобы могли они скорѣе возвратиться туда.

— Нѣтъ, нѣтъ!... — упрямо повторялъ одинъ изъ этихъ черносотенцевъ. — Я предпочитаю быть опять директоромъ сахарнаго завода въ Россіи, чѣмъ президентомъ чехо-словацкой республики, потому что тамъ директоръ хоть что-нибудь да можетъ дѣлать, а здѣсь президентъ — ничего.

Не знаю, такъ ли это, но что старушку Россію жалѣютъ и любятъ, это пріятно. Значить, ужъ не такъ безнадежно плохи были мы, какъ намъ казалось.

Но замѣчательнѣе всего былъ афоризмъ одного чеха на трамваѣ. Услыхавъ по разговору, что мы русскіе, онъ счелъ своимъ долгомъ завязать съ нами бесѣду. Оказалось, что до войны онъ былъ въ Кіевѣ мясникомъ.

— Плохо, плохо!... — сказалъ между прочимъ этотъ совсѣмъ простой человѣкъ. — Былъ царь въ Россіи, былъ у чеховъ хлѣбъ въ Богеміи, а не стало въ Россіи царя, не стало у насъ хлѣба и все идетъ къ чорту...

Что ни говори, а изгибъ мысли замѣчательный! Но значеніе этой очень упрощенной мысли, кажется, несравненно больше, чѣмъ это думаетъ даже высказавшій ее да и всѣ мы. Другими словами ее можно выразить такъ: сильное правительство, обезпечивающее Россіи внутренній покой и довольство, необходимо и для Европы, ибо и война и русскій бунтъ доказали съ совершенной несомнѣнностью, что Россія не только нужна Европѣ экономически — это мы и раньше знали, — но больше, того: Европа находится отъ Россіи *въ тѣснѣйшей экономической зависимости*. Мы безъ нихъ прожить все же можемъ, а они безъ насъ — нѣтъ. И трижды блаженно будетъ то грядущее правительство, которое, отбросивъ свойственную намъ въ политикѣ сентиментальность и романтизмъ, сдѣлаетъ изъ этого соотвѣтствующіе выводы. Можетъ быть, и правъ тотъ журналистъ, который высказалъ мысль, что Россія теперь это Золушка и жениховъ принцевъ у нея въ свое время будетъ довольно, ибо, не говоря уже о ней самой, и приданое ея внушаетъ уваженіе: пшеница, нефть, лѣса, уголь, металлы, ленъ, шерсть, мясо...

XI.

Въ Болгаріи мы были въ уныломъ станѣ побѣжденныхъ, въ Сербіи — въ станѣ что-то плохо ликующихъ побѣдителей, въ Австріи — опять среди побѣжденныхъ, здѣсь, въ Чехіи снова среди побѣдителей... Но и здѣсь слышно въ жизни великое оскудѣніе и ничѣмъ незамазанныя еще трещины. Сунулись купить себѣ платье — все очень дорого и слѣда нѣтъ въ немъ прежней европейской доброты. Иногда вдругъ въ ресторанахъ перестаютъ подавать хлѣбъ, иногда не хватаетъ посѣтителямъ пива, почта работаетъ далеко не такъ, какъ работала она въ Европѣ въ старину, сдачи иногда даютъ вамъ почтовыми марками и самыя марки эти сдѣланы уже плохо, сѣро, какъ сѣры и эти жалкія новыя кредитки... Но, конечно, понемногу жизнь войдетъ въ свои права и «все образуется», — только не скоро, не скоро вернется въ Европѣ то, чѣмъ она такъ широко пользовалась до военнаго опыта государственно-мыслящихъ господъ....

Чѣмъ скулить такъ безплодно на развалинахъ старой Европы, поднимемся лучше извилистыми старыми улочками и безконечными лѣстницами на вершины холмовъ, тянущихся по лѣвому берегу серебряной Влдавы, туда, гдѣ разбитъ сравнительно молодой еще, но красивый паркъ, на Летну. Здѣсь уже щетинится молодая веселая травка съ золотыми со звѣздями одуванчиковъ, здѣсь глазъ съ удовольствіемъ встрѣчаетъ и «русскую» липу, и клень, и дубъ, и нашу елочку, и нашу березку. Отсюда, съ высоты, открывается безподобный видъ на лежащую внизу, въ котловинѣ, и потому всегда окутанную пеленой дыма и пыли Прагу. Одинъ гулявшій тутъ со мной чехъ-кіевлянинъ сравнивалъ этотъ видъ съ видомъ, что открывается въ Кіевѣ изъ Царскаго Сада, но это совершенно невѣрно: здѣсь предъ вами большой городъ, тамъ — зеленой безплодье заднѣпровскихъ луговъ и лѣсовъ, почти такое же, какъ во времена злыхъ половцевъ и татаръ, здѣсь взглядъ вашъ запертъ въ котловинѣ, тамъ предъ вами духъ захватывающія синія дали, и какъ ни хороша эта Влдава, это все же далеко не Днѣпръ!..

Направо, на высокомъ холмѣ, красиво поднимаются

Градчаны, пражскій Кремль, съ его старыми дворцами, стрѣльчатымъ, уносящимся въ высь соборомъ и тяжелыми крѣпостными стѣнами. Если спуститься внизъ и старымъ мостомъ, украшенномъ статуями святыхъ, перейти серебряную Влтаву, сразу попадаешь въ самую старую, самую живописную, самую интересную часть Праги, въ такъ называемое «Старо Мѣсто». Тутъ запутанный лабиринтъ узкихъ улочекъ, темныхъ переулковъ, въ которыхъ не проѣдетъ никакой экипажъ, тутъ старыя церкви и башни, тутъ расписные средневѣковые дома и тутъ же видишь дань современныхъ чеховъ своему прошлому, смѣло задуманный, но очень плохо поставленный — весь сѣрый среди сѣрыхъ домовъ, — памятникъ Яну Гусу ...

Я не разъ подходилъ къ высокой величавой фигурѣ Яна и — тяжкою жутью вѣяло мнѣ въ душу отъ этого памятника. Люди ясно раздѣляются на двѣ породы: для однихъ жить значить прежде всего жрать и плодиться, для другихъ жить это значить прежде всего мыслить. Изъ-за самки и изъ-за куска хлѣба люди, какъ и животныя, готовы перервать одинъ другому глотку, но никогда за это хищная порода наша не прольетъ и сотой доли той крови, которая проливается людьми думающими, вродѣ того же Гуса! Всякая мысль человѣческая выкупана въ крови «до отказа» ... Но Боже мой, что же остается отъ всякой мысли человѣческой, кромѣ мути тяжелаго разочарованія въ концѣ концовъ? И стоило ли, стоить ли идти на костеръ ради какой бы то ни было великой мысли, ради какой бы то ни было правды? Какъ счастливы птицы и звѣри, что никакого плода отъ древа познанія они не ѣли, а мы вотъ съѣли и казнимся, тѣмъ болѣе, что и познанія то рѣшительно никакого не получилось и совсѣмъ, совсѣмъ не стали мы, «какъ боги», какъ обѣщалъ Евѣ злой искушитель. Вѣроятно, или Господь посмѣялся надъ прародителями нашими, или Адамъ съ Евой деревомъ ошиблись и вмѣсто познанія получили мы великую тоску по познанію, а какъ награду за эту тоску, кусты сперва и памятники, никому ненужные, — потомъ ... Бѣдный Янъ Гусъ!.. Умереть за то, какъ надо ѣсть причастіе: въ двухъ видахъ или въ одномъ!

Да не все ли это равно? Нѣтъ, не все равно: Яна спалили за это, старушки, въ святой простотѣ, подкладывали дровецъ на его костеръ, а потомъ люди заливали землю кровью въ теченіе долгихъ гуситскихъ войнъ, результатомъ которыхъ было то, что и результатъ великой европейской войны: великій и злой пухъ ...

Градчаны и Старо Мѣсто это Прага старая. Вокругъ нея шумитъ Прага новая, большой и богатый европейскій городъ, такъ еще недавно полно жившій своей сытой, разукрашенной жизнью. И надъ всѣми этими старыми соборами, часовнями, статуями святыхъ, надъ зелеными парками, надъ воющими трамваями и шикарными театрами и кафе всюду и вездѣ высится огромный фабричныя трубы, это гнуснѣйшее порожденіе нашей цивилизации. П днемъ и ночью вьется изъ нихъ черный дымъ, скрывая отъ людей небо. Эти трубы, символы и мощи нашей и нашего ужаснаго рабства, говорятъ, — такъ думаютъ социалисты, — молчаливо и грозно о Прагѣ будущей, дни которой въ дали грядущаго представляются имъ какимъ-то сіяющимъ раемъ обѣтованнымъ. Но, конечно, не всѣ чехи настроены такъ мечтательно и возвышенно. Если вы говорите о современности съ чехомъ рядовымъ, который питается лишь газетами своей партіи, онъ старается бить въ барабанъ: Масарикъ ... республика ... ориентации на Западъ и проч. — коротенькій символъ вѣры, который хорошъ ужъ тѣмъ, что онъ изготовленъ по шаблону, для всѣхъ, какъ у насъ были раньше журналы «для всѣхъ», искусство для всѣхъ и т. п., что онъ пріемлется «безъ тоски, безъ думы роковой» ... Но если это человѣкъ поумнѣе, онъ, конечно, смотритъ въ будущее съ нѣкоторой опаской: да, съ Польшей не совсѣмъ ладно, угроза со стороны все же сильной Германіи вещь серьезная, плохо налаживаются отношенія съ «возсоединенной Словакіей», слабо стоитъ крона, растутъ дороговизна, армія распущенна, рабочіе совсѣмъ очумѣли и проч. Конечно, — прибавляетъ онъ, — у насъ такія формы бунтъ не приметъ, какъ у васъ, но все же ... И рѣчь его кончается въ сѣрыхъ, унылыхъ тонахъ, какъ эта пыльнодымная туча, придавившая красивый городъ, вамѣнившая ему небо, туча тяжелая, туча — безплодная..

Ни Гусы, ни Жижики, ни Францъ-Іосифы, ни Масарики не дали вѣдѣсь людямъ того, чего они отъ нихъ наивно въ своей ненасытной жаждѣ лучшей доли ждали, и потому въ глубинахъ народныхъ — темныхъ, какъ и вездѣ, — до сихъ поръ живетъ тутъ, не увядая, мечта о какомъ-то мессіи, который тысячи лѣтъ не приходилъ, но непременно и скоро придетъ: чехи-селяки вѣрятъ въ приходъ какого-то миеическаго короля Ячменька, который установитъ правду на землѣ, а словаки ждутъ полумиеическаго горнаго хлопца Яношека, — такъ, маленькій Стенька Разинъ какой-то, — который придетъ посчитаться съ панами и со всякою другою неправдою, процвѣтающею подъ солнцемъ Господнимъ, а социалисты ждутъ, конечно, прихода мессіи Маркса. Но, если, жалѣи бѣдный народъ, и хочется пожелать ему чего-нибудь, то, конечно, мы, русскіе, можемъ отъ души пожелать ему только одного: чтобы эти мессіи не пришли ... Пусть ужъ лучше сидитъ онъ спокойно подъ своимъ Масарикомъ!...

Есть въ старой Прагѣ, въ запутанной сѣти темныхъ, узкихъ улочекъ среди старыхъ, закоптѣлыхъ въ теченіе столѣтій домовъ старая, почти черная башня, а на башнѣ этой есть старые огромные часы, на сложномъ циферблатѣ которыхъ я ничего не понималъ. Каждый часъ, передъ тѣмъ, какъ часамъ бить, открываются въ циферблатѣ двѣ дверки и передъ случайнымъ зрителемъ, остановившимся на минуту передъ старой башней, медленно вереницей начинаютъ проходить апостолы въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, а за ними — Христосъ. Они на мгновение останавливаются въ окошечкахъ, оборачиваются къ площади лицомъ, благословляютъ кого-то и, неловко дрогнувъ на своемъ шарнирѣ, снова поворачиваются и исчезаютъ въ глубинѣ старой башни. На лѣвой сторонѣ часовъ стоитъ ангелъ, дѣлающій непонятныя движенія руками и головой, пока проходятъ апостолы, а справа эти движенія повторяетъ старикъ и костлявая смерть. Потомъ окошечки закрываются, статуи справа и слѣва замираютъ въ своей деревянной неподвижности, и медленно и печально старые часы на старой башнѣ бьютъ...

Въ доброе старое время, какая, вѣроятно, толпа собиралась предъ этимъ чудомъ тогдашней техники, какъ

ее, вѣроятно, трогало и умиляло, что вотъ святыя апостолы и Христосъ благословляютъ ее каждый часъ ея трудовой и тогда, конечно, совсѣмъ нелегкой жизни. Тогда эти часы считались такимъ чудомъ что, по преданію, отцы города ослѣпили ихъ изобрѣтателя, магистра Гануша, чтобы онъ не сдѣлалъ такихъ часовъ еще для какого-нибудь города ... А теперь — теперь пустынна старая площадь передъ старыми часами! Намъ ли, со скучающимъ видомъ слушающимъ уже о подводной лодкѣ и о беспроводномъ телефонѣ изъ Парижа въ Иркутскъ, о какомъ-то тамъ кинематографѣ — вѣдь, все это такъ уже старо!.. — намъ ли, которымъ уже лѣнь поднять голову, чтобы посмотрѣть на проносящійся надъ нами аэропланъ, намъ ли дивиться на эту смѣшную, угловатую игрушку наивнаго средневѣковья? И вотъ окошечки отворяются и выходятъ апостолы въ цвѣтныхъ широкихъ плащахъ и, дрогнувъ на шарнирчикахъ, благословляютъ пустую площадь, и въ пустую иронически качаетъ головой смерть, и въ пустую мотаетъ руками юноша и ангелъ: что принимало ихъ благословенія, уже умерло. Вокругъ валюта, союзники, выборы, шустрые автомобили, крики газетчиковъ, брызжащій голубыми молніями трамвай и никто и не замѣчаетъ ихъ! Въ особенности глубокой ночью грустна эта старая наивная сказка: выходятъ и — никого, благословляютъ и — никого, иронизируетъ смерть и — никого, только развѣ сонный полицменъ стоитъ неподалеку, у подножія огромнаго, величаваго бронзоваго Яна Гуса, несмотря на всѣ эти увядшіе вѣнки на пьедесталѣ, то же всѣмъ теперь совсѣмъ чужого ...

Старая Прага, богатая довоенная Прага, смутно-дымная Прага будущаго — какой, въ сущности, все это наивный вздоръ!.. Вѣдь, все это только преходящія формы одной и той же вѣчной сути. А суть это вѣковѣчная борьба за мѣсто на солнышкѣ, въ которой нынче жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ, и совсѣмъ не сильнѣйшему, какъ думали наивно раньше, совсѣмъ не наиболѣе приспособленному, the fittest, какъ болѣе тонко стали говорить потомъ, а тому, кому неизвѣстно почему повезетъ вдругъ слѣпое счастье, случай: вотъ

Чехія торжествуетъ, а Германія въ униженіи — что же, чехи «сильнѣйшіе» или наиболѣе приспособленные?.. Есть только два неоспоримыхъ факта въ жизни: это рожденіе и смерть, а между этими огромными скобками (внѣ которыхъ — страшная Неизвѣстность), заключено все остальное, пестрое, шумное, но — преходящее: апостолы, Янъ Гусъ, социаль-демократы, не полиція, а милиція, союзники, пирамиды, Наполеоны, крестоносцы, открытіе Америки и бездымнаго пороха, инки, всякіе боги, республики и монархіи, этотъ сонный милицейскій, я, газеты, аэропланы, все, весь этотъ пестрый коверъ исторіи, вытканный изъ крови, слезъ, смѣха, звѣриныхъ криковъ, дыма костровъ, дьявольскаго хохота, дѣтскихъ и ангельскихъ улыбокъ ...

Такъ ... такъ ... такъ ... — устало и печально роняють мнѣ со старой черной башни старые огромные часы, которыя уже не нужны рѣшительно никому. Такъ ... такъ ... такъ — устало отзываются имъ другіе часы со всѣхъ концовъ города, тоже видѣвшіе не мало на своемъ вѣку. Такъ ... такъ ... такъ ... — стучить въ груди уставшее сердце. Да и всѣ мы — а если не всѣ, такъ очень многіе, — знаемъ теперь, что такъ, да вотъ сдѣлать соотвѣтствующіе и непоколебимые выводы изъ этого силенокъ у насъ не хватаетъ ...

XIII.

Въ моемъ сердцѣ, какъ мыши, скребутся разныя еретическія мысли, рожденныя предвыборной суетой гражданъ молодой чехо-словацкой республики, злыя мысли, которыя лучше не запирають въ себѣ.

Такъ же, какъ и у насъ въ свое время, газеты зазвонили во всѣ колокола, такъ же, какъ и у насъ, въ воздухѣ чувствовалось что-то лихорадочное, напряженное, опредѣленно нездоровое, такъ же, какъ и у насъ, всѣ стѣны домовъ, заборы, фонарные столбы, все, что можно, и все, чего нельзя, было ~~заневоложено~~ разноцвѣтными, болѣе или менѣе лживыми афишами, ~~возввваніями~~, карриатурами. Небольшой группѣ русскихъ понадобилась объ эту пору

типографія для печатанія чего-то тамъ такое. Типографіи свободной найти они не могли.

— Да чего же вы удивляетесь? — говорили чехи. — Считайте сами: сейчасъ у насъ въ игрѣ около двѣнадцати партій, у каждой партіи по двѣ газеты, утренняя и вечерняя, и это минимумъ, всѣмъ имъ нужно печатать бюллетени, списки, афиши, воззванія, указанія, разъясненія, опроверженія, каррикатуры и проч. Наши типографіи опредѣленно не справляются съ этой своей задачей. Но мы сомнѣваемся, чтобы вы нашли что-нибудь и въ провинціи. Вездѣ одно и то же...

Но надо отдать трезвымъ чехамъ справедливость: все же до тѣхъ излишествъ и безумствъ, до которыхъ мы доходили въ предвыборной «борьбѣ», они все же идти не рѣшались. У насъ роями носились по загаженнымъ улицамъ отобранные у обывателей властью революціоннаго народа автомобили и тучами разбрасывались изъ нихъ всякія прокламашки, такъ что нога мѣстами прямо тонула въ этой грязной и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ мѣшанинѣ, и это въ то время, когда въ странѣ уже опредѣленно не хватало бумаги даже для учебниковъ, и на каждомъ перекресткѣ надрывались ораторы, обещающіе дурачкамъ и рай, и любовь, и блаженство... Здѣсь опредѣленно было спокойнѣе, хотя и здѣсь можно было видѣть всякіе фокусы: одинъ, напримѣръ, наклеить на трехсаженной высотѣ плакатъ «вотируйте за № 6», а другой ловкачъ ухитрится незамѣтно — ночью, что ли, чортъ ихъ знаетъ!.. — соскрести это геніальное воззваніе и налѣпить еще на сажень выше: «вотируйте за № 5!» И, глядя на всю эту чепуху, невольно спрашиваешь себя: почему это, если наклеить этотъ дурацкій ярлыкъ на видномъ мѣстѣ, я долженъ чувствовать себя обязаннымъ обязательно исполнить то, къ чему этотъ ярлыкъ призываетъ? Если же я не подчинюсь этому требованію, то для чего нужны эти бессмысленные призывы со стѣнъ и фонарныхъ столбовъ? Если же, дѣйствительно, на какихъ-то идіотовъ все это дѣйствуетъ, то какая цѣна такому вотуму и какая честь для меня быть выбраннымъ такимъ способомъ такими крестинами? А между тѣмъ этой чести добиваются...

Какъ то въ Женевѣ владѣлецъ одной конторы рекламъ говорилъ мнѣ:

— Реклама — колоссальная сила! И вы не думайте, что въ этой области все построено на авось, на слѣпомъ случаѣ: пойдеть рекламируемая вещь, такъ пойдеть, а не пойдеть, такъ не пойдеть. Нѣтъ, законы рекламы такъ же неизблемы, какъ и законы астрономіи. Дайте мнѣ, напримѣръ, 30000 франковъ на рекламу о чудодѣйственномъ пескѣ и я, — совершенно точно, — продамъ вамъ 100000 фунтовъ самаго простаго песку по 1 франку за фунтъ...

Но, если, опираясь на глупость человѣческую, можно спускать такъ людямъ какую-нибудь мазь, вродѣ «Я былъ лысымъ», то какъ же можно, казалось бы, прибѣгать къ этимъ недостойнымъ способамъ въ самомъ серьезнѣйшемъ дѣлѣ на землѣ, въ устроеніи жизни человѣческой? А нѣтъ, и тутъ «Я былъ лысымъ», и тутъ это манить людей, и тутъ они были и ... остаются лысыми! И даже умные и серьезные люди обязаны подчиняться этому моровому повѣтрію всеобщихъ, хотя и бессмысленныхъ, выборовъ!

Я это время часто бывалъ у К. П. Крамаржъ на его прекрасной виллѣ, откуда открывается такой замѣчательный видъ на серебряную Влтаву и на Прагу. Милый хозяинъ, образованный, умный, богатый человѣкъ, горячій патріотъ, который рисковалъ ради родины головой, былъ на волосокъ отъ смерти, то и дѣло носился въ это время на своемъ автомобилѣ по республикѣ, выступая на безчисленныхъ митингахъ, а иногда и просто только показываясь толпѣ выборщиковъ: онъ здѣсь чрезвычайно популяренъ. И вотъ пріѣзжаетъ онъ домой, пыльный, измученный, съ потухшимъ лицомъ и безъ всякаго голоса и я смотрю на него и въ тишинѣ про себя думаю: да что же это такое? Какая же цѣна тому общественному строю, который ставитъ условіемъ для всякаго честнаго, разумнаго и опытнаго государственнаго работника непремѣннымъ условіемъ пройти до возможности работать чрезъ всѣ мытарства, всю ложь, всю грязь избирательной кампаніи, который ставитъ его въ одинаковыя условія, равняетъ съ невѣжественнымъ ораторемъ съ перекрестка,

который заставляет его, чтобы быть полезным своей родинѣ, заискивать у ничего въ концѣ концовъ непонимающаго скопища полуграмотныхъ невѣждъ, которое мы, подыгрываясь, называемъ то демократіей, то державнымъ хозяиномъ земли нашей, то сувереннымъ народомъ, то еще чортъ знаетъ какъ?.. Что же это за дичь такая непроходимая? Вѣдь, если я назначу сапожника завѣдывать моей пасѣкой, конечно, въ одну недѣлю онъ погубитъ монхъ пчелъ, и ничего не сдѣлаетъ великолѣпный пчелякъ въ сапожной мастерской. Вѣдь, если я предложу мою сосѣдку, тетку Матрену, назначить редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей», директоромъ Николаевской желѣзной дороги, управляющимъ типографіей съ двумя тысячами рабочихъ, меня сочтутъ немедленнымъ кандидатомъ въ сумасшедшій домъ, но теткѣ Матренѣ и дядѣ Яфиму дадутъ въ руки избирательный бюллетень, т. е. неограниченную довѣренность на управление колоссальной страной, въ которой тысячи редакцій, тысячи желѣзныхъ дорогъ, тысячи громаднхъ предпріятій и все это отдается въ безконтрольное управление — ты самъ свой высшій судъ, дядя Яфимъ!. — дядямъ и тетямъ, которые только вчера видѣли у себя въ омшаникѣ Анчутку... Помню, былъ я въ Швейцаріи во время референдума: выкупать желѣзныя дороги всѣ въ казну или оставить ихъ въ частныхъ рукахъ. И вотъ я, писатель, я, человѣкъ издавшій кое-что, кое-что знающій, читалъ и правыя газеты, и лѣвыя газеты, а все же вполне яснаго, вполне увѣреннаго мнѣнія по этому важному вопросу я составить себѣ не могъ, а дядя Яфимъ долженъ рѣшать вопросы о займахъ, о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ, о реформѣ таможенной, университетской, земельной!... Почему это установилось и стало общимъ мѣстомъ, что государствомъ управлять легче, чѣмъ сапожной мастерской и пасѣкой, что на это дѣло годна даже тетка Матрена, которая даже въ своемъ губернскомъ городѣ никогда не была, а на простую грамотность смотреть, какъ на какое то совершенно непонятное колдовство и считаетъ ее для себя совершенно недоступной? И почему можетъ управлять народнымъ хозяйствомъ дядя Яфимъ, который только вчера про-

пилъ послѣдній хомутъ свой, а возвратившись домой, мазилъ тетушку Матрену полѣномъ по полусмерти? И добро бы еще, если бы самъ этотъ дядя и тетя рвались къ избирательнымъ «уриамъ», такъ у насъ вѣдь и этого нѣтъ — мы чуть не за шиворотъ, чуть не пулеметами гнали его осуществлять эту его прямую, равную, тайную и всеобщую обязанность, къ дѣлу совершенно непонятному не только ему, но даже и намъ, его загонителямъ, разъ мы приступаемъ къ нему съ дядей Яфимомъ вмѣстѣ! Вѣдь, во Владимірской губерніи у насъ явилось на выборы въ волостное земство едва 3%, а потомъ, когда заправили, конечно, не законно, застращали народъ всякими карами за абсентеизмъ и назначили выборы повторные, явилось 15%, навывбирали хулигановъ и чрезъ полчаса стали костить скверными словами и себя, и выбранныхъ хулигановъ. Вѣдь, въ дѣлѣ этомъ каждый невѣрный шагъ можетъ стоить странѣ милліарды, можетъ повлечь за собой моря крови и слезъ и гибель милліоновъ людей и всякій совѣстливый человѣкъ испугается этой страшной отвѣтственности своей и испуганно отдернетъ руки отъ этого избирательнаго бюллетеня, убѣжитъ прочь отъ этой урны, въ которой массовая темнота, глупость, продажность должна пресуществоваться въ государственную мудрость. Сто головъ — сто умовъ, говорятъ, но послѣ нашего опыта можно сказать: если вы соберете сто милліоновъ невѣжественныхъ головъ, то въ результатѣ получится колоссальная глупость.

И почему это если меня назначить король, это плохо, а если я ловкимъ вывертомъ на митингъ или особенно высоко наклеенной афишей сорву вотумъ толпы, то это хорошо? А если какой-нибудь политическій хулиганъ наклеить афишу еще выше? И если выбирать людей, нужныхъ къ государственной машинѣ, трудно одному, который при хотя нѣкоторой наличности ума хоть что-нибудь да знаетъ, то въ милліоны разъ труднѣе это толпѣ, которая ужъ рѣшительно ничего не знаетъ. Я тутъ не абсолютизмъ и не монархію защищаю, — потому что отчего же, какъ не отъ ошибокъ монарховъ Вильгельма II и Николая II и трещать у насъ теперь затылки? — я хочу только указать вдумчивымъ людямъ, что, если

несовершенны были старыя формы устройства государственнаго, то и наши выдумки тоже далеко несовершенны, что, если сложность государственной машины и требуетъ настоятельно привлеченія къ участию въ управленіи страной общественныхъ силъ, то не приче́мъ тутъ ни дядя Яфимъ со своей Матреной, ни Маруся Спиридонова, ни болтунъ Керенскій съ болтуномъ Чхеидзе. Нужны серьезные, знающіе люди — для пасѣки пасѣчники, по сапожному дѣлу сапожники, по государственному дѣлу — люди государственно-образованные, выдержанные, опытные, а не эти вѣчно-юные старцы съ пышными рѣчами и съ выцвѣтшей мартовской улыбкой на устахъ. Но и не... «государственные умы» стараго режима, организовавшіе подлую бойню, всеобщее развореніе и породившіе чрезъ бойню и развореніе — большевизмъ...

Съ чешскихъ выборовъ я нечаянно съѣхалъ на русскія бѣды, но это не большая бѣда: что относится къ Россіи, то относится и къ Чехіи и ко всѣмъ: автомобилямъ, трухлявымъ бумажкамъ, телефоннымъ столбамъ нечего дѣлать въ дѣлахъ государственныхъ, а если это они вершатъ судьбами народовъ, то всякому разумному человѣку остается только одно: плюнуть и отойти прочь. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, соперничать съ телефоннымъ столбомъ!...

Такъ. Но самъ я въ такое единоборство все же вступилъ: такова сила бѣса-искусителя! Редакція «Narodni Listy» нашла нужнымъ помѣстить мое «Обращеніе къ чешскому народу», въ которомъ я предостерегалъ его отъ крайнихъ увлеченій при выборахъ, отъ тѣхъ увлеченій, которыя погубили Россію, а меня вбросили въ Прагу: мнѣ казалось прямо обиднымъ, чуть не преступнымъ не подѣлиться нашимъ богатымъ опытомъ, не предостеречь людей. Статья моя понравилась и меня попросили написать еще статью для «Народной Политики», имѣющей болѣе демократическую аудиторію. И тамъ появился мой «Гласъ русскаго списователя», — какъ чехи называютъ писателей. Что изъ этого вышло, я не знаю. Вѣроятно, ничего. Можетъ быть, сотня бюллетеней попала вмѣсто одной урны въ

другую. А изъ этого что? Навѣрное ничего, ибо что же стоитъ та вота, которую одной газетной статьей въ двѣсти строкъ можно направить и туда, и сюда, и куда угодно?...

Но все же въ политику лѣзъ я не очень: пугала и роль телефоннаго столба въ дѣлахъ человѣческихъ, и кн. А. А. Шириискій-Шихматовъ, мрачно насупившійся надъ развалинами русской монархіи, и бывший пермскій прокуроръ С. М. Медвѣдевъ, хлопотавшій надъ устройствомъ Бѣлорусской демократической республики въ Прагѣ, и газетка «Русское Дѣло», сегодня поносившая «черносотенную сволочь», а завтра выхваляющая бар. П. Н. Врангеля, и Е. А. Ефимовскій, вдругъ провозгласившій себя ... главой Всероссійской Крестьянской партіи! Прочиталъ я программу этой крестьянской партіи и расхохотался.

— Чему вы смѣетесь? — обидѣлся онъ. — У меня въ карманѣ мандатъ отъ большой крестьянской организаціи въ Америкѣ...

— А вы еще вѣрите въ мандаты? Въ 1905 г. въ Москвѣ были разбросаны прокламаціи, подписанные «Союзъ Христіанской Боробы», — въ этомъ союзѣ было два участника, Карлуша и Володя...

Предсѣдатель Всероссійской Крестьянской Партіи разнесъ меня, большевика справа, вдребезги...

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ, у нихъ есть связи съ крестьянствомъ, есть партія? — спросилъ меня, недоумѣвая, К. П. Крамаржъ.

— Конечно, есть... — сказалъ я. — Они не скрываютъ и ея состава. Вся она помѣщается на одномъ диванѣ въ ихъ редакціи: это, во-первыхъ, самъ Ефимовскій, во-вторыхъ, минскій адвокатъ Гуревичъ и чехъ-соціалистъ Воынецъ, котораго вы знаете. Русское крестьянство можетъ теперь спать спокойно...

А когда праздновали мы тутъ годовщину ползѣншійшаго «Русскаго Дѣла», одинъ изъ его наборщиковъ, поднявъ бокалъ дешеваго вина, провозгласилъ такой приблизительно тостъ:

— Вотъ мы всѣ собрались здѣсь и одни — одно, а другіе — другое. А между прочимъ все стремится къ

одному идеалу. А мы то-сё, пятое-десятое, а все это между прочимъ ни къ чему... Выпьемъ, товарищи, ва... Россійскую Соціалъ-Демократическую Республику!...

И всѣ, галдя, полѣзали чокаться къ оратору: инженеры, полковники, барыни какія-то, рабочіе... И пьяны словно не были, а хамствуютъ такъ только, изъ вѣжливости...

XIV.

Жить съ дѣтьми въ гостинницѣ было и неудобно, и дорого, найти же подходящую квартиру въ Прагѣ было совершенно невозможно: до такой степени и тутъ все забито! Къ тому же была середина апрѣля, всюду завеленѣла травка, солнышко весело сіяло за этой дымной тучей, вѣчно висящей надъ городомъ, и иногда среди городского шума ухо ловило нарядную пѣсню дрозда, устроившагося гдѣ-то на городскомъ скверѣ. Тянуло на свѣжій воздухъ, въ тишину солнечныхъ полей, въ уединеніе лѣса, который я такъ люблю. Я по душѣ совсѣмъ деревенскій житель и городъ всегда давить меня, какъ тѣсный сапогъ. И когда хочется мнѣ отдохнуть въ мечтѣ, я думаю всегда о лѣсныхъ дебряхъ нашего милаго русскаго сѣвера, объ ущельяхъ Алтая, о пустынныхъ сѣверныхъ рѣкахъ, гдѣ никого, никого нѣтъ...

И странную черточку подмѣтилъ я въ городскихъ водоворотахъ теперешней Европы. И въ Бѣлградѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Прагѣ кино всегда переполнены и наплывъ публики тѣмъ яростнѣе, чѣмъ дальше пьеса отъ нашей современной городской жизни. Если ставится, на примѣръ, какая-нибудь американская драма въ 150 верстъ длинной, кино прямо штурмуется нетерпливой тысячной толпой. Недавно я смотрѣлъ такую драму: глупѣе, нелѣпѣе ея и представить себѣ ничего невозможно, но на сценѣ дикія горы, скачущіе всадники, подземелья, какой-то священный тигръ, пальба

изъ ружей, широкая, привольная, дикая, полная всяких неожиданностей жизнь и вотъ самый мирный, почтенно обложившійся жиркомъ буржуа съ супругой и дѣтками сидитъ въ темномъ сараѣ два часа и наслаждается всѣми порами души и тѣла. Что это такое? Неужели это та же тоска по природѣ и приволью, которая сосетъ и мою душу въ этой душной, городской тѣснотѣ? Если такъ, то что же мѣшаетъ намъ сбросить съ себя проклятые оковы и уйти туда, куда такъ властно зоветъ насъ наше сердце? Никто и ничто, а тѣмъ не менѣе у сокола крылья связаны и пути ему всѣ заказаны... Чѣмъ дальше живешь, тѣмъ все ощутительнѣе и яснѣе становится одна довольно печальная истина: рѣдко, очень рѣдко стоитъ въ жизни человѣкъ тамъ, гдѣ ему хочется стоять, — въ болѣе ширинѣ случаевъ мы узники. А если такъ, то не на кого и не за что сердиться, — лучше молча пожалѣть...

Въ самомъ дѣлѣ, я люблю одиночество, люблю природу, и найти какую-нибудь хижинку въ горахъ тутъ было бы несравненно легче, чѣмъ въ многолюдныхъ городахъ, и дешевле тамъ было бы, а вотъ нельзя! Почему нельзя? Потому что дѣтямъ «нужна гимназія». На какой же чортъ она имъ такъ занедалась? Что дали мнѣ тѣ знанія, которыя я самъ вынесъ оттуда? Въ концѣ почти пятидесятилѣтней жизни, проведенной за книгами, — я, увы, не «кончилъ курса» до сихъ поръ! — я узналъ только то, что знали умные люди тысячу лѣтъ назадъ, — то, что мы ничего не знаемъ и никогда не узнаемъ. Дипломъ, чтобы кормиться? Такъ крестьянинъ безъ диплома кормится теперь въ сто разъ лучше, чѣмъ тотъ вѣнскій докторъ права, который искалъ мѣсто швейцара въ гостинницѣ. И вотъ тѣмъ не менѣе «нужна гимназія», которан не нужна нисколько, ибо развитіе, — если есть отъ Господа желаніе развиваться, — на своемъ хуторѣ также доступно, какъ и въ городской гимназіи. Въ сѣтяхъ! И нѣтъ мужества порвать ихъ, и нѣтъ охоты брать на себя отвѣтственность за то, что дѣти останутся «необразованными»! Какая глупость, какая тоска, какое рабство!..

Разъ утромъ по пути къ К. П. Крамаржу попалъ я въ Летненскій паркъ, что раскинулся на крутомъ берегу Влдавы, надъ Прагой. Въ паркъ никого не было, — только одна какая-то некрасивая дѣвушка сидѣла на скамьѣ, уткнувъ носъ въ потрепанный учебникъ стенографіи. Въ солнечной тишинѣ утра пѣли дрозды, зяблики, звенѣли синички и такъ свѣжо, такъ отрадно пахло молодыми клейкими листочками березы, пригрѣвшейся землей, травой... И въ пескѣ дорожекъ, и въ молодой травѣ, и въ корѣ деревьевъ шла неустанная весенняя возня всякихъ букашекъ, — цѣлый міръ, такъ отъ насъ близкій и въ то же время страшно далекій. Провались сегодня въ страшной катастрофѣ вся Прага сквозь землю, здѣсь ничего не измѣнилось бы: такъ же пѣли бы зяблики, также улыбались бы солнцу одуванчики, такъ же суетились бы эти букашки. Мы занимаемъ въ мірѣ поразительно мало мѣста и только намъ кажется башня Эйфеля грандіозной: она ничуть не больше перваго попавшагося муравейника и значеніе всей нашей предвыборной возни нисколько не больше и не значительнѣе, чѣмъ эта вотъ любовь двухъ красненькихъ букашекъ, о которыхъ я не знаю рѣшительно ничего, даже имени...

Я сидѣлъ въ пахучей тѣни деревьевъ, а неподалеку отъ меня, приподнявъ свой длинный хвостъ, прыгалъ по травѣ въ поискахъ за кормомъ чернобурый дроздъ. Въ карманѣ у меня лежали чешскія газеты съ моими предвыборными статьями. И подумалось мнѣ: эти прыжки дрозда въ зеленой травѣ и эти мои статьи на трухлявой бумагѣ въ существѣ своемъ одно и то же. Міръ держится на двухъ китахъ. Кить первый это хлѣбъ насущный, который дроздъ добываетъ, прыгая въ травѣ, а мы — строка въ газетахъ, а второй кить это неистребимая жажда природы къ продолженію рода, какъ человѣческаго, такъ и дроздоваго. «Хлѣба и самку!...» — объ этомъ только и кричитъ природа тысячью голосовъ своихъ и чары женщины обезпечиваютъ вѣчное теченіе многоводной рѣки жизни, а хлѣбъ пнтаетъ ее. И изъ борьбы за обладаніе этимъ

и рождается вся эта волнующая, пестрая, красивая суэта жизни, из этого вырастают чудовищные города наши, ведутся кровопролитнѣйшія войны, создаются башни Эйфеля, подводныя лодки и удушливыя газы, печатаются газеты, ведутся предвыборныя кампаніи, рушатся троны и вновь возстанавливаются, словомъ, дѣлается все, что дѣлается, со всей этой ложью, хитростями, кровью, преступленіями, актами героизма и самопожертвованія. Наша наука развивается въ значительнѣйшей степени этой же погоней за легкимъ хлѣбомъ и радостями жизни и искусство также обязано своимъ возникновеніемъ въ значительной степени борьбѣ за кусокъ хлѣба: вѣдь, всѣ мадонны продавались въ коицѣ концовъ и за созданіе Кельнскаго собора архитекторамъ уплачено полностью и большая была между ними конкуренція, чтобы получить этотъ значительный подрядъ. И если тетеревъ, чтобы понравиться, надѣваетъ весной красно-бархатныя брови, распускаетъ хвостъ пышнымъ вѣеромъ, то мы надѣваемъ золотомъ блистающій красный мундиръ гусара или камергера или же обвиваемъ себя поэтическимъ флеромъ созданной нами поэмы, симфоніи, картины, предметомъ которыхъ мы опять-таки беремъ неизбѣжно или какой-нибудь эпизодъ изъ міровой борьбы за кусокъ хлѣба, или вѣчно-новую и вѣчностарую главу изъ никогда некончающейся поэмы «Женщина», или то и другое вмѣстѣ. Религія наша рождена горечью и разочарованіемъ нашимъ въ этихъ заманкахъ жизни, то есть, опять-таки ими одними создана она, пусть хотя бы и путемъ отталкиванія, путемъ отрицательнымъ. И если съ одной стороны женщина тамъ и сосудъ скудельный, и дщерь дьявола, и всѣ эти искушенія святыхъ Антоніевъ. то съ другой стороны — пышнѣйшіе цвѣтники всѣхъ этихъ мадоннъ и святыхъ дѣвъ. И если съ одной стороны тысячи лѣтъ напоминаютъ намъ, что не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, то съ другой стороны въ тысячахъ храмовъ тысячи лѣтъ возносятся молитвы о благораствореніи воздуха и изобиліи плодовъ земныхъ...

Въ основѣ всего двойной голодъ: мука о хлѣбѣ и

мука о женщинѣ. Дроздъ скачетъ, поднявъ хвостъ, а я пишу въ газеты, а въ основѣ одно и то же: темное, могучее, вѣчное. И онъ, и я — паяцы и одинъ и тотъ же режиссеръ дергаетъ насъ за ниточки и заставляетъ насъ плясать такъ или иначе на міровой сценѣ и — что удивительно — никакъ не надоѣдаетъ ему это представленіе, не спускаетъ онъ занавѣса и не говоритъ: ну, довольно, баста!..

Но разъ это такъ, разъ не только въ моей, но даже въ душѣ европейскаго буржуа въ начищенныхъ ботинкахъ и чудесно подвязанномъ галстухѣ живетъ эта неистребимая тоска по дикимъ ущельямъ, пахучимъ лѣсамъ, синимъ далямъ, то не правъ ли, въ самомъ дѣлѣ, этотъ наивный въ нашъ вѣкъ дирижаблей и версальской конференціи Толстой, который приглашаетъ насъ равняться въ жизни по дрозду, жить, какъ онъ, въ тѣни старыхъ деревьевъ, получать свой хлѣбъ не отъ ротационной машины, а прямо отъ зеленой земли? И кто знаетъ, не возстанетъ ли въ концѣ концовъ въ безкровномъ бунтѣ все усталое человѣчество, не побросаетъ ли оно свои пятидесяти-этажные небоскребы, иксъ-лучи, цеппелины, пушки и пр. Вѣдь все это направлено въ концѣ концовъ къ одному: сохранить жизнь, украсить ее, избѣжать смерти. Но жизнь до поры до времени сохранять и дроздъ, а отъ смерти не ушелъ и Мечниковъ съ его простоквашей, — такъ не проще ли, не мудрѣ ли принять покорно неизбежное? И если не съумѣлъ въ этомъ убѣдить Толстой то, можетъ, быть, со временемъ убѣдить все нарастающая бессмыслица нашей жизни. Ну, разъ построилъ дредноутъ въ 100 пушекъ, ну, два построилъ оберъ-штабъ-дредноутъ съ 1000 пушекъ, ну, три построилъ оберъ-кригсъ-гофъ-сверхдредноутъ съ 10.000 пушекъ, но когда-нибудь надо же убѣдиться, что ни черта изъ этого не получается и въ одинъ прекрасный день все — какъ въ Германіи или Россіи — летитъ кверху ногами. Но въ Англіи или Америкѣ не полетѣло же, скажутъ. Завтра полетитъ — нынче жребій выпалъ Троѣ, завтра выпадетъ другимъ... Ну, разъ налѣпилъ афишу на три сажени, ну, два налѣ-

пилъ сто афишъ на десять сажень, ну, три налѣпилъ тысячу афишъ не только по всѣмъ башнямъ, но и по облакамъ небеснымъ даже, — вѣдь, ясно же, что ни чорта изъ этого не получается, какъ ни чорта не получается изъ всемірной выставки съ башней Эйфеля и пляской живота, изъ стотридцатипяти-этажнаго небоскреба. Ну, и брось все это, тѣмъ болѣе, что у самого тебя отъ всего этого затылокъ давнымъ давно трещить и много раньше положеннаго Господомъ времени засеребрились виски... Нужно хлѣба — возьми да и вырасти его, нужно дровъ, — возьми да и напили, нужно рубашку, — возьми да и пошь льна, все это нисколько не трудяѣе, чѣмъ носиться на автомобилѣ по пыльнымъ шоссе и до сипоты выкрикивать всякія премудрости предъ вонючей толпой, одурѣвшей тамъ отъ водки, тамъ отъ пива, тамъ отъ абсента, и совершенно сбитой съ толку продажными газетчиками.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ — точно сто лѣтъ назадъ было это!.. — погибшій потомъ на «Тайтаникѣ» В. Стадъ по поводу стачки углекоповъ въ Англіи отмѣтилъ замѣчательное свойство нашей *hand to mouth*, изъ рукъ да въ ротъ, пивилизаціи. Сто лѣтъ назадъ въ каждомъ хозяйствѣ было всякихъ запасовъ отъ жатвы до жатвы, а теперь остановись желѣзные дороги только на одну недѣлю, и цѣлой массѣ городовъ съ миллионнымъ населеніемъ грозитъ голодъ. Стоитъ испортить кому-нибудь лондонскій водопроводъ и 7.000.000 населенія его грозятъ муки жажды. Продолжись стачка углекоповъ подольше и вся Англія, за исключеніемъ чисто земледѣльческихъ округовъ, будетъ, благодаря отсутствію угля, лишена пищи, свѣта, тепла и воды... И теперь, когда всякія безумія затуманили даже и крѣпкія головы, многіе уже инстинктомъ почуяли необходимость освободиться отъ этой рабской зависимости отъ людей и пытаются стать ближе къ землѣ, чтобы имѣть топливо въ сосѣднемъ лѣсу, воду въ ручьѣ, свѣтъ отъ солнца, а хлѣбъ со своей полосы... Многіе уже потянулись за дроздомъ.

Но едва ли и это выходъ: всегда вѣдь можно примчаться къ вамъ на хуторъ на чужомъ автомобилѣ, и

«реквизировать» у васъ все, что попадется подъ руку для нуждъ «возставшаго народа», какъ именуютъ себя всѣ эти изступленные лоботрясы. Да, крѣпко запутано дѣло и даже рекомендованная старымъ Толстымъ дорога назадъ, къ дрозду, совсѣмъ не такъ проста, какъ это кажется. Тѣмъ болѣе, что и землю-то вѣдь надо имѣть...

И вотъ, не угодно ли: дроздъ мой давнымъ давно, накушавшись, сидитъ уже на верхушкѣ нарядной ели и, грѣя грудку на солнышкѣ, даетъ своей подругѣ прекрасную серенаду, а лучший перлъ въ вѣнцѣ творенья божественнаго сидитъ печально внизу и ломаетъ голову надъ тѣмъ, что ему дѣлать, какъ быть, куда дѣваться... И дроздъ, если захочетъ, возьметъ и полетитъ сейчасъ въ далекія горы, гдѣ шумятъ водопады и пасутся на изумрудныхъ лужайкахъ олени, а человѣкъ въ лучшемъ случаѣ выберется къ вечерку въ кино, гдѣ эта вольная, дикая жизнь и будетъ ему показана на экранѣ, да и то не настоящими людьми, а переодѣтыми актерами по столько-то долларовъ за выходъ...

Довертѣлись, неча сказать!..

XV.

Я былъ занятъ разными своими и общественными дѣлами, а жена поѣхала на поиски небольшого домика съ садомъ и огородомъ, по завѣту дрозда, въ сторону саксонской Швейцаріи, къ Дрездену. Дня чрезъ два она возвратилась: нигдѣ и ничего! А если уголокъ гдѣ какой и есть, тамъ мѣшается законъ, придуманный соціалистами для улучшения горькой доли человѣка на землѣ. Законъ этотъ воспрещаетъ хозяину помѣщенія сдать его вамъ безъ согласія какого-то квартирнаго бюро — вкругъ этого бюро, конечно, кормятся бѣдные родственники соціалистовъ, — а бюро это не желаетъ и не можетъ сдать эту квартиру вамъ, если вы въ данной мѣстности не имѣете опредѣленныхъ вѣяній.

— Я работаю въ пражскихъ газетахъ...

— Тогда и жить надо въ Прагѣ...

— Тамъ квартирѣ совсѣмъ нѣтъ...

Пожимають плечами.

— И вотъ у меня разрѣшеніе департамента полиціи, дающее мнѣ право жить повсемѣстно въ республикѣ...

— Жить вы и можете, — наприимѣръ, въ гостинницѣ. Впрочемъ, не больше четырехъ недѣль, кажется... А снять квартиру нельзя...

Меня буквально охватила оторопь. Куда же, въ самомъ дѣлѣ, дѣваться? Что же дѣлать?

И я сообразилъ такъ: въ Маріенбадѣ, Франценсбадѣ, Карлсбадѣ — теперь это называется: Маріански Лазни, Карловы Вары, Франтишковы Лазни, — въ обычное время съѣзжались сотни тысячъ людей. Теперь, въ виду всѣхъ этихъ затрудненій, такого съѣзда быть не можетъ, — слѣдовательно, надо понюхать тутъ. Жена поѣхала и, пробѣгавъ тамъ съ недѣлю, возвратилась съ радостнымъ извѣстіемъ, что неподалеку отъ Маріенбада, въ маленькомъ курортикѣ Кёнигсвартъ за 450 кр. въ мѣсяцъ она наняла прелестную квартирку въ 4 комнаты и съ кухней. И на вопросъ, какія и отъ кого нужны тамъ разрѣшенія, чтобы жить и дышать, практичныя нѣмцы нетерпѣливо отвѣчали только одно:

— Ah, was!..

Черезъ нѣсколько часовъ я сдѣлалась въ Прагѣ знаменитостью: смотрите, вотъ идетъ человекъ, у котораго квартира въ четыре комнаты!.. И, когда К. П. Крамаржъ запротестовалъ, чтобы я не ѣздилъ въ этотъ нѣмецкій уголокъ республики, а непременно устраивался бы среди славянъ, то знакомые шептали:

— Не слушайте, не слушайте его!.. Вамъ исключительно повезло, не упускайте своего счастья... Господа, полюбуйтеся вотъ на этого безумца: квартиру въ *четыре* комнаты онъ хочетъ промѣнить на какихъ-то тамъ славянъ!..

Конечно, я уцѣпился за свое счастье обѣими руками.

Но до дрозда все же намъ было далеко: когда жена говорила, что намъ хотѣлось бы имѣть домикъ съ

садомъ и огородомъ, то туземцы смотрѣли на нее, какъ на человѣка, у котораго на чердакѣ не все въ порядкѣ.

— Съ садомъ и огородомъ?.. Да что вы, развѣ это мыслимо? Да мы сами оторвали бы такую рѣдкость съ руками!...

Дня чрезъ два семья уѣхала въ Кинжвартъ, а еще чрезъ три дня поѣхалъ и я. Но — предъ самымъ моимъ выходомъ прислуга отеля, судя по ея газеткамъ, настроенная весьма радикально и потому относящаяся къ русскимъ недорѣзаннымъ буржуазамъ соотвѣтственно, — предъявила ко мнѣ требованіе уплатить за ... взятую моею семьей изъ отеля скатерть! Я сказалъ, что у насъ нѣтъ привычки брать съ собой изъ отелей что-нибудь на память, но если бы, дѣйствительно, скатерть какъ нибудь случайно попала въ наши вещи, то она будетъ немедленно возвращена, конечно. Милые люди настаивали на уплатѣ стоимости скатерти, я рассердился и отказалъ и пошелъ на станцію, но у подъѣзда былъ остановленъ сразу четырьмя полицейскими и швейцаромъ. Такъ какъ я не говорилъ по-чешски, а они по-русски, то переговоры наши шли не лучше, чѣмъ на версальской конференціи. А вокругъ насъ стала собираться толпа любопытныхъ. Положеніе мое было довольно нелѣпое: никогда въ жизни не собиралъ я еще вокругъ себя толпу въ качествѣ пойманнаго жулика. И ясно стало одно: если я хочу прекратить скандалъ и увидѣть сегодня своихъ, мнѣ надо подчиниться требованію. Я контрибуцію уплатилъ и былъ тотчасъ же отпущенъ. Конечно, дома никакой скатерти не оказалось. Я написалъ обо всемъ этомъ директору полиціи, но... ничего изъ этого не послѣдовало: очевидно, и директора полиціи побаиваются выступать противъ воинствующей демократіи...

Настроеніе мое испортилось-было, но весеннее утро было такъ ясно, а въ вагонѣ такъ свободно, чисто и уютно, что я вскорѣ успокоился и обратился къ окну. Хорошо воздѣланные поля, чистые хуторки, береженные перелѣски, но въ общемъ для сѣвернаго глаза непривычно голо и тяготятъ эти безобразныя, вѣчно дымящія трубы многочисленныхъ заводовъ. И всего тя-

гости́не былъ видъ знаменитаго Пильзена, гдѣ я долженъ былъ пересѣсть въ другой поѣздъ: городка было почти не видно изъ-за лѣса трубъ и дыма. Вотъ онъ, настоящій адъ фабричнаго города!.. И сердцемъ уже, а не однимъ только умомъ понимаешь бунтъ рабочихъ противъ этого рабства ихъ трубамъ, пильзенскому пиву, вещамъ... Герценъ ужасался на безуміе такихъ Вавилоновъ, какъ Лондонъ, и кричалъ, что эта бессмыслица существовать долго не можетъ, но вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ прошло, а вавилоны и Лондона и Пильзена продолжаютъ существовать и не видно конца имъ. Рабочіе ходятъ съ флагами, говорятъ страшныя слова, посылаютъ въ парламенты самыхъ красныхъ депутатовъ, иногда безобразничаютъ, но попрежнему дымятъ трубы, попрежнему крѣпко прикованъ къ нимъ человѣкъ, этотъ большой, нелѣпый дроздъ, попрежнему сказка про бѣлаго бычка продолжается...

II, глядя въ клубящійся дымомъ адъ Пильзена, я молча думалъ на весьма еретическую тему о томъ, что — Марксъ навралъ, что миллионы людей онъ завелъ въ болото.

Когда мы сидѣли среди ужасовъ совѣтской Россіи, мы вздыхали: о, если бы какъ-нибудь удалось намъ вырваться изъ этого царства сорвавшихся съ цѣпи дьяволовъ въ культурную Европу и хоть немного отдохнуть тамъ! Но вотъ, пріѣхавъ, мы видимъ, что и Европа поражена тою же болѣзью, что и Россія, съ той только разницей, что тамъ съ русской прямолинейностью дошли до конца безумія, здѣсь же остановились на полпути и сами не знаютъ, удержатся они на этой позиціи или свалятся въ страшную бездну. Болѣзнь эта страшная и длительная и предъ ужасами ея блѣднѣютъ даже ужасы міровой войны, ибо война вотъ все же кончилась, а болѣзнь разѣдаетъ человѣчество уже десятилѣтія, все усиливается и конца ей не видно. Болѣзнь эта — социализмъ...

Основная тяжкая ошибка теоретиковъ социализма заключается въ ихъ ложномъ, книжномъ представленіи о человѣкѣ: въ своихъ построеніяхъ на мѣсто человѣка живого со всѣми его слабостями, страстями, тем-

нотой, уродствами они ставят какого-то усовершенствованнаго гомункулуса, озабоченнаго главнымъ образомъ справедливымъ устройствомъ общества, читающаго только умныя книги, въ совершенствѣ владѣющаго всѣми своими страстями. II по этому-то вотъ воображаемому существу честный и искренній социалистъ — ихъ немного, увы, среди социалистовъ, какъ немного среди христіанъ честныхъ и искреннихъ христіанъ... — и хочетъ выравнивать все человѣчество. На практикѣ получилось то, что такъ хорошо отмѣтилъ Ленинъ въ одномъ изъ своихъ мѣткихъ «вицовъ», когда онъ сказалъ рабочимъ: «товарищи, мы дали вамъ 8 часовъ для труда, 8 час. для отдыха и 8 час. для саморазвитія, — вы же 8 час. спите, 8 час. валяете дурака около машинъ и 8 час. дуется въ карты!» Жизнь разомъ убила гомункулуса и на его мѣсто поставила современнаго рабочаго, человѣка мало развитога, который охотно лѣнится, хочетъ поѣсть послаще и плюетъ на высокія матеріи, а то такъ даже и просто какого-нибудь воспитанника арестантскихъ ротъ. Это совсѣмъ «обыкновенная исторія», хотя и не Гончарова. Не то же ли въ церкви, наприимѣръ? Кто побѣдилъ тамъ, Францискъ Ассизскій или папа Борджіа? Побѣдило среднее что-то, тяжкое, что, однако, не могло бы и существовать, если бы Франциски не скрасили его однимъ своимъ присутствіемъ. Такъ и чистые, честные социалисты скрашиваютъ собою неприглядную картину современнаго социализма, который весь стоитъ на этомъ среднемъ «социалистѣ», ограниченномъ, тупомъ, невѣжественномъ и — нежелающемъ работать нисколько. Въ Россіи онъ въ мѣсяцъ прокинулъ пресловутыя три восьмерки и все покорилъ подъ ноги свои, все честное, все трудящееся, все даровитое, которое рвется къ труду, къ творчеству, къ успѣху. Мы стоимъ за свободу, но ты не имѣешь права работать больше 8 часовъ, ты обязанъ бастовать вмѣстѣ съ нами, хотя бы это было и противно твоей совѣсти, ты долженъ быть «какъ всѣ»...

О, эта массовая борьба за улучшеніе доли рабочаго человѣка!..

Стоить на столѣ горшокъ скверныхъ щей, вокругъ него десятеро голодныхъ. Они ясно видятъ, что щей мало, что щи плохи, что щи дороги, что послѣ такого обѣда въ брюхѣ непременно будетъ играть совѣтскій гимнъ. И вотъ они... требуютъ уменьшенія рабочихъ часовъ и прибавки жалованія! Требования исполняются: они работаютъ уже 8 часовъ и получаютъ 5, 10, 100 рублей въ день, но — на столѣ все тотъ же горшокъ щей! Они бастуютъ снова, снова предъявляютъ «требованія», они получаютъ уже по 1000, по миллиону въ день, но на столѣ опять тѣ же щи, которыми не наѣшься, и ихъ даже значительно поусохло. Хочешь быть сытъ? Прежде всего работай, прежде всего произведи и говядину, и сметану, и кашу поджареную или тѣ вещи, въ обмѣнъ на которыя тебѣ все это дадутъ, какъ прежде.

Но для того, чтобы заставить человѣка работать, надо прежде всего снять съ него оковы и дать просторъ его трудолюбію, энергіи, изобрѣтательности, надо сдѣлать не такъ, что бы снособнѣйшій и трудолюбивѣйшій равнялся по идиоту, лѣнтяю и пропойцѣ, а какъ разъ наоборотъ, чтобы и лѣнтяй и пропойца тянулись за работникомъ честнымъ и даровитымъ.

Соціализмъ безуменъ, но послѣ этой безумной войны онъ — преступенъ. Онъ ударилъ по капиталу и своими опытами заставилъ его спрятаться, онъ развратилъ рабочихъ мечтой о несбыточномъ — поражено и кровообращеніе страны и ея мышцы и въ результатѣ полная протрація, полная гибель, петля, конецъ. И соціалисты Франциски уже рвутъ на себѣ волосы, а соціалисты Борджіа, захвативъ царскіе дворцы, автомобили и золото, все уговариваютъ простачковъ: вотъ еще немного потерпите, вотъ еще чуточку!

Такъ, но что же дѣлать, ибо совѣсть все же никакъ не мирится съ существующимъ? Нельзя позволять однимъ бѣситься отъ золота, другимъ гнить въ безпросвѣтной нищетѣ. Этого не принимаетъ и сердце да и простая безопасность государства не позволяетъ скоплять безнаказанно эти тысячи и тысячи обездоленныхъ людей. Что же дѣлать?

Прежде всего раскрѣпостить рабочаго, сдѣлать его хозяиномъ самого себя, своихъ силъ, своего времени. Крестьянинъ, писатель, художникъ, священникъ, рыбакъ, купецъ, промышленникъ, артистъ работаютъ, какъ хотятъ и сколько хотятъ, и въ свободной напряженной конкуренціи развиваютъ максимумъ вложенныхъ въ каждаго изъ нихъ судьбою силъ. Хорошо былъ бы фабрикантъ, если бы онъ равнялся по неспособнѣйшему изъ фабрикантовъ! Хорошо былъ бы Гетѣ, если бы онъ не желалъ изъ чувства гуманности и справедливости опередить простого газетнаго хроникера! Хорошо былъ бы Бетховенъ, если бы онъ взялъ роль барабанщика въ ресторанномъ оркестрѣ!.. Жизнь и развивается, и цвѣтетъ, и идетъ впередъ только въ борьбѣ. И рабочіе и не могутъ и не должны быть изъяты изъ этой благодѣтельной для цѣлаго борьбы — ходъ всему трудолюбивому, даровитому, энергичному!..

И если бы буржуазы наши были умны и дальновидны, то, конечно, они сами такихъ рабочихъ выдѣлили бы, дѣлая ихъ постепенно не только участниками въ прибыляхъ, но и участниками въ дѣлѣ, пайщиками. Но такъ какъ ни на умъ, ни на сердце этихъ тупоголовыхъ разсчитывать нельзя, пусть вмѣшается государство и властно заставить ихъ дѣлать то, что дѣлать слѣдуетъ.

Ну, а тѣ, что будутъ побѣждены въ борьбѣ? Боже мой, съ ними будетъ тоже, что бываетъ и съ побѣжденными въ борьбѣ купцами, писателями, крестьянами и проч. Но, конечно, и тутъ культурное государство, ставящее своей цѣлью максимальное благо своихъ гражданъ, должно внести свой коррективъ въ видѣ цѣлаго ряда всякихъ страхованій, бесплатнаго и солиднаго обученія всѣхъ дѣтей, высокаго обложенія капиталовъ незаработанныхъ и неработающихъ и проч. И во всякомъ случаѣ тутъ должна бы выступить и Церковь въ своей роли вѣчной сестры милосердія на томъ вѣчномъ полѣ битвы, которымъ является наша жизнь. Только тогда, только выступивъ, наконецъ, активно въ жизненной борьбѣ, вернетъ себѣ она тѣ миллионы душъ,

которые теперь ушли и уходятъ отъ нея. Впрочемъ, пока большой охоты выступатьъ въ роли сестры милосердія у Церкви, надо правду сказать, нѣтъ: посмотрите на тѣ тысячи пудовъ золота, платины, драгоценныхъ каменьевъ, которые скопила русская церковь среди бездорожной, безшкольной, разутой и раздѣтой Россіи и которые вырвали у нея — на пропой — большевики, посмотрите на неимовѣрные, преступныя богатства Ватикана...

Теперь здѣсь поднялось новое интересное движеніе такъ называемаго «Зеленаго Интернаціонала», международнаго крестьянскаго объединенія. Мнѣ мысль эта кажется плодотворной. Международно-организованное крестьянство будетъ, во-первыхъ, могучей силой въ борьбѣ съ моровымъ повѣтріемъ социализма, опустошающимъ народы, а во-вторыхъ, оставаясь національнымъ — крестьянство вездѣ національно, — оно все же сдѣлаетъ невозможными тѣ легкомысленныя военныя авантюры, отъ которыхъ у всѣхъ насъ такъ трещить теперь затылокъ. Рабочіе подняли знамя цвѣта крови, крестьяне подняли зеленое знамя, знамя цвѣта лѣсовъ, горъ, луговъ, знамя озимей, знамя надежды, которое, глубоко волнуя меня, говорить прежде всего о мирномъ, упорномъ и вольномъ трудѣ на родной дѣдовской нивѣ на пользу общую. Послѣ этихъ лѣтъ кровопролитія и тревоги, миръ, честный трудъ и тихія радости земли представляются все же самымъ лучшимъ изъ того, что есть въ мірѣ. .

Такъ что, если и есть выходъ изъ пыльного дымнаго ада, то, увѣ, только индивидуальный и путь этотъ идетъ чрезъ трудолюбіе, энергію, изобрѣтательность, изворотливость...

И подсказываетъ лукавый дьяволъ маленькую историческую справку: тысячи лѣтъ тому назадъ было сказано людямъ: «люди всѣхъ странъ, эллины, іудеи, римляне, скиѣ, всѣ — соединяйтесь!..» И Сказавшаго это позорно казнили и, казнивъ, обоготворили и, обоготворивъ, стали во имя Эго проливать кровь въ теченіе долгихъ вѣковъ, постепенно все болѣе и болѣе извращая до неузнаваемости, до полной про-

2 тивоположности Эго учение. И вотъ послѣ Него является какой-то кудлатый нѣмецкій еврейчикъ и возглашаетъ: «только пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», — его не новѣсили почему-то, но почти обоготовили и вотъ уже десятилѣтія потрошатъ во имя его люди другъ друга тысячами, и изнемогаютъ, и голодаютъ, и ничего у нихъ не выходитъ, — такъ же, какъ не вышло и у тѣхъ, прежнихъ...

Между тѣмъ поѣздъ мой все катился и катился. Мѣстность становилась все наряднѣе, все красивѣе. Поля уступили мѣсто безконечнымъ лѣсамъ. И вокругъ только нѣмцы, а если попадается чехъ, то, входя въ купе, онъ привѣтствуетъ насъ уже не по-чешски, а по-нѣмецки. Когда я разсказалъ объ этомъ Крамаржу, онъ разсердился и сказалъ:

— Дураки!.. Они все никакъ не могутъ при-
выкнуть, что они теперь господа...

Я не согласенъ съ нимъ. Прежде всего эта уступка авансомъ кажется мнѣ даже изящной деликатностью, во-первыхъ, а во-вторыхъ, можетъ быть, тутъ инстинктивно говорить и нѣкоторое недовѣріе къ своимъ силамъ: на 8.000.000 своего славянскаго населенія Чехія самоопредѣлила въ себя свыше 3 мил. нѣмцевъ. Это — надо сказать съ полной опредѣленностью, — грузъ не по кораблю и во время серьезной бури онъ несомнѣнно дастъ сильный кренъ на нѣмецкій бортъ. И во всякомъ случаѣ это скромное нѣмецкое привѣтствіе чеховъ съ полной опредѣленностью говорить, почему въ колонизаторскихъ планахъ славяне всегда уступаютъ нѣмцамъ и англичанамъ.

И вотъ я докатился, наконецъ, и до маленькой станціи Кинжварта. Меня радостно встрѣчаютъ ребята и гордо ведутъ полями — а въ поляхъ звенятъ жаворонки!.. — домой: вѣдь, у насъ теперь четыре настоящихъ комнаты! Вокругъ нѣмецкія лица, нѣмецкая рѣчь и то и дѣло слышишь привѣтливое: у-та...

А вотъ и домъ нашъ. На порогъ меня встрѣчаетъ хозяйка, настоящая нѣмецкая Пульхерія Ивановна, чистенькая, вся въ ласковыхъ морщинкахъ: Willkommen!.. А надъ дверями надпись: Mit Gott! и чуть подальше другая:

Gesegnet seien in diesem Haus
Die da gehen ein und aus!

Ей Богу, чудесно!..

Поднимаюсь наверхъ: четыре простенькихъ, но чистенькихъ комнаты, у всѣхъ настоящія кровати, на стѣнахъ обычныя нѣмецкія картинки, говорящія о мирѣ и тишинѣ: тутъ и «Полдневная тишина», и «Лунный свѣтъ», и уединенная хижинка въ горахъ, предметъ моихъ тайныхъ вожелѣній... А въ открытыя окна звенятъ жаворонки и дышитъ свѣжестью зеленая весна... Рай!..

Но — увъ!.. — тишина эта обманчива: тѣмъ же вечеромъ газеты принесли извѣстіе, что въ десяти километрахъ отсюда жандармы поймали вчера знаменитаго саксонскаго «коммуниста» Хольца, который только что окровавилъ и сжегъ цѣлую округу въ Саксоніи, тутъ же, неподалеку. При арестѣ онъ угрожалъ жандармамъ бомбой, но тѣ не струсили и скрутили добраго человѣка. Конечно, при немъ оказалась очень значительная сумма чужихъ денегъ...

А я на другое же утро, когда въ солнечныхъ поляхъ трепетали жаворонки, писалъ уже новую статью для «Народни Листи». Чехи думаютъ, что живущая у нихъ наша пресловутая бабушка и есть подлинная Россія и поэтому предъявляютъ къ намъ все какія-то мартовскія требованія. Я осердился и написалъ статью о «Россіи выдуманной и Россіи подлинной». Будутъ теперь знать у меня!..

Господи, какая чепуха!..

XVI.

Когда, бывало, жилъ я на своемъ крошечномъ зеленомъ хуторкѣ въ глуши Кавказа или потомъ въ своемъ родовомъ владимірскомъ гнѣздѣ, то, утомленный этимъ ~~постояннымъ~~ бездорожьемъ нашимъ, отсутствиемъ под рукой телеграфа, неаккуратной доставкой газетъ, иногда и запылишь, бывало: «а, ну васъ всѣхъ къ чорту!.. Надо ѣхать въ Европу отдыхать въ человѣческихъ

условіяхъ...» А вотъ теперь изъ оконъ моей свѣтлой и уютной комнатки я вижу эту подстриженную, причесанную, аккуратно высморкавшуюся Европу, вижу эти хорошія дороги, прекрасныя поля и луга, эти береженные лѣса, эти нити телеграфа и телефона, бѣгушія во всѣ стороны, этотъ дымокъ поѣзда между зелеными холмами и мнѣ дѣлается скучно и тоскливо и тянетъ въ наши дикіе лѣса, на берега пустынныхъ рѣкъ, въ непроходимыя горныя дебри, гдѣ живетъ невидимый олень и гдѣ мохнатый Мишка отпечаталъ всю свою пятерню на мокромъ пескѣ у свѣтлаго потока. Мнѣ было такъ тошно, что я два дня даже и носа на свѣтъ Божій не показывалъ, но потомъ пошелъ все же посмотреть край поближе и — не раскаялся. Вблизи все оказалось не только совсѣмъ не страшнымъ, но даже очень милымъ. Вокругъ прекрасныя лѣса, серебристый говоръ безчисленныхъ потоковъ, чудный воздухъ, которымъ послѣ дыма и пыли Праги прямо не надышишься. А эти синія дали, а это неожиданное и потому тройнѣ пріятное безлюдье? Только изрѣдка встрѣтишь прохожаго съ неизбѣжнымъ рюкзакомъ за плечами; мы посмотримъ одинъ на другого и вѣжливо скажемъ обычное: ут-та!.. А вотъ какой-то уютный домикъ за елками, — должно быть, лѣсники живутъ. У крыльца трое охотниковъ съ ружьями, съ блестящими рогами и съ кисточками на шляпахъ и опять благодушное «ут-та...» А дальше и совсѣмъ никого уже нѣтъ. Дѣтишки бѣгаютъ на волѣ, радуются, глазенки весело блестятъ, щечки зарумянились, наконецъ, вдовымъ румянцемъ... Несомнѣнно все это очень биржвазно, но чудесно, чудесно...

Дѣтишки бѣгаютъ, радуются всему, пичужки весело щебечутъ и чиликаютъ, солнышко играетъ въ небѣ вечернемъ, а я, слѣдуя старой и дурной прпвычкѣ, думаю, думаю на нашу большую, навойливую тему: какъ, чѣмъ и когда вся эта наша музыка кончится?

Раньше, когда мы были поглупѣе, мы всегда рисовали себѣ наше будущее въ весьма сусальныхъ, праничныхъ тонахъ. И придурковатый Кампанилла — я чуть-было не написалъ товарищъ Кампанилла: до та-

кой степени заслуживаетъ онъ этого!.. — съ его «Городомъ Солнца», и слащавый Т. Муръ, и сухой Беллами, отъ котораго пахнетъ бухгалтеромъ, одинъ предъ другимъ рисовали намъ эти богомерзкія картины нашего пресвѣтлаго будущаго. Даже умный скептикъ А. Франсъ отдалъ почтительную дань этому социалистическому наводненію, хотя уже и съ оговорками. Но и у него огромныя летательныя машины, управляемыя съ земли какимъ-то невидимымъ лучомъ, развозятъ по общественнымъ пекарнямъ муку, гдѣ гигантскія машины сами дѣлаютъ изъ нея чудесный хлѣбъ, гдѣ вообще трудятся только машины, а граждане только все закупаютъ — и то больше такъ, для разгулки времени... — по комнатамъ: № 13 — импортъ, № 19 — экспортъ, № 31 — общественная гигиена, № 48 — «финансъ», № 117 — социальнаго обезпеченія и т. д., а еще больше проводятъ время, конечно, по библіотекамъ — ибо «трынка», «очко» и «полдиковинки» соответствующимъ декретомъ за № 21569 выброшены давно за бортъ... — бесѣдуютъ со своими очень умными, совершенно незаконными и совершенно бездѣтными подругами на разныя возвышенныя темы. Подруги же эти, конечно, надѣли уже мужскіе штаны, подбрили себѣ затылки «à la bolcheviste», конечно, курятъ и дѣлаютъ эдакіе всякіе жесты...

Первый, кто порвалъ со всей этой прѣсной белибердой, и заговорилъ о нашемъ будущемъ, какъ и подобаетъ, въ серьезныхъ и даже суровыхъ тонахъ, былъ знаменитый англійскій фантазеръ Н. G. Wells. Онъ рисуетъ это будущее въ жуткихъ тонахъ. Когда читаешь у него объ этомъ раздѣленіи человѣчества на двѣ породы, на надземныхъ, утонченныхъ, но слабыхъ элоевъ, и на сумрачныхъ, злыхъ подземныхъ морлоковъ, и о борьбѣ этихъ двухъ породъ между собою, не разъ жуткія мурашки пробѣгаютъ вдоль спины. Но и у Уэллса есть недостатокъ, — чрезмѣрная фантастичность. Хочется, чтобы человѣкъ былъ «ближе къ дѣлу.»

И мнѣ будущее наше рисуется далеко не въ радужныхъ краскахъ. Фантазіи нашихъ газетныхъ проро-

ковъ по пятаку за строку о томъ, что европейская война есть послѣдняя война, уже умерли. Я не имѣю и на грошъ довѣрія къ силѣ организованныхъ голодранцевъ всего міра. Я вижу, что побѣдители въ европейской войнѣ очень вошли въ роль какихъ-то мировыхъ пауковъ, которымъ все позволено, и я чувствую, что, несмотря на всѣ ихъ разоруженія противниковъ, возмущеніе противъ нихъ растетъ и, можетъ быть, народы поднимутся противъ нихъ даже съ дѣдовскими пищалями, съ косами и топорами. Откуда загорится міръ — съ Германіи, Ирландіи, Индіи, Турціи, Россіи... — не видно, но что онъ загорится, это совершенно несомнѣнно. И, можетъ быть, затыжными междоусобіями нашими, ведущими за собой страшное утомленіе и обнищаніе, воспользуется желтый человѣкъ и новый Тамерланъ, ставъ во главѣ азіатскихъ народовъ, пройдетъ міромъ, какъ страшный бичъ Божій, и на развалинахъ Москвы, Берлина, Парижа будутъ выть волки и бѣдный полудикій пахарь на убогой клячкѣ поведетъ чрезъ вѣка свою первую борозду среди развалинъ Парижа, тамъ, гдѣ засѣдала нѣкогда Версальская конференція, а гдѣ-нибудь среди безлюдныхъ, когда-то русскихъ степей, въ мшистыхъ развалинахъ какого-нибудь городка случайно уцѣлѣть засыпанная чудовищнымъ снарядомъ библіотека и будутъ тамъ тлѣть тихо разныя книги и журналы и, можетъ быть, на какомъ-нибудь пожелтѣвшемъ листкѣ будущій археологъ съ трудомъ разберетъ странныя, непонятныя для него, чудомъ уцѣлѣвшія слова: «...и среди бурныхъ овацій Марія Спиридонова заявила, что весной на вемлѣ наступитъ рай...» *)

Трудно, невозможно быть въ наше время оптимистомъ!.. Вотъ я пишу, въ окна смѣется прелестное весеннее утро, а вдали, со стороны нѣмецкой границы — до нея отсюда всего три часа ходьбы, — то и дѣло глухо доносится: бумъ... бумъ-бумъ-бумъ... бумъ... То — пушки. Шесть лѣтъ мучились и терзались и

*) Свои думы эти я обработалъ въ книжкѣ «Во мглѣ грядущаго».

вотъ готовятся опять, опять и опять. Умные люди говорятъ, что европейская война и не кончалась, что это передышка только, какое-то странное недоразумѣніе. Можетъ быть, но — Господи, какъ все это опротивѣло!.. И мысль, какъ затравленный звѣрь подьгончими, ходить на кругахъ по своему же слѣду и не находить никакого выхода, никакого спасенія. Весь ужасъ въ томъ и заключается, что ураганъ разнесъ вдребезги не только всѣ наши утопіи, но и храмы старыхъ, весьма, казалось, неутопичныхъ боговъ, что *разрушено все!*

Что дѣлать? За какимъ знаменемъ идти? Вѣдь, оскадалились всѣ!

Присмотритесь къ Милюкову: профессоръ, лидеръ важной партіи, а крутить, какъ мальчишка, — сегодня монархистъ, оріентація на союзниковъ, прибѣгаетъ въ Кіевъ — оріентируется на нѣмцевъ, бѣжитъ изъ Кіева въ Лондонъ и снова спасеніе въ союзникахъ, и ѣдетъ въ Парижъ, и дѣлаетъ страшное мартовское лицо... Какой интересный и ядовитый разсказъ можно было написать на тему «Карьера Павла Николаевича»! Онъ невѣжественъ, какъ приготовишка, онъ идетъ, какъ и всѣ, ощупью, въ полныхъ потемкахъ, это совершенно очевидно, и все же онъ лидеръ, онъ хочетъ быть министромъ опять, онъ увѣренъ, что знаетъ все... Вѣдь теперь, послѣ бури, если у насъ нѣтъ никакой моральной возможности повиноваться Вильгельму или корпусу жандармовъ съ Плеве во главѣ, то совершенно точно также утратили всякое значеніе для насъ и Павлы Николаевичи, и Керенскіе, и Ленины, и палаты депутатовъ, ибо всѣ они, какъ и мы, не знаютъ рѣшительно ничего. Если утопіи лежатъ въ пыли, то я отъ «государственно-мыслящаго» элемента осталось одно мокрое пятно...

И замѣчательно: старый Толстой совѣстился попросить у лакея стаканъ воды, а вставалъ и шелъ за водой самъ, а всѣ эти господа — монархи, Деникины, учредители, Ленины, Вильгельмы и проч. — самымъ развязнымъ образомъ требуютъ отъ тебя страшныхъ трудовъ, невѣроятныхъ лишеній, страданій, часто бе-

руть даже самую жизнь. Прекрасно! Но что же вы намъ за это даете? Европейскую войну, голодъ, холодъ, сыпной тифъ, раны, потерю близкихъ, вѣчный страхъ за завтрашній день, чрезвычайки и надъ всею этою благодатью блестящій штыкъ молодого идиота, который готовъ истребить даже отца своего и мать то за отечество, то за интернаціоналъ, то за революцію, то за контръ-революцію, за все, что взбредетъ въ голову властителя на часъ, который стоитъ за нимъ! Умъ человѣческій мутится, сердце рвется на части при видѣ всей этой дремучей глупости, всей этой наглости, всего этого издѣвательства!..

Такъ что же, бунтъ во весь ростъ и, какъ бывало, въ молодые годы: да здравствуетъ анархія? Но это все чудесно было въ мечтѣ, въ книжкѣ, — въ дѣйствительности же это разомъ превращается въ безпредѣльное господство окровавленнаго гориллы въ синемъ матросскомъ воротникѣ и въ полное искорененіе всякой возможности хоть сколько-нибудь человѣческой жизни...

На всѣхъ путяхъ человѣческихъ — трупы, на всѣхъ путяхъ человѣческихъ — зловонный смрадъ лжи и преступленія, на всѣхъ путяхъ человѣческихъ — страданія и смерть, страданія непонятныя, смерть бессмысленная. И, чувствуя это, человѣкъ вотъ уже вѣка, тысячелѣтія старается спастись въ религіи, въ церкви, въ монастырѣ, въ подземельѣ. Но церковь это собраніе такихъ же, какъ и я самъ, слабыхъ, ничего незнающихъ людей, и мнѣ надо сдѣлать уже невозможное почти въ наше время усиліе, чтобы слушать, чтобы вѣрить въ баюкающія сказки этихъ людей о томъ, чего они не знаютъ, и въ глубинѣ охолодаващаго алтаря ихъ я не могу, *не могу* не видѣть гримасничающей маски Вольтера! И потомъ позвольте: я самой настоящей любовью люблю пеструю сказку жизни, люблю золотой лютикъ на лугу, люблю игру вальдшнеповъ на вечерѣющемъ небѣ, люблю теплую ласку женскую, люблю милыхъ ребятишекъ, люблю вольный бѣгъ облаковъ въ небѣ. Я не хочу отказываться отъ всего этого и лѣзть въ сырое подземелье,

— вѣдь это выдумка человѣческая, что этого требуетъ отъ меня Богъ. На что же Онъ далъ мнѣ тогда все это? Чтобы я оплевалъ эти дары Его и съ презрѣніемъ отбросилъ ихъ прочь?!

Монархизмъ, республиканизмъ, социализмъ, эпикуреизмъ, легитимизмъ, бонапартизмъ, ревизионизмъ, большевизмъ, патріотизмъ, — всюду эта страшная приставочка *измъ* говоритъ о присутствіи множества, толпы, того, чего я въ жизни боюсь болѣе всего, что я ненавижу всѣми силами души моей. Гдѣ одинъ — тамъ нѣтъ никакого изма, тамъ просторъ, воля, а гдѣ ими — тамъ всеотравляющая вонь стада человѣческаго. Для того, чтобы быть одному, совсѣмъ не надо забираться на вершину Гималаевъ; одинокимъ и свободнымъ можно быть и въ Парижѣ. Не давайте только гипнотизировать себя людямъ, — они свое, а ты свое. Что ни говори, а великолѣпенъ былъ тотъ солдатъ, на котораго напоролся этотъ пышный болтунъ, Керенскій, подъ Ригой. «Вы посылаете меня на убой за землю и волю, — сказалъ онъ. — Но какая же земля и какая воля для убитаго? Мертвому ничего этого не нужно...» И мнѣ кричатъ: гибель Россіи, гибель культуры! Повольте: погибли развѣ ея синія дали, ея алмазные ночи, Чайковский, Война и Миръ, старенькія церкви? А если что и погибло, такъ гибнетъ вѣдь и все, гибну и я, — что же тутъ удивительнаго? Жизнь это вѣчная гибель, вѣчный пожаръ, сжигающій все. И замѣчательно, что тѣ, кто меня пугаетъ всѣмъ этимъ, тотъ самъ-то въ большинствѣ случаевъ въ окопы не лѣзетъ, а защищать эту культуру — Дарданеллы, свободу народовъ, землю и волю и пр. — посылаютъ тѣхъ, кто «попроше». Я не противъ того, чтобы человѣкъ думалъ о человѣкѣ — вотъ предо мною тысячи десятинъ саженьхъ крошечныхъ елочекъ и пихтъ. Мнѣ радостна эта думка человѣка о будущемъ, — вѣдь, самъ онъ не увидитъ этихъ малютокъ большими деревьями. Но одно садить радостно и спокойно по склону зеленой горы, въ прохладномъ ущельѣ, гдѣ звенятъ ручьи, зеленныя елочки, а другое дѣло надѣть тяжелый ранецъ, взять винтовку и идти невѣдомо куда пороть

штыкомъ брюхо человѣку, котораго я никогда не видалъ раньше, въ которомъ живетъ, можетъ быть, будущій Толстой или Чайковскій... Что за чушь, что за безуміе!..

Итакъ, опредѣленно игра не стоитъ свѣчь, — прочь, въ сторону! Помните, какъ учили насъ высмѣивать милыхъ Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну? Вотъ Англія, это другое дѣло: тамъ Habeas Corpus, Ллойдъ-Джорджъ, Миллюковъ, бобби съ его бѣлой палкой, которой повинуются все... О, идіоты!..

Прочь, да, но — не уйдешь, не уйдешь, не уйдешь!.. Придутъ и потребуютъ твоего Левику въ солдаты, потребуютъ отъ тебя денегъ на сверх-обер-кригс-штаб-дредноуты, на порохи, на удушливые газы, и нѣтъ, нѣтъ отъ нихъ спасенія, отъ всѣхъ этихъ «истовъ»! Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Это надо сносить терпѣливо, какъ мы сносимъ терпѣливо туманъ, холодъ, непріятнаго сосѣда, ревматизмъ. Только бы самому-то добровольно не идти на эту каторгу, не попадаться на этотъ крючокъ. Дѣлайте, что хотите: моя хата съ краю, я ничего въ вашихъ дѣлахъ не знаю!

Но не тушите въ себѣ лампадки сердца человѣческаго и, если въ двери ваши постучится раненый въ жизненной битвѣ, помогите ему, не спрашивая его о пресловутыхъ «убѣжденіяхъ» его, не добивайтесь непременно знать, какой именно измъ его такъ измучилъ. Право, это совершенно безразлично. Христось, какъ догмать, какъ Его обработала съ одной стороны церковь, съ другой стороны Толстой и сектанты-раціоналисты, — измъ, тяжесть, несчастье человѣческое, но Христось, какъ дуновеніе любви необязательной, какъ само вдругъ расцвѣтающее милосердіе — великая благодать, великая радость...

И шель я съ ребятами зелеными горами, и слушалъ серебряный говоръ потоковъ, и гудѣлъ вокругъ насъ веленый шумъ, весенній шумъ, и чувствовалъ я съ безмѣримымъ ужасомъ, какъ безнадежно мы чѣмъ-то отравлены. Почему плачетъ дитѣ? Почему пристаётъ ко мнѣ Керенскій, Деникинъ и Ленинъ? Почему не даютъ мнѣ покоя на землѣ? Тысячи, тысячи почему и нѣтъ на

нихъ отвѣта, а тѣ отвѣты, что предлагаются, одно сплошное шарлатанство, которое невозможно терпѣть. И вотъ попадаетъ древняя старуха съ вязанкой хвороста за плечами, исхудалая, усталая, тихая, и ласково говорить мнѣ «утта»!.. Я знаю, что моя невидимая вязанка нисколько не легче, но много, много тяжелѣе ея вязанки, а все же мнѣ почему-то стыдно ея. И шумить вокругъ меня ласковый шумъ весны, и звенять потоки, и бѣгутъ въ небѣ облака,

Но — не смиряется души моей тревога,
И не расходятся морщины на челѣ,
И въ небѣ не всегда я слышу Бога,
И счастье я едва-ль постигну на землѣ!..

XVII.

То, что вижу я изъ моего окна, это — по новой картѣ, выкроенной въ Версали, — Чехо-словацкая республика, славянское государство, а на дѣлѣ это край чисто-нѣмецкій. Когда мнѣ понадобилось разъ написать на конвертѣ адресъ по-чешски, мнѣ не малыхъ трудовъ стоило найти человѣка, который сѣумѣлъ бы сдѣлать это, а въ сосѣднемъ Мариенбадѣ на окнахъ магазиновъ рядомъ съ «*on parle français*» и «*English spoken*» иногда встрѣчаются надписи: «говорять по-чешски». Чехи склонны видѣть въ этомъ эдакую ядовитую манифестацію, но если она тутъ и есть, то надо скавать, что иронія эта бьетъ по мѣсту. И нашъ маленькій, чистенькій Кѣнигсвартъ это типичное нѣмецкое мѣстечко: живописная грудка домиковъ, среди которыхъ не мало очень старинныхъ, а надъ ними островерхая колоколенка съ красной кровлей. На пустынной площади сонно журчитъ фонтанъ и грезять о далекомъ быломъ старыя, сѣрыя, изъѣденныя временемъ и поросшія мхомъ статуи то святого какого-нибудь, то какого-нибудь Fürst von Metternich, Herrn von Königswart. а неподалеку отъ городка, среди солнечныхъ полей стоитъ и замокъ этого Меттерниха, сѣрый, сѣдой, съ великолѣпной библіотекой чуть не на всѣхъ языкахъ міра и со многими замѣ-

чательными старинными рукописями. И не могу сказать вамъ, какъ мнѣ нравится эта чисто-нѣмецкая черточка: у всѣхъ въѣздовъ въ городокъ на стѣнкѣ гдѣ-нибудь непременно прибита дощечка, которая гласитъ: Stadt — Königswart, Bezirk — Marienbad, Kronland — Böhmen. Вы, конечно, и такъ все это знаете прекрасно, но для аккуратности, для порядка все это надо подтвердить табличкой. И прибавлено для полноты впечатлѣнія: высота надъ моремъ 684 метра. Ужасно это симпатично и характерно! А развѣ это не чисто по-нѣмецки: крошечная парикмахерская, а на вывѣскѣ ея гордо стоитъ «придворный парикмахеръ его сіятельства князя Меттернихъ»... А иногда на старой мшистой стѣнѣ, точно взрывъ бомбы, яркій крикъ современности: Wählt sozialdemokratisch! — то осталась отъ недавнихъ выборовъ афишка. И сѣдые камни городка спокойно, философски молчатъ, зная, что придетъ время, когда и этотъ призывъ будетъ такъ же старъ, также полузабытъ, такъ же, можетъ быть, живописенъ, какъ и эта мшистая статуя былого повелителя Кёнигсварта.

Край этотъ сталъ чешскимъ потому, что вся наша жизнь пропитана моралью готтентота. Мы можемъ провозгласить какой-нибудь чудесный принципъ — вроде самоопредѣленія народовъ, — но когда дѣло дойдетъ до примѣненія этого принципа въ жизни, то, если примѣненіе это намъ почему-либо невыгодно, мы начинаемъ фальшивить, лукавить, врать съ такой наглостью, что даже самому невзыскательному человѣку становится стыдно. Чехи самоопредѣлились, латыши самоопредѣлились, Азербейджанъ самоопредѣлился, — очередь за нѣмцами. Что вы? Да развѣ это возможно? Это колоссальнѣйшая міровая опасность: развѣ вы не знаете германскій имперіалнзмъ, германскій милитаризмъ, fuero teutonico? И громадный, культурнѣйшій народъ самоопредѣляютъ въ Версали: Австрія — отдѣльно, часть — Италіи, часть — Югославіи, часть — Польшѣ, часть — Чехіи, часть — Франціи [никакихъ плебисцитовъ — это еще что за глупости?!...], часть Даніи, часть Бельгіи... Конечно, если бы побѣдила Германія, то точно то же было бы и тогда, но отъ этого не легче, и

отъ новой карты Европы все же воняетъ скверно и кашу, заваренную версальскими поварами, придется расхлебывать Левику. И будутъ душить его ядовитыми газами, и распинать на колючей проволокъ, и рвать его тѣло снарядами, и ослѣпять его, и забросаютъ съ аэроплановъ дьявольскими бомбами, и будутъ гноить его подъ землей въ окопахъ, и отдадутъ его на съѣденіе вшамъ, и дѣлать все это будутъ такіе же тихіе и робкіе Левики, ненавидящіе кровь, любящіе музыку, природу, стихи, бѣлокурую волшебницу какую-нибудь. За что? Зачѣмъ? Неизвѣстно, ибо безцѣльность всей этой кровавой чепухи рѣжетъ глаза уже и самымъ тупымъ и самымъ ограниченнымъ.

А параллельно вотъ и другой фронтъ, о которомъ говоритъ эта полинявшая афишка, приглашающая вотиновать за социаль-демократовъ. Было время, когда мы, въ юности, считали это крикомъ правды, справедливости, свѣта, — теперь мы знаемъ, что это крикъ жадности, ненависти, мщенія. Но съ какой же именно общественной ступени надо начинать ненавидѣть и мстить?

Вотъ семья нашего старенькаго домохозяина, который при каждой встрѣчѣ неизмѣнно хвалится, что, несмотря на его 85 лѣтъ, голова его совсѣмъ свѣжа и что онъ интересуется еще всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, — oh, ich interessiere mich um alles!... Это типичная, хорошая, трудовая нѣмецкая семья: женщины, старушка-жена и дочь, держутъ безъ помощи прислуги въ строгомъ порядкѣ свое уютное гнѣздышко. Днемъ дѣвушка и воду носить, и моетъ полы, и стряпаетъ, а вечеромъ, въ минуты отдыха, садится за рояль и играетъ безъ блеска, но для себя и для другихъ вполнѣ прилично не только классиковъ, но и современниковъ вродѣ Грига или Зиндинга. И жизнь ихъ представляется мнѣ скромнымъ маленькимъ цвѣтушимъ садомъ и, казалось бы, садъ этотъ, созданный упорнымъ трудомъ цѣлой долгой жизни, долженъ былъ бы быть святыней для каждого: «прохожій, обнажи свою голову: въ этомъ скромномъ домикѣ трудами рукъ своихъ и непрестанными заботами поддерживается маленькое счастье человеческое...» Но нѣтъ, и онъ, этотъ бѣдный старикъ, и я — несомнѣнные «враги

народа», ибо у него свой домикъ, и рояль, и Зиндингъ въ часть сумерекъ, а я сижу на диванѣ и пишу какія то тамъ книжки, въ которыхъ не ору: «товарищи, теперь слабода и все ваше...» И придуть, и отведуть въ чрезвычайку, и проломять бѣлую голову обухомъ и бросятъ трупъ въ канаву...

Домъ есть, рояль, книжки, — да кто же тебѣ мѣшаетъ добыть все это? Наживи и ты... Какъ? Да такъ же, какъ старикъ, какъ всѣ, по старому рецепту: трудомъ, изобрѣтательностью, экономіей, упорствомъ. Я слышу, орутъ: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ. Не наживешь палатъ, и не надо, можно жить и безъ палатъ, какъ живетъ старикъ мой, — это первое, а второе, если въ достиженіи этихъ своихъ человѣческихъ цѣлей по устройству себѣ гнѣзда чело­вѣкъ и покривить иногда душой немножко, и сфальшивить, то въ достиженіи недостижимыхъ цѣлей общихъ, для которыхъ, какъ показываетъ практика, необходимо ласковому старичку этому проломить обухомъ его бѣлую голову, ясностью которой онъ такъ гордится, украсть или реквизи­ровать его рояль, исковеркать его зеленый садикъ, въ которомъ онъ такъ заботливо и такъ бесполезно выстри­гаетъ ежедневно самые крошечные сухіе сучечки, надо уже не только сфальшивить, не только покривить душой чуточку, а смѣло, отчаянно идти на всякую ложь, на всякое преступленіе, на всякій ужасъ!.. Недаромъ старый Толстой съ тоской говорилъ: для себя чело­вѣкъ только очень рѣдко sluкавить, для семьи это дѣлается уже легче, для отечества онъ готовъ уже на огромныя злодѣянія, а для чело­вѣчества такъ называемаго нѣтъ предѣловъ его злодѣйству. Такъ, можетъ быть, лучше ужъ жить каждому потихоньку только для себя?..

Жизнь чело­вѣческая есть пестрое сплетеніе изъ безконечнѣйшихъ парадоксовъ, часто очень ядовитыхъ, но никогда парадоксы эти не выступаютъ такъ ярко, какъ въ революціяхъ: свобода это значитъ надо зако­нопатить въ острогъ, а то и голову оторвать всякому, кто думаетъ иначе, чѣмъ я; комнссаръ долженъ украсть чужой автомобиль *для себя*; братство это значитъ пожа­луйте на эшафотъ одни и во дворцы — другіе. И если мы

торжественно объявляемъ, что собственность это кража, то дьяволъ, явно издѣвающійся надъ нами, ядовито передѣлываетъ это въ парадоксъ не менѣе оглушительный: кража это собственность. Но за труды по этой передѣлкѣ, Господи, какой взялъ онъ себѣ гонораръ: проломленный черепъ старичка, вырванныя струны рояля, пьяный хулиганъ съ пулеметной лентой чрезъ грудь тамъ, гдѣ раньше въ сумеркахъ звенѣлъ прозрачно Зиндингъ. И собственность-кража старичка, добытая трудомъ цѣлой жизни, поступаетъ въ карманы красы и гордости, а оттуда въ публичный домъ, а оттуда въ кабакъ, а оттуда въ кубышку хитраго, грязноватаго кабатчика, новаго собственника-вора. «Только всѣхъ и дѣловъ...» — какъ говорятъ мужики.

Да, нѣтъ покоя и въ тихомъ Кёнигсвартѣ и сосетъ, сосетъ неустанно, и ночью, и днемъ змѣя-дума усталое сердце...

Но — смѣхъ звучить иногда и на кладбищѣ.

На дняхъ является ко мнѣ знакомиться одинъ компатріотъ, очень крупный помѣщикъ на югѣ Россіи — какъ, по крайней мѣрѣ, онъ рекомендовалъ себя, — огромный человѣкъ съ круглымъ, какъ луна, лицомъ и масляными глазами. Онъ далъ изъ Россіи стрелка, женился здѣсь на нѣмкѣ-простолюдинкѣ, купилъ себѣ небольшой хуторокъ и — записался въ мѣстный отдѣлъ социаль-демократовъ.

— Это еще зачѣмъ? — удивился я.

— Отчего же?... Все-таки, знаете, удобнѣе: пусть, въ случаѣ чего, считаютъ за своего...

— И бываете у нихъ?

— Какъ же... Во-первыхъ, это очень интересно, а во-вторыхъ... и полезно: видно тамъ, когда надо будетъ собирать манатки и бѣжать дальше...

— А пока не надо еще?

— Нѣтъ, пока можно жить спокойно...

— Я побаиваюсь немножко сибирскихъ чеховъ...

— Напрасно!.. — воскликнуть землякъ увѣренно. — Они всѣ являются домой съ огромными деньгами. У иного есть двѣ, три тысячи долларовъ, — въ здѣшнихъ кронахъ это цѣлое состояніе. Нѣтъ, это форменные

буржуи... Награбили въ Сибири довольно... Эти не страшны.

— Такъ, если что у социалистовъ пронюхаете, пожайдуста, сообщите и намъ...

— Конечно, конечно!.. Тогда, въ случаѣ чего, выѣстъ...

XVIII.

Въ наше время уединеніе для человѣка — тяжелый крестъ. Въ городѣ пошелъ въ свое обычное кафе, посидѣлъ съ пріятелями, пораскинулъ за чашкой кофе умомъ надъ судьбами человѣческими и дѣлается какъ-то легче, а тутъ, среди горъ, въ одиночествѣ, неустанно возвращается мысль къ той кровоточивой ранѣ, которую нанесло душѣ человѣческой наше страшное время. Все въ мірѣ точно чернымъ флѣромъ затянулось. Какъ любилъ я, раньше, напримѣръ, природу, а теперь и она точно отошла отъ меня куда-то вглубь, мнѣ уже нужно усиліе, чтобы вызвать ее къ себѣ, чтобы видѣть то, что у меня передъ глазами, и я ясно, опредѣленно чувствую, что между этимъ зеленымъ, солнечнымъ міромъ горъ, облаковъ, птицъ и мною какая-то зіяющая, непонятная пропасть...

И новыя, черныя мысли объ этомъ мірѣ просачиваются въ душу, которая, однако, такъ хотѣла бы отдохнуть, не терзаться, успокоиться на чемъ-нибудь простомъ и ясномъ, какъ ясны и просты были раньше, давно, давно, эти солнечныя, росистыя, деревенскія утра въ дѣтствѣ, свѣжее благоуханіе которыхъ я слышу и теперь, на разстояніи десятилѣтій, чрезъ весь этотъ длинный путь прожитой жизни...

А теперь и въ природѣ чувствую я иногда какой-то огромный, душу леденящій обманъ. Ландышъ киваетъ мнѣ изъ-подъ куста *привѣтливо* головой... студеной ключъ лепечетъ *мнѣ* сагу... вѣтерокъ *ласково* дуетъ мнѣ въ лицо ... солнышко *весело* играетъ въ небѣ, — это мы часто говоримъ, пишемъ, слышимъ и даже какъ будто иногда и искренно чувствуемъ. Можетъ быть, благодаря этому и тянулся всегда раненый жизнью человѣкъ къ

«мати-пустынь», чтобы тамъ, въ уединеніи, отдохнуть отъ ядовитыхъ укусовъ и тяжкихъ ударовъ братьевъ-людей подъ дуновеніемъ ласковаго вѣтерка, подъ лучами добраго солнышка, среди милыхъ птичекъ. Но стоитъ только поближе присмотрѣться къ жизни природы, какъ ясно начинаешь понимать, что все это великая, древняя ложь, сотканная изъ уцѣлѣвшихъ въ душѣ человѣка остатковъ прежнихъ, доисторическихъ вѣрованій, ощущеній и инстинктовъ. И не то въ природѣ ужаснѣе всего, что вотъ два милыхъ зяблика ожесточенно дерутся, какъ и мы, грѣшныя, изъ-за самки, что волкъ безжалостно рѣжетъ барашка, что кошка играетъ окаменѣвшей отъ ужаса мышью, что вотъ въ этомъ частомъ ельникѣ идетъ упрямая, остервенѣлая борьба между этими зелеными елочками изъ-за каждаго вершка земли, изъ-за каждой капли воздуха или влаги, изъ-за каждаго луча добраго солнышка, что все вообще вокругъ хладнокровно, методично, по неумолимо-желѣзнымъ законамъ истребляетъ одно другое, что смерть одного есть здѣсь начало жизни для другого, что все здѣсь находится въ вѣчной, изступленной судорогѣ смертнаго страха, который сливается съ восторженнымъ ревомъ побѣдителя, — не это здѣсь самое ужасное, хотя и нельзя сказать, что эта картина внушала бы сердцу человѣческому большое умиленіе предъ благостью Подателя жизни. Самое ужасное въ этой кровавой схваткѣ, — извѣчной, никогда не кончающейся, не общающей мира никогда, никогда, никогда, — это бездушіе, механичность борьбы, это проклятое, каменное равнодушіе вещи. Въ нашей, человѣческой борьбѣ ея ужасъ хоть отчасти искупается красотой тѣхъ драмъ и трагедій, которыя мы создаемъ изъ этого кроваваго кошмара, наша борьба это все же великолѣпнѣе, красочнѣе, хотя, можетъ быть, и черезчуръ ужъ растянута героическая поэма: Тамерланъ, Францискъ Ассизскій, Цезарь, Сократъ, Христосъ, гугеноты, Наполеонъ, Толстой, большевики, Будда, Прометей, Гамлетъ, Лпръ и проч. и проч., и проч., — все это можетъ не только занять, но и увлечь, и опьянить даже до самозабвенія: вспомните старую гвардію, которая гибла въ холодныхъ волнахъ Нѣмана, радуясь, что гибнетъ она на глазахъ у самого великаго императора,

вспомните священный восторгъ мучениковъ на аренѣ, изступленіе какихъ-нибудь самосожигателей. Но посмотрите на мертвенно-холодную давку этого молодого частаго ельника: каменно-упрямо и каменно-равнодушно напираетъ одно деревцо на другое, и такъ всѣ, и кто кого задавить, не видно и *безразлично*. Эта вотъ мертвечина вещи давить. Или возьмите: рысь вынюхала гнѣздо тетерьки и на глазахъ бьющейся въ смертномъ ужасѣ матери одного за другимъ гастрономически давить тетеревятъ. Она уже нажралась, ѣсть ей не хочется, и она только лижетъ, высасываетъ горячую, солоноватую, пахучую кровь. И какъ ни бейся предъ ней по травѣ мать, рысь *не можетъ* пожалѣть ее и оставить ей въ утѣшеніе хотя пару цыплятъ, никогда, ни въ какомъ случаѣ *не можетъ*, это не только внѣ ея силъ, но и вообще внѣ ея міра, въ ея мірѣ этого просто-на-просто нѣтъ...

Тоже и съ *ласковомъ* вѣтеркомъ. Конечно, нималѣйшей ласковости въ немъ нѣтъ. Просто въ одномъ мѣстѣ тучки порѣдѣли, солнце равнодушно, механически прогрѣло каменные скалы, теплый воздухъ по неумолимо желѣзному закону поднялся отъ земли вверхъ и на его мѣсто механически потянулъ другой, сосѣдній воздухъ, такъ что вся эта ласковость это только: $S.W + 15^{\circ} C$, влажность — такая-то цифра, скорость — такая-то цифра еще, сухая формула изъ латинскихъ буквъ, арабскихъ цифръ и другихъ мертвыхъ знаковъ. И вотъ эта мертвечина равнодушно и случайно коснулась другой мертвой химической формулы, которую мы называемъ ландышемъ, — $H_2O...$, что-нибудь въ этомъ родѣ, но подлиннѣе... — и вотъ получается: «ландышъ серебристый привѣтливо киваетъ головой», только потому привѣтливо, что или любовница этому одинокому фланеру измѣнила, или въ карты его пріятели жестоко обыграли, или критикъ его стихи обругалъ, или изъ запыленного окна чрезвычайки многозначительно поманилъ его кровавымъ пальцемъ товарищъ Джердвинскій. Но если присмотрѣться, подавивъ нѣкоторый тайный, мистическій ужасъ въ душѣ, поближе къ его любовницѣ, его пріятелямъ, къ критикамъ, къ Джердвинскому, то опять-таки увидимъ старую знакомую рысь, которая *не можетъ* не быть

рысью, а рысь, и Джердаинскій, и нріатели, и любовница опять-таки, какъ и ландышъ, это нѣчто вродѣ Н₂О и проч., подверженное непреложнѣйшимъ законамъ притяженія, отталкиванія, трансформацин, борьбы и проч. И, расширяя нашъ кругозоръ все дальше и дальше, вотъ, въ концѣ концовъ, мы стоимъ, цѣпенѣя отъ ужаса, предъ вселенной, этой стеклянно-безцвѣтной, стеклянно-холодной, стеклянно-мертвой пучиной-каплей, въ которой крутятся въ безпорядкѣ какіе-то то раскаленные, пылающіе, то черные и холодные шары, — можно опять всю эту музыку изобразить латинскими буквами и цифрами, — и на шарахъ этихъ какъ-то почему-то появляется на короткое время весьма разнообразная плѣсень: рысь, ландышъ, Джердаинскій, Толстой, земляные черви, версальская конференція, тетерька, большевики, я, Наполеонъ и вся прочая, съ азартомъ истребляющая другъ друга, чепуха. Для чего нужно все это физико - химико - механическое нагроможденіе всякаго вадора и что изъ этого выйдетъ, — совершенно непонятно *).

И зритель всего этого тоже физико-химическая формула и онъ весь окованъ желѣзными цѣпями міровыхъ законовъ и онъ рѣшительно не знаетъ, что онъ такое и зачѣмъ, и что это и зачѣмъ такъ скребетъ и болитъ въ его крошечномъ, всегда неизбѣжно одинокомъ сердцѣ. Что эта боль, химическій ли процессъ сперва въ сѣрой кашицѣ его мозга, который какъ-то таинственно передается потомъ въ грудь, гдѣ бьется этотъ неугомонный маятникъ жизни, или это, какъ говорилъ старый Толстой и другіе добряки, въ самомъ дѣлѣ, голосъ Бога, т. е. той огромной Тайны, которая обволакиваетъ и пропитываетъ собой нашу вселенную со всѣхъ сторонъ?

Ну, хорошо, допустимъ, что Богъ удостоилъ спуститься въ грязенькое сердце человѣческое и болью этой хочетъ человѣку что-то повѣдать о Своихъ предначертаніяхъ. Добряки говорятъ, что эта боль указываетъ человѣку на нарушеніи имъ закона Бога и что законъ этотъ

*) Я не матеріалистъ, но я умышленно упрощаю все, ибо то несомнѣнное, но неуловимое, что *скрыто* за пестрою завѣсою міра, дѣлаетъ все еще непонятное и страшнѣе.

весь состоитъ въ одномъ словѣ: Любовь. Одинъ изъ удивительнѣйшихъ людей міровой исторіи такъ и сказалъ: Богъ есть Любовь и пребывающій въ Любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ. Грандіозно, и, конечно, только восторженнымъ воплемъ можетъ отозваться на это сердце человѣческое. Оно согласно на все, согласно страдать, согласно дать растоптать себя на-вѣки, согласно на неблагодарность даже:

Люби безмѣрно, беззавѣтно,
Всей полнотой душевныхъ силъ,
Хотя бъ любовью отвѣтной
Тебѣ никто не отплатилъ...

Оно на все согласно, но — какъ же быть тутъ съ елочками, удушающими одна другую, какъ быть съ рысью, которая не можетъ не сожрать тетеревятъ, какъ быть съ дитей, которое стучитъ себя кулачонками въ грудь, какъ быть съ тѣмъ большевикомъ, который разстрѣлялъ на глазахъ этого ребеночка его мать за то, что десять лѣтъ тому назадъ она, наивная, солнечная дѣвушка, осмѣлилась полюбить офицера и выйти за него замужъ, то есть, явно измѣнить народу и революціи? Алеша, милый, кроткій христіанинъ Алеша рѣшилъ безповоротно: разстрѣлять! Такъ, нѣкоторое удовлетвореніе сердце наше тутъ какъ будто и обрѣтаетъ, но чрезъ минуту уже оно постигаетъ вотъ что: вѣдь, самый звѣрь-большевикъ-то этотъ выросъ какъ разъ изъ такого вотъ заброшеннаго ребеночка, котораго измучили, который одичалъ, озлобился и, наконецъ, дикій, темный, взбунтовался. Такъ, значить, онъ не звѣрь, а несчастный, значить, не разстрѣлять его надо, какъ рѣшилъ милый, добрый къ міру Алеша, а приласкать, обогрѣть, пожалѣть. Такъ, великолѣпно, лучше и не придумаешь, но — какъ же быть опять-таки съ нп за что истерзанной солнечной дѣвушкой? Какъ быть съ мукой неповиннаго ея ребеночка, который бьется надъ ея истерзаннымъ трупомъ и плачетъ своими слезками къ Боженькѣ?...

Нѣтъ, рѣшительно не правъ Ты, Господи: Ты слишкомъ уже запуталъ человѣка!... Онъ слишкомъ слабъ, онъ не можетъ избраться изъ этого дремучаго лѣса противорѣчій, въ который Ты благоволилъ загнать его.

Это просто жестоко, Господи... Радостно покорный Твоему велѣнію любить, онъ согласенъ, согласенъ всей душой любить, хотя бы отвѣтили ему на это плевками въ сердце. Но дай же тогда ему возможность прикрыть покровомъ своей любви, защитить не только милого ребеночка, не только нѣжную дѣвушку, не только несчастнаго звѣря-большевика, но и тетерьку съ ея водкомъ, и рысь, и даже душистыя елочки на солнечномъ пригоркѣ: сердце человѣческое ненасытно въ жестокости — такъ разрѣши же ему, Господи, быть ненасытнымъ и въ любви. Но — молчить Господь и золотой ключъ любви не размыкаетъ страшной цѣпи кровавыхъ, вѣковѣчныхъ противорѣчій жизни...

Вотъ вамъ: идутъ мои ребятишки по этому милому, тихому городку. Мы пообчистились, пріодѣлись и трогаящаго сердце вида бездомныхъ нищихъ уже не имѣемъ и тѣмъ не менѣе женщины смотрятъ на ребятишекъ моихъ какими-то особенно-ласковыми глазами и одна изъ нихъ вдругъ останавливаетъ ихъ, скрывается къ себѣ въ домъ и выноситъ имъ подарокъ: два небольшихъ кусочка — чернаго хлѣба!... Онъ адѣсь рѣдокъ теперь, этотъ черный хлѣбъ. И дѣтишки тутъ же, на улицѣ, уписываютъ эту милостыньку, поданную, конечно, ради Христа, ибо ради чего другого ее и подать нельзя... И мнѣ два этихъ черныхъ кусочка хлѣба кажутся ослѣпительно сверкающими кусочками солнца — не этого равнодушнаго солнца въ небѣ, которое можно изобразить латинскими буквами и арабскими цифрами, а другого, невидимаго, но все же несомнѣннаго въ этомъ мірѣ жестокости и борьбы, Солнца Любви.... Вчера эта женщина благословляла, можетъ быть, своего сына на бой съ русскими врагами, а когда этотъ сынъ очень добросовѣстно и свято исполнилъ свой долгъ передъ родиной и завѣтъ матери и раззорилъ и измучилъ Россію и самъ вернулся домой безъ ногъ, оторванныхъ русской пушкой, мать его, измученная и сама полуголодная, выноситъ своими руками два кусочка хлѣба русскимъ дѣтишкамъ, мучить которыхъ, стрѣлять въ которыхъ, жечь которыхъ она сама же послала своего сына! Теперь она и знать не хочетъ этихъ противорѣчій и, сама сіяя,

какъ богиня, неземнымъ свѣтомъ, полуголодная, но радостная, раздаетъ дѣтямъ кусочки солнца...

Господи, это по Твоему завѣту, это прекрасно, но пощади, Господи: это слишкомъ ужъ безсмысленно! И если Ты хочешь, Господи, чтобы мы воспѣли Тебѣ еще неслыханную съ начала дней «Осанну», благослови насъ, даруй намъ разорвать цѣпи этой безсмыслицы! Мы слишкомъ большіе хищники, чтобы быть кроткими сынами Божьими, но слишкомъ все же мы добры, чтобы быть безпечною рысью Господней. Изъ борьбы двухъ этихъ началъ, правда, и течетъ вся наша, такая пестрая, такая красивая, такая волнующая, вѣчная скаака жизни нашей, но иногда устаетъ сердце отъ этой безплодной игры свѣта и тѣни и хочется — конца сказки. Или вырвемъ изъ сердца Твое же Евангеліе и будемъ бѣлокурами бестіями до конца — но тогда прочь съ кусочками хлѣбца!... — или же задавимъ въ себѣ рысь до конца и грянемъ такое чудовищное «осанна», что жизнь потрясется до самаго основанія...

Но — ни того, ни другого не будетъ. Вотъ я сижу на скалѣ въ старомъ пихтовомъ лѣсу и вижу, какъ холодно и упрямо и мертвенно-бездушно давятъ одна другую молодыя елочки, и дерутся нарядныя синички — это очень алая птичка — изъ-за какого-то червячка, и упорно ловить трясогузка недающагося, скованнаго ужасомъ мотылька, а тамъ, внизу, въ нѣжно туманной долиинѣ ползають безногіе солдаты и женщины смотрять на монахъ дѣтишекъ особенными, ласковыми глазами и ласкають ихъ...

Вѣрую, Господи, что это такъ и нужно, — но помощи же моему невѣрію!...

XIX.

Мы, въ нашемъ тихомъ Кенигсвартѣ, правднуемъ сегодня первое мая, праздникъ мірового пролетаріата. Съ утра рабочіе расфрантились, нацѣпили на себя красныя ленточки и цвѣточки и, собравшись на старой городской площади, около статуи повелителя Кенигс-

варта, долго слушали всякія рѣчи «объ иномъ, свѣтломъ будущемъ, когда...», какъ слушалъ я ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ, на зеленомъ холмѣ Signal, надъ хорошенькой Лозанной. Были тутъ и крестьяне, которые посмѣивались надъ «лежебоками» съ ихъ восьми-часовымъ бездѣльемъ, указывали на тяжелый трудъ мужика, который на часы не смотритъ. Рабочіе сердито огрызались. Мой толстый компатріотъ-помѣщикъ болтался тутъ же съ красной гвоздикой въ петличкѣ — на всякій случай. Но были и другіе: когда дѣвушка-работница предложила купить красный цвѣтокъ одному бывшему офицеру австрійской арміи, а теперь очень скромному конторщику, онъ твердо отстранилъ цвѣтокъ:

— Нѣтъ, я не хочу лгать, какъ другіе, — сказалъ онъ. — Я прежде всего нѣмецъ и націоналистъ...

— Вотъ идіотъ!... — съ негодованіемъ говорилъ мой толстякъ. — *И что онъ получитъ за это свое благородство?*...

Послѣ рѣчей часть собравшихся осталась въ кафе пить пиво, а часть съ красными флагами рѣшила идти въ старый замокъ Меттерниховъ требовать — «aber höflichst!», говорили они другъ другу, — отъ князя раздѣла земель, хлѣба и еще чего-то тамъ такое. Князь принялъ ихъ въ халатѣ, спокойно выслушалъ всѣ ихъ требованія и приказалъ выдать имъ десять мѣшковъ муки, а на счетъ земли — обратиться въ Прагу. Когда привезли муку въ городокъ, манифестанты стали говорить, что принадлежитъ она только имъ, тѣмъ, кто ходилъ «требовать», а мѣстные эсъ-деки заорали, что ее надо раздать всѣмъ членамъ партіи. И всѣ переругались. Но большинство все же побѣдило и десять мѣшковъ муки были розданы на 200 человѣкъ: по ковшу на брата. Но и то слава Богу, что все обошлось безъ потасовки...

А я ушелъ одинъ въ лѣсъ, въ горы. И къ удивленію своему я увидалъ, что далеко не всѣ бѣгаютъ въ Кёнигсвартъ за красной Жарь-Птицей, — въ лѣсу оказалось не мало рабочихъ людей, которые собирали сучки, подчищали лѣсъ, возили дрова, словомъ, трудились молчаливо и сосредоточенно. А я, уклоняясь отъ всякихъ встрѣчъ, тихо бродилъ по горамъ, любуясь прекрасными

далями, и думая хорошо и искренно, «какъ предъ Богомъ», все о томъ же.

Вѣдь не со вчерашняго дня начались эти движенія народныя — сколько было на этомъ пути страданій, сколько жертвъ, сколько крови! Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, все это такъ даромъ и пропадетъ? Но ни страданія, ни кровь не аргументъ, увь, — человѣкъ за все льетъ кровь, но отъ этого дѣло его не выигрываетъ нисколько... Сколько крови пролито за идею отечества, — укрѣпились ли отъ этого отечества? Сколько крови пролито за идею христіанскую — что отъ нея осталось? Въ дни моего толстовствованія мы очень любили цитировать знаменитыя страницы изъ «Дѣяній апостольскихъ» о томъ, какъ вѣрующіе ничего уже не называли своимъ, но продавали все и полагали деньги къ ногамъ апостольскимъ и все у нихъ было общее. Вѣдь вотъ когда еще цвѣлъ коммунизмъ!... А Исаію почитайте съ его мечтами — вѣдь это же социалистъ чистѣйшей воды! А знаменитая коммуна ессеевъ въ оазисѣ Энгадди на берегахъ Мертваго моря, которую описалъ Филонъ Александрійскій въ своихъ «Терапевтахъ»?... И ничего отъ всего этого не осталось, ни пылинки: въ медленномъ приспособленіи къ суровымъ законамъ жизни идея перерождалась, вырождалась и умерла и отъ нея, — какъ въ христіанствѣ, напримѣръ, — осталось только одно названіе, прикрывающее совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ то, которое было вложено въ это слово первоначально. Тоже и съ французской революціей: начато было среди громовъ и молній съ пресловутаго «свобода, равенство и братство», потомъ скоро къ этому прибавили три коротенькихъ словечка: «ou la mort!», а потомъ чрезъ десять лѣтъ изъ всего этого въ дикой каррикатурѣ выросло: *vive l'Empereur!*, старая гвардія, *Code Napoleon*, и чрезъ сто лѣтъ все это закончилось современной Франціей съ ея реваншами, милліонерами, синдикалистами, развратомъ, вымираніемъ, Фошами. А на фронтонѣ Мадленъ и до сихъ поръ красуются слова «Свобода, равенство, братство», и милліоны кокотокъ, растакуэровъ, банкировъ, апашей, гаменовъ, газетчиковъ, фланеровъ, магазинныхъ барышень и пр. не даютъ себѣ труда не толь-

ко вникнуть въ эти слова, но даже просто прочесть ихъ: до того онѣ примелькались и надоѣли!...

Совершенно тоже будетъ и съ социализмъ — объ этомъ краснорѣчиво говорить мой толстый землякъ съ красной гвоздичкой въ петличкѣ «на всякій случай». Запуганные бомбами и трескучими рѣчами и чрезвычайками, къ социалистамъ уже тысячами примазываются просто трусы, аферисты, безразличные, примазываются даже завѣдомые враги. Достаточно вспомнить, что въ первые дни послѣ переворота въ Россіи въ каждомъ городѣ социалисты-революціонеры считались десятками тысячъ: эсэрилы не только кооператоры, земцы, газетчики, гимназистки, но и барыни, биржевики, попы, генералы... И неужели не достаточно краснорѣчивъ тотъ фактъ, что въ рядахъ коммунистическаго рабоче-крестьянскаго правительства стоитъ теперь Брусиловъ, весь генеральный штабъ, масса промышленниковъ-милліонеровъ, масса каторжниковъ, масса темныхъ дѣльцовъ, которые дружно потихоньку и полегоньку и извращаютъ идею, которая вынуждена была призвать ихъ къ себѣ на службу? И совершенно правъ былъ я, сказавъ на маевкѣ моему толстяку, что его присутствіе на праздникѣ социалистовъ для нихъ страшнѣе доброй батарее, ибо съ пушками-то еще можно бороться, но какъ бороться съ тысячами такихъ вотъ защитно-окрашенныхъ враговъ? *Пѣсенка социализма тѣмъ болѣе спѣта, чѣмъ большее число голосовъ подается за социалистовъ на выборахъ, и жаль только, что столько еще крови прольется только для того, чтобы съ удивленіемъ увидѣть, что человѣчество снова у той самой печки, отъ которой оно пошло танцовать...*

А вотъ въ уединенномъ уголкѣ стараго, прекраснаго лѣса сѣренькая, скромненькая лѣсная часовенка: сѣренькій навѣсъ, а подъ нимъ бѣдный, крошечный алтарекъ съ распятіемъ и всякими священными картинками, милыми и наивными, а предъ алтаремъ всего одна ветхая скамеечка для паствы. И все это заботливо украшено цвѣтами и елочками. А вокругъ птички, бѣлки, а иногда забредутъ сюда и робкія косули или олень съ вѣтвистыми рогами. И такъ трогателенъ этотъ скромный алтарекъ

Богу въ лѣсной глуши, что я невольно снялъ шляпу и теплое чувство умиленія свѣтлой и свѣжей волной прошло по душѣ. Это — символъ иного могучаго теченія въ человѣчествѣ и съ этимъ вы еще поборетесь, милые люди, — вы для чего-то вбили себѣ въ голову, что вамъ совершенно необходимо побѣдить это...

Мои дѣтишки, чтобы поскорѣ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ, бѣгаютъ къ мѣстнымъ монахинямъ-бенедиктинкамъ. И что это за милыя созданія, эти чистыя, благообразныя, всегда ласковыя женщины!.. И на какомъ-то изданіи ихъ ордена я увидѣлъ девизъ ихъ тихой жизни: въ заголовкѣ, наверху, стоитъ *ога et laboga* — молись и трудись, въ срединѣ страницы крестъ, символъ мірового страданія, окруженный святымъ сіяніемъ, а внизу крупно: *Рах* — миръ. Ну, ей Богу же, все это, такое теплое, такое человѣческое, стоитъ эрфуртской программы!.. И когда кто-нибудь изъ моихъ ребятъ особенно отличится въ трудахъ своихъ, сестры дарятъ ему въ награду маленькую картинку, на которой изображены хорошенькіе ангелы, кроткій святой какой-нибудь, тихая, чистая, ласковая мадонна... И дѣти чувтъ тутъ что-то. На дняхъ, смотрю, моя тихая Ленокъ заботливо подбираетъ букетикъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ.

— Кому это ты, Ленокъ? — спрашиваю я.

— А сестрамъ...

Меня тронуло это и я поцѣловалъ ее въ головку, въ которой родилась эта красивая, добрая думка...

И, когда я внимательно всматриваюсь въ эти спокойныя, ласковыя, чистыя женскія фигуры, которыя, подъ крестомъ неизбежнаго мірового страданія, пребывая въ мирѣ, молятся и трудятся, — и что берутъ онѣ за свой трудъ среди этаго всеобщаго разгула жадности, прямо сказать совѣстно!.. — я вспоминаю удивительныя слова Герцена, написанныя имъ уже послѣ катастрофы его міросозерцанія, слова о томъ, что какой-бы колоссальный переворотъ произошелъ въ жизни всего человѣчества, если бы, отбросивъ всякія полптическія и социальныя реформы и революціи, люди рѣшили бы быть со всѣми — только вѣжливыми, вѣжливыми до конца.. И вотъ эти тихія женщины этотъ огромный переворотъ уже совер-

шили. И, всматриваясь въ типъ средней монахини, и спрашиваю себя: да не все ли ужъ это? Не лучшее ли это достиженіе человѣка? Не возможная ли вершина наша? Трудъ, молитва, миръ, тихіе ангелы, прекрасные цвѣты, — да чего же еще? И стоитъ мнѣ мысленно поставить одну изъ этихъ сестеръ рядомъ съ какимъ-нибудь ора-
торомъ, «разворающимся» на митингѣ, чтобы сразу, безъ малѣйшаго колебанія рѣшить, куда тянется душа...

Сдѣлала ихъ такими ихъ религія и въ то же время намъ идти къ нимъ мѣшаетъ все та же ихъ религія. Что, собственно, мѣшаетъ намъ въ ней? Конечно, ея догматическая часть, то, что съ точки зрѣнія всякаго истинно-религіознаго человѣка наименѣе важно, хотя Церковь съ упорствомъ необыкновеннымъ, до костровъ включительно, настаиваетъ на страшной важности догмата. А если бы на первомъ мѣстѣ поставить ея удивительныя молитвы, ея хоры почти небесные, созданные ею прекраснѣйшіе образы человѣка — св. Дѣва Марія, Иисусъ, Францискъ Ассизскій, Нилъ Сорскій, Тихонъ Задонскій, всѣ эти свѣтлые легіоны тѣней, бродящіе по пожелтѣвшимъ страницамъ разныхъ житій, этихъ воть ласковыхъ монахинь, эту лѣсную умирительную часовенку, — Господи, съ какою радостью рванулись бы къ ней миллионы уставшихъ сердецъ!.. Вѣдь воть сейчасъ, наткнувшись на этотъ лѣсной алтарь, я не сталъ думать ни о безгрѣшномъ зачатіи, ни о перстосложеніи, ни о томъ, откуда пошло ученіе о Троицѣ, а только просто невольно снялъ шляпу и, хотя на минуту одну, но дѣйствительно просвѣтлѣлъ, преобразился душой. И когда святые отцы поймутъ это и бросятъ свои яростные споры на разныхъ соборахъ о имъ же самими придуманныхъ догматахъ, сухихъ, мертвыхъ, никому ни на что не нужныхъ, — о, какое громадное дѣло сдѣлаютъ они!..

И Іону во чревѣ китовомъ, и чудеса Моисея, и катехизисъ Филарета давнымъ давно пора оставить, ибо никому ничего это уже не говоритъ и, когда встанетъ новый Галилей среди насъ, то не противъ него надо Церкви возставать, но вмѣстѣ съ нимъ. Это противорѣчить сказаніямъ Библии? Ну, и Господь съ ними: «Господу Богу благоугодно было послать въ нашу среду

новое великое откровеніе чрезъ служителя Его, Галилея, — слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе...» А то, старое, отмѣняется — за нендобностью... И сотни тысячъ, миллионы людей стануть въ ряды дѣятельнѣйшихъ и преданнѣйшихъ сыновъ церкви... Сжечь Гуса всякій дуракъ можетъ — а вотъ сѣумѣть взять Гуса въ себя и умное напство не сѣумѣло, какъ не сѣумѣли наша русская церковь взять въ себя Толстого...

Я спустился съ горъ въ нашъ тихенькій Кѣнигсвартъ — смотрю, въ одномъ изъ окраинныхъ домиковъ, изъ чердачнаго оконца какой-то дурачокъ вывѣсилъ въ честь сегодняшняго праздника красную тряпочку на палочкѣ. Ну, Богъ съ тобой, потѣшь себя пестрой сказкой, бѣдный человѣкъ!.. Тряпочка тихонько моталась на вечернемъ вѣтеркѣ, а самъ хозяинъ ея шумѣлъ теперь, вѣроятно, въ накуреномъ кафе, на пыльной площади, ссорясь съ товарищами за княжескую муку, которую онъ «потребовалъ» у князя.... Но настоящее-то торжество сегодняшнее онъ все же проморгалъ — оно происходило въ глубинѣ стараго лѣса, среди величественныхъ колоннъ, гдѣ кадили ароматомъ маленькія, бѣлыя кадильницы неизвѣстныхъ цвѣточковъ, гдѣ пѣли хоры птицъ, гдѣ въ уединеніи, подъ вѣчнымъ небомъ, предъ наивнымъ сѣренѣйшимъ лѣснымъ алтаремъ расцвѣло и преобразилось — пусть даже на одно мгновеніе только... — бѣдное сердце человѣческое...

— Ну, вы, однако, не очень тоже вѣрьте этимъ здѣшнимъ лѣснымъ часовенкамъ... — сказалъ мой толстякъ. — Все это дѣлается здѣшними отелями, чтобы было у нихъ въ лѣсу художественно, чтобы могъ туристъ умилиться... Эти свѣжіе цвѣты на алтарѣ положены, вѣроятно, швейцаромъ ближайшей гостиницы...

Конечно, это вранье. Теперь здѣсь просто не для кого продѣлывать все это: ни одного туриста здѣсь еще не видно. Это, несомнѣнно, подлинное. Но и это предположеніе толстяка, эти его слова тоже, вѣдь, фактъ, съ которымъ надо считаться...

Въ концѣ концовъ вся наша жизнь это какая-то павѣки застывшая улыбка дьявола!..

XX.

Крона падаетъ, дороговизна растетъ, заработка пока что совсѣмъ нѣтъ и завтрашній день заглядываетъ въ окна все страшнѣе и страшнѣе. Кормиться можно, въ сущности, если внимательно присмотришься къ окружающей жизни, но не надо быть такимъ чистоплюемъ. Чистота рукъ это роскошь, которую могутъ позволить себѣ только очень богатые люди. Вотъ здѣсь основалось «Общество торговли съ Востокомъ» и позвали насъ туда, чтобы печатать книги въ обмѣнъ на русское сырье, т. е. для торговли съ большевиками, а когда я сталъ «крутить носомъ», то почтительность къ русскому «списователю» быстро смѣнилась холодностью и высокомеріемъ и я остался не при чемъ. Вотъ здѣшняя газета одна, богатая, хорошо поставленная, печатаетъ извѣстія о процвѣтаніи совѣтской Россіи и всѣ спрашиваютъ, сколько она на этомъ заработала. Вотъ былъ я недавно въ Прагѣ по дѣламъ книгоиздательскимъ. Ничего не вышло, возвращаюсь домой и, уже сидя въ вагонѣ, вижу, какъ разгружаютъ чехи-легіонеры большой поѣздъ, стоявшій у сосѣдней платформы. И поразило меня огромное количество ящиковъ въ типичной сибирской упаковкѣ, въ кожѣ: откуда тутъ это?! Присматриваюсь, разспрашиваю: оказывается, это чехи изъ Сибири прибыли, а то, что они разгружаютъ, это награбленное ими русское добро! Они навезли мѣховъ дорогихъ, золота, чаевъ, денегъ, всего. Пусть все это забрызгано кровью А. В. Колчака и тысячъ и тысячъ русскихъ людей, замученныхъ въ Сибири большевиками, — ничего, не пахнетъ... И солнышко, и люди спокойно смотрятъ на труды этихъ ловкихъ мальчиковъ!... Кормиться можно, и даже хорошо кормиться, но брезгливость тогда надо опредѣленно по боку...

Это, повидимому, отлично поняли даже московскіе озорники, которыхъ мы все никакъ не можемъ перестать считать фанатиками и людьми во всякомъ случаѣ убѣжденными. Но ... развѣ можемъ мы представить себѣ Христа, который послѣ Нагорной проповѣди сталъ бы шептаться по темнымъ угламъ съ оборванцами и, раздавая имъ мѣдяки, уговаривалъ бы ихъ устроить ему овацію

при его вѣздѣ въ Іерусалимъ? А эти именно такъ и дѣлають: всюду и вездѣ теперь тысячи агентовъ ихъ съ бумажниками, полными награбленнаго золота и фальшивыми кредитками, и всюду и вездѣ скупають они себѣ прозелитовъ тысячами, и огни безумья разгораются по всему земному шару все ярче и буйнѣе.

И когда явъ поискахъ заработка бѣгалъ по Прагѣ я наткнулся тамъ на Вацлавскомъ намѣсти на огромную процессію рабочихъ съ красными флагами. Ораторы-соціалисты стали, по своему обыкновенно, разговоры разговаривать съ трибуны, но изъ толпы раздались нетерпѣливые и злые голоса: довольно болтовни — пора переходить и къ дѣлу!.. Главная цѣль этой манифестаціи была протестъ противъ недостатка хлѣба, а недостатокъ хлѣба былъ вызванъ забастовкой судовыхъ рабочихъ на Эльбѣ, которые протестовали тоже противъ растущей дороговизны и недостатка во всемъ!.. И когда проходили эти большія толпы мимо Репрезентачнаго Дома, они стали разгонять публику, сидѣвшую въ кафе, на терасѣ. Публика разбѣжалась, но къ безобразникамъ вышли официанты и стали уговаривать ихъ прекратить эти художества, ибо отъ этого хлѣба имъ не прибавится, а у официантовъ его несомнѣнно убавится. И тѣмъ стало стыдно и, свернувъ свои знамена, они ушли. Но товарищи-«коммунисты» съ толстыми бумажниками въ карманѣ и съ змѣинымъ мерцаніемъ въ глазахъ, конечно, торжествовали: еще одинъ ударъ капитализму нанесенъ!.. И благодаря всѣмъ этимъ ударамъ, все больше и больше замираетъ здѣсь промышленность и уже тысячи и тысячи рабочихъ спекулируютъ на хлѣбѣ, провозятъ тайно табакъ изъ Германіи, торгуютъ незаконно чрезъ границу лошадьми и проч. и проч.

И нѣтъ никакой возможности уйти отъ всего этого Бѣдлама!.. Вотъ были въ старину пустынножители: уйдеть куда-нибудь въ недоступную глушь, вроесть на нѣсколько верстъ въ землю, залѣзеть на гору Аѳонъ, за облака, — кажется, хорошо, далеко, прочно? Но вотъ пронюхаетъ одинъ почитатель, за нимъ другой, потомъ третій, богатый купецъ тащить мѣшокъ денегъ на построение храма, великій князь московскій шлетъ жалован-

ную грамоту и просить молитвъ на одолѣніе злыхъ тагаръ, патріархъ всея Руси зоветъ на соборъ, чтобы имѣть сужденіе о сугубой аллилуія и перстосложеніи, и вотъ снова бѣдный пустынный въ самой гущѣ свалки людской, снова долженъ онъ не только принимать участіе во всѣхъ глупостяхъ людей, но часто даже и благословлять всю ихъ чепуху!

Какъ же, куда уйти намъ, современникамъ, тѣмъ, у кого дѣти? Гдѣ мы обрѣтемъ себѣ убѣжище хотя на короткое время, чтобы отдохнуть немножко?

Для меня такая тихая гавань была всегда, увы, только въ исторіи...

Въ получасѣ ходьбы отъ тихаго Кёнигсварта лѣсными тропинками, на высокому утесѣ лежатъ среди лѣса развалины стараго, построеннаго еще въ 1250г., замка. Немного осталось отъ него: полуразрушенная круглая угловая башня да два-три фрагмента грубыхъ каменныхъ стѣнъ, — все остальное было добросовѣстно разрушено во время тридцатилѣтней войны, въ 1647 г., шведами подъ предводительствомъ фельдмаршала Врангеля, вѣроятно, предка нашего Врангеля. Усыянный камнями дворъ замка густо поросъ теперь крапивой — удивительно: всюду, гдѣ только жилъ и безобразилъ человѣкъ, вырастаетъ всегда эта непріязненная, злая крапива, точно символъ всѣхъ дѣяній человѣческихъ... А вокругъ, на солнечныхъ лужайкахъ, среди высокихъ, задумчивыхъ пихтъ и елей, цвѣтутъ голубенькія незабудки, нѣжныя маргаритки, въ которыхъ есть что-то удивительно трогательное, милыя звѣздочки земляники нѣжятся на солнышкѣ. И никого, никого нѣтъ — только изрѣдка провыляетъ потревоженный заяцъ, проскользнетъ опасною сторонкой чуткій олень или старикъ дровосѣкъ, тяжело шуркая ногами по каменистой тропинкѣ, пройдетъ къ дому вечеромъ, въ то время, какъ въ городкѣ, на одинокой колоколенкѣ зазвонятъ въ старенькій колоколъ къ Angelus. И всюду, и вездѣ — милая особенность этаго мѣстечка, — звенять и рокочутъ и гулькаютъ ручьи...

И сидишь на обломкѣ стѣны, и смотришь внизъ, въ эту широкую долину, чуть прикрытую всегда дымкой нѣжнаго тумана. Господи, и чего-чего только ни видала

эта долина!.. Уже на зарѣ вѣковъ славяне тѣснили тутъ первыхъ засельниковъ — и первыхъ ли? Можеть, и тѣ предварительно кого-нибудь вырѣзали... — кельтовъ, славяне грызлись между собой, родъ съ родомъ, затѣмъ нѣмцы схватились со славянами и славяне съ нѣмцами и славяне со славянами и нѣмцы съ нѣмцами, и шведы со славянами и съ нѣмцами, и такъ на протяженіи долгихъ, долгихъ вѣковъ!.. Поднимается въ золотой Прагѣ Янъ Гусъ, его сжигаютъ, но такъ какъ идеи не горятъ, то то, что бросилъ онъ въ толпы людскія, начинаетъ шириться, расти, послѣдователи его считаются уже тысячами, сотнями тысячъ и, конечно, среди нихъ вспыхиваетъ раздоръ: одни, большинство, не прочь попятиться назадъ, къ привычному и обжитому, а меньшинство не прочь «углубить» новыя «завоеванія»: первые, утраквисты, «подобойники» — принимающіе причастіе *подъ обоими* видами, — крѣпко, до пролитія крови, ссорятся съ католиками, которые рѣшительно не хотятъ, чтобы утраквисты причащались виномъ и хлѣбомъ порознь, но не менѣе рѣшительно ссорятся они и съ таборитами, которые, все углубляя завоеванія, не желаютъ, чтобы священникъ надѣвалъ во время службы священническое облаченіе, которые отвергаютъ всѣ таинства, кромѣ крещенія и причащенія. И отъ горячихъ словъ всѣ быстро переходятъ къ горячему дѣлу: на безконечные годы поднимаются въ этихъ зеленыхъ долинахъ гусситскія войны. Католики и утраквисты съ изумляющимъ рвеніемъ истребляютъ злыхъ еретиковъ — достаточно вспомнить однѣ эти шахты Кутной горы, куда ихъ было сброшено нѣсколько тысячъ... — но и гусситы во имя Божіе выжидаютъ и истребляютъ все, что могутъ. И сперва вождь ихъ, Жижка, ведетъ ихъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и буквально вся Европа начинаетъ трепетать отъ страха предъ этими еретиками, какъ теперь передъ большевиками. Намъ кажется, что они совсѣмъ не были такъ страшны, какъ тепершніе апостолы «новаго міра», но это только потому, что мы не переносимся въ психику того времени: для людей той эпохи весь умственный интересъ сосредоточивался на Библии, и религіозные контрroversы также раздирали тогда общество, какъ теперь раздираютъ его

защитники и противники «новаго» міра, міра социализма, и для тогдашняго общества все съ маху отрицающій таборитъ являлся именно страшилищемъ-большевикомъ, для котораго въ жизни нѣтъ рѣшительно ничего святого: «помилюте, не желаетъ причащаться, какъ велѣлъ самъ папа!... Самъ, самъ, неумытое рыло, хочеть толковать священное писаніе!...» И вотъ противъ этой грозы всему общественному порядку поднимаются цѣлыя коалиціи народовъ, организуются настоящіе крестовые походы, но Жижка и Прокопъ, вожди таборитовъ, побѣдоносно разносятъ всѣ эти ополченія, — вѣроятно, отчасти потому, что среди солдатчины, поневолѣ защищавшей старый порядокъ было не мало сочувствующихъ врагу. Одинъ легкій нажимъ со стороны еретиковъ и все бѣжитъ — точь-въ-точь, какъ бѣжали французы изъ Одессы и Крыма предъ горстью разутыхъ, раздѣтыхъ и плохо вооруженныхъ большевиковъ. Кажется, еще немного и окончательная побѣда будетъ на сторонѣ таборитовъ-углубителей. Но они не учли силы консервативныхъ элементовъ жизни и вотъ подъ Липанами послѣдователи идеалиста Яна Гуса, утраквисты, на голову разбили послѣдователей идеалиста Яна Гуса, таборитовъ, а уцѣлѣвшіе въ этой кровавой бойнѣ табориты разбрелись во всѣ стороны и, такъ какъ они привыкли къ солдатской жизни, то и вступили они наемниками въ разныя иностранныя войска. Правда, войска эти сражались уже не за ту или иную форму причастія, но — не все ли равно, ва что темному человѣку сражаться, разъ сражаться необходимо? Нѣкоторые изъ нихъ докатились даже до береговъ Днѣпра и приняли дѣятельное участіе во взаимоистребленіи братьевъ-славянъ, въ этихъ безконечныхъ звѣрствахъ казачества, Рѣчи Посполитой и Москвы. А одинъ изъ чешскихъ историковъ, рассказывающій объ этомъ, — графъ Лютцовъ — даже, какъ будто, гордится немножко, что это табориты, послѣдователи Яна Гуса, научили нашихъ запорожцевъ сражаться изъ-за прикрытія обозовъ, таборомъ!...

Но и утраквисты и католики тоже не учли въ достаточной степени жажду къ бунту въ человѣкѣ. Они думали, что ересь была убита подъ Липанами на смерть, а она

почти тотчасъ же снова возгорѣлась въ движеніи моравскихъ братьевъ, которые тоже скоро разслоились на благоразумное и трусоватое большинство и на отчаянное меньшинство, которое во главѣ съ Петромъ Хельчицкимъ дошло до непротивленія злу насиліемъ, до отказа отъ военной службы, до коммунистической общности имущества. Помню, какъ восхищался дѣдушка Толстой его «Сѣтью вѣры», которую мы, толстовствующая молодежь, съ такимъ усердіемъ перепечатывали и распространяли среди мужичковъ — вонъ куда хватила историческая отрыжка!... Конечно, очень скоро всѣ эти «братья и сестры во Христѣ», эти тогдашніе коммунисты, погибли сами собой, а среди нѣмецкаго населенія Богеміи, которое съ такимъ рвеніемъ истребляло гусситовъ, быстро распространилось ученіе Лютера и чехи съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ: вѣдь вотъ сами нѣмцы отрицаютъ теперь авторитетъ римской церкви и принимаютъ причащеніе въ видѣ вина и хлѣба порознь, — за что же истребляли они такъ гусситовъ? И потихоньку, и полегоньку дѣло дошло до того, что уже въ 1587 г. утравкистская консисторія Праги секретно отказалась отъ всего ученія Яна Гуса, за исключеніемъ двукратнаго причащенія, а въ 1593 г. администраторъ консисторіи, т. е. предсѣдатель ея, по имени Резекъ, и пятьдесятъ священниковъ-утравкистовъ объявили Гуса... еретикомъ и признали главенство папы!...

Я не внаю, много ли осталось теперь въ жизни чеховъ отъ всего подвига Яна Гуса, таборитовъ, моравскихъ братьевъ съ ихъ наивнымъ и потому дерзкимъ Петромъ Хельчицкимъ. Кажется, кромѣ пышнаго памятника въ Прагѣ, ничего, то есть столько же, сколько осталось въ нашей жизни отъ Христа: заржавѣвшее распятіе въ церковкѣ, разбитой снарядомъ дальнобойной пушки... И посему вы, трясушіеся, не бойтесь: ровно столько же останется и отъ большевиковъ!...

Послѣ того, какъ жизнь покончила съ гусситами и люди не извлекли изъ поучительной исторіи ихъ никакого поученія для себя, начался въ второй зеленой, прекрасной долиинѣ цѣлый рядъ новыхъ кровавыхъ судовъ, мелкихъ войнъ и междоусобицъ, которыхъ не только

никакъ нельзя запомнить, но при одномъ чтеніи о которыхъ человѣкъ испытываетъ головокруженіе: море крови, а въ немъ плаваютъ имена, названія мѣстностей, даты, цифры погибшихъ, — дикая, нестерпимая крошка, отъ которой мутить... И вдругъ срывается изъ-за этихъ горъ страшный ураганъ тридцатилѣтней войны — вы только подумайте: *тридцатилѣтней!*... — и все увлекается въ этотъ смерчъ крови, дыма и человѣческихъ воплей: то послѣдователи Христа, протестанты, рѣжуются во имя Господне съ послѣдователями Христа, католиками, а въ лагерѣ протестантовъ уже яро вспыхнула дикая вражда между лютеранами и кальвинистами! И проницательные люди того времени во всемъ этомъ видѣли руку іезуитовъ, какъ теперь дурачки, запутавшись, читаютъ книгу Нилуса и во всемъ винятъ жидо-кадето-массоновъ, всемірный кагалъ, который тайно засядаетъ гдѣ-то въ Америкѣ. Вотъ въ чемъ декретъ 1618 г., изгнавшій іезуитовъ изъ Богеміи, обвинялъ ихъ: они желаютъ подъ свою власть и иго взять всѣ царства и земли, они прибѣгаютъ ко всякимъ хитростямъ, чтобы сталкивать одно правительство съ другимъ, они всюду возбуждаютъ религіозную вражду среди населенія, возста новляютъ гражданъ противъ власти и власть противъ гражданъ, они организуютъ убійства царей и другихъ помазанниковъ божіихъ и проч. — совершенно точно страничка изъ Нилуса!... Люди чувствуютъ, что они запутались, что они дураки, и вотъ въ утѣшеніе себѣ — хотя и странное это утѣшеніе!... — придумываютъ они «мудрецовъ», которые ихъ, будто бы, въ это дурацкое положеніе ловко поставили...*)

И вотъ тридцатилѣтнія жестокости безсмысленнѣйшей борьбы между двумя исповѣданіями законились полнымъ разгромомъ чешской независимости въ битвѣ при Бѣлой Горѣ и побѣдители рѣшили примѣрно наказать

*) Присмотритесь внимательно, откуда эта проповѣдь исходитъ. Какъ разъ отъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была вся власть до нашей катастрофы и на которыхъ, слѣдовательно, лежитъ вся вина за постигшія насъ бѣдствія. «Сіонскіе мудрецы» это неостроумный громоотводъ и только, какъ ни отвратительна роль отбросовъ еврейства въ нашей революціи.

побѣжденныхъ: 17 Юня 1621 г. на базарѣ Праги было казнено 27 человекъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей чешскаго народа и мы, люди XX в., люди «смятенной души», съ какой-то странной тревогой читаемъ описаніе послѣдняго прощанія осужденныхъ другъ съ другомъ. Уводимый изъ тюрьмы на казнь, обращаясь къ остающимся, говорилъ:

— А теперь, друзья мои, да благословить и да хранить васъ Господь, да даруетъ Онъ вамъ утѣшеніе Духа Святого, терпѣніе и мужество, чтобы были вы способны доказать теперь, въ моментъ смерти вашей, что вы съ чистымъ сердцемъ и мужественно защищали славу Господню. Я иду прежде васъ, чтобы первымъ видѣть славу Вѣчнаго Бога, славу нашего возлюбленнаго Искупителя, но я жду васъ тамъ скоро. Уже въ эти минуты всѣ земныя заботы разсѣиваются, и начинается вѣчное блаженство...

А тѣ, что оставались, чтобы ждать своей очереди у палача, отвѣчали:

— Да благословить васъ Господь на пути вашемъ, да пошлетъ Онъ ангеловъ своихъ встрѣтить душу вашу! Вы прежде насъ вступаете въ царство небесное. Но мы слѣдуемъ за вами и вѣримъ мы, что еще сегодня всѣ мы встрѣтимся тамъ и увидимъ Искупителя нашего, и ангеловъ, и избранниковъ Божіихъ, и возрадуемся вмѣстѣ съ ними...

Мы не знаемъ, что именно увидѣли они тамъ, за ударомъ топора, но головы ихъ на долгіе годы были выставлены на крѣпостной башнѣ, у стараго, красиваго Карлова моста чрезъ свѣтлую Влтаву. Но, разумѣется, торжество побѣдителей на этомъ не кончилось: всѣмъ священникамъ уtrakвистамъ было приказано считать себя католиками, а тѣмъ изъ нихъ, которые были женаты, было приказано считать своихъ женъ наемными кухарками, всѣ уtrakвисты благороднаго происхожденія должны были немедленно покинуть родину, а уtrakвисты-крестьяне должны были быть поставлены на путь истинный тюрьмой и плетью, чтобы они хоть наружно, по крайней мѣрѣ, выказывали себя добрыми католиками. Эти мѣропріятія показались чрезмѣрными даже такому

фанатику, какъ императоръ Фердинандъ, но духовникъ его посоветывалъ ему сперва причаститься, а потомъ поглубже подумать объ этихъ важныхъ матерiяхъ, а самъ поѣхалъ въ монастырь и все время молился тамъ, чтобы совѣты, которые онъ дастъ императору, были милостиво приняты. Когда чрезъ нѣсколько дней возвратился онъ во дворецъ, императоръ объявилъ ему, что послѣ причащенiя Духъ Святой просвѣтилъ его и приказалъ ему исполнять все, что посоветуетъ ему духовникъ. И стали они тогда во имя Господне дѣлать изъ матушекъ кухарокъ, знать изгонять, а мужиковъ пороть. И была въ Римѣ, по словамъ историковъ, по этому случаю великая радость и Фердинандъ былъ прославляемъ, какъ «второй Константинъ и Θεодосiй»...

А въ непокорные города были посланы на постой солдаты — до тѣхъ поръ, пока не обратятся жители къ истинной Церкви. Уйдутъ солдаты, жители опять зашатаются и опять шлютъ къ нимъ солдатъ укрѣплять ихъ въ истинной вѣрѣ. А въ Прагѣ для торжества церкви былъ схваченъ ректоръ университета, ученый врачъ Иессениусъ. У него вырѣзали языкъ и прибили этотъ языкъ гвоздемъ къ эшафоту. И по всей Богемiи стали рыскать монахи, истребляя всякiя еретическiя, — а по пути и не еретическiя, — книги. Одинъ изъ нихъ, iезуитъ Андрей Конiасъ, похвалялся, что только онъ одинъ истребилъ болѣе 60 000 томовъ... Въ результатѣ всѣхъ этихъ набожныхъ упражненiй добрыхъ людей было то, что въ началѣ тридцатилѣтней войны населенiе Богемiи равнялось 3 000 000, а послѣ нея — 800 000!

Какъ хотите, а, по моему, ничего особенно новаго большевики не придумали! Новое въ нихъ только одно: имя.

Здѣсь, въ этой зеленой, солнечной долинкѣ разыгрался и послѣднiй актъ яркой трагедiи Валленштейна, который убить въ замкѣ вонъ тамъ, за горой, въ Эгерѣ. Здѣсь были и сражались шведы, здѣсь были и сражались французы, а теперь вотъ я, бѣженецъ изъ социалистическаго рая, сижу на развалившейся стѣнѣ стараго разбойничьяго замка и думаю, что все въ жизни суета суетъ и не стоитъ придавать въ ней серьезнаго значенiя ничему рѣшительно:

Non e il mondan rumore altro che un fiato
Di vento ch'or vien quinci ed or vien quindi
E muta nome perchè muta lato...*)

XXI.

XXII.

И иногда приходят минуты тяжелаго сомнѣнія: а что, если ты ошибаешься, а что, если, напуганный жестокостью и глупостью свершающагося, я хватаюсь за мертвецовъ, за отжившіе призраки? Если Керенскій не лучезарный маякъ, если Ленинъ завелъ миллионныя массы людей въ страшное царство голода, разврата, тунеядства и крови, если социализмъ безуменъ, то, можетъ быть, не просто шарахаться назадъ надо, а искать путей новыхъ, но все же впередъ? Если темныя массы извратили свѣтлыя лозунги и погубили и себя, и другихъ, то тутъ ошибка не въ лозунгѣ, а въ средѣ, которая взялась воплотить его въ жизнь. Вѣдь, если Яна Гуса сожгли, если во имя его безумныя толпы двуногихъ животныхъ стали въ теченіе долгихъ лѣтъ истреблять одни другихъ, то не значить это, что надо похерить Гуса, сдѣлать видъ, что его и не было, и откатиться назадъ къ тѣмъ, кто его сожгли, и быть съ ними какъ бы за одно во имя сытаго покоя стадъ человѣческихъ. Вѣдь вотъ, испуганный хамствомъ безвѣрія, испытывая тоску по мірамъ инымъ, я не разъ и добросовѣстно пытался снова войти въ церковь, но не могъ, какъ не могу уже я лечь въ ту колыбельку, въ которой я лежалъ, когда мнѣ было годъ отъ роду. И если отступать назадъ, то хотя для насъ, русскихъ, гдѣ граница

*) Мирской шумъ это только дыханіе вѣтра,
Который подуеъ то оттуда, то отсюда
И выѣстъ съ направленіемъ мѣняеъ и имя.

этого отхода? Александръ III? Николай I? Допетровская Русь? Времена Гостомысла? Вѣдь, каждый изъ этихъ періодовъ по отношенію къ періодамъ предъидущимъ все же шагъ впередъ, хотя бы и небольшой. Жизнь остановить нельзя и тѣ безумцы — они есть, — которые судорожно хватаются теперь за колеса старой колесницы исторіи, несомнѣнно, будутъ раздавлены ею, если бы даже имъ и удалось на нѣсколько мгновеній задержать ея ходъ.

Итъ, если я и не требую отъ жизни осуществленія моихъ убогихъ фантазій, вродѣ Маруси Спиридоновой, то не хочу я нисколько, чтобы часы пошли назадъ. Но что всегда внушало мнѣ нестерпимое отвращеніе, чего я никогда не приму даже предъ гильотиной, это наглої самоувѣренности разнуздавашагосп хама, который по планетарному невѣжеству и ограниченности своей воображаетъ, что онъ открываетъ новую Америку для человечества, и требуетъ, что бы всѣ удивлялись на него и шли за нимъ. «Только то будущее принимаю я, которое любовно и радостно рождается изъ прошедшаго, — записалъ я уже въ дни первой революціи. — То же будущее, которое тщетно пытается родиться изъ ненависти къ прошлому, изъ осужденія его, то будущее, каково оно ни было бы, я не принимаю, не хочу его. Ибо жизнь одна, и вся она святая, и принять ее, и отвергнуть можно только всю.» («Веч. Обл.», стр. 23). Но я, конечно, не авторитетъ, а только бѣдный, скромный социаль-предатель и слушать меня никто не будетъ. Но вотъ что говорить Э. Рэнанъ, котораго я теперь читаю и котораго эти милые люди охотно, хотя и безъ всякаго права, причисляютъ къ своимъ только потому, что свѣтлый и спокойный умъ этотъ имѣлъ мужество написать свою книгу о Христѣ:

«Самая досадная ошибка это наша увѣренность, что можно служить своей родинѣ, клевета на тѣхъ, кто ее создали, — говорить онъ. — Всѣ вѣка въ жизни народа это страницы одной и той же книги. Истинный человѣкъ прогресса это тотъ, кто точкой отправленія имѣетъ глубокое уваженіе къ прошлому. Все, что мы дѣлаемъ, все, что мы изъ себя представляемъ, есть результатъ вѣковой

работы...» (Предисловіе къ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse».

Тѣ шустрые мальчики, которые издѣваются надъ гробницей іоанна Грознаго, которые вскрываютъ раки съ останками собирателей и просвѣтителей Россіи, которые всюду и вездѣ у насъ свергаютъ памятники «царскихъ приспѣшниковъ» — до Пушкина включительно, — эти шустрые мальчики никогда не поймутъ драгоцѣнныхъ мыслей этихъ о святости прошлаго своего народа и поэтому вся ихъ расторопность и усердіе и обращается въ алой дымъ. Нельзя растить дерево, обрубая его корни только потому, что они представляются невѣжественному уму недостаточно красивыми и не нужными даже: они удерживаютъ дерево во время налетѣвшаго урагана и они нитаютъ его. Нѣтъ, я не отказываюсь отъ разумныхъ возможностей будущаго во имя прошлаго, въ которомъ былъ и свѣтъ, но были и тѣни, но я не откажусь и отъ прошлаго во имя самаго ослѣпительнаго будущаго, ибо прошлое и будущее наше это одна книга и безсмысленно уподобляться уѣздой барышнѣ, которая нетерпѣливо берется въ книгѣ сразу за послѣднія страницы, чтобы узнать, какая будетъ развязка.

Такимъ образомъ первое, что я хочу отъ людей, идущихъ впередъ, это признанія и пріятія прошлаго, пріятія почтительнаго, почти набожнаго: «путникъ, обнажи свою голову: здѣсь — могилы предковъ твоихъ...» Второе, что я хочу теперь, обжегшись на молоко, это страшной осторожности. Вѣдь, если тѣ, по нашему мнѣнію несовершенныя формы общежитія, въ которыхъ мы находились до нашего второго лихолѣтя, потребовали на созданіе свое цѣлой тысячи лѣтъ — даже тысячъ лѣтъ, ибо преемственности международной отвергать нельзя, — то какъ же можно думать создать формы совсѣмъ идеальныя, пресловутый «рай», въ тысячу часовъ, какъ то обѣщали намъ разныя наивныя дѣвочки и мальчики «подъ громъ апплодисментовъ» невѣжественной толпы? Вѣдь, если естественная наука должна была признать, что въ природѣ все создается не толчками, не катастрофами, а медленной, почти неуловимой работой миллионовъ неуловимыхъ силъ, то совершенно тоже дѣлается и въ об-

щежитіяхъ человѣческихъ. Правда, и въ природѣ, и въ исторіи человѣчества иногда бываютъ и катастрофы, — и тутъ, и тамъ не безъ причинъ, — но нормальный ходъ міра это все же не «всемирные потопа», не провалы цѣлыхъ материковъ, не безумныя судороги чудовищныхъ землетрясеній, а работа моллюсковъ-коралловъ, постепенное вывѣтриваніе скалъ, медлительное намываніе материковъ водами и отступленіе морей, медлительное расширеніе лѣсовъ и ихъ исчезновеніе, тяжкая работа естественнаго отбора и пр., а въ человѣческомъ обществѣ нормальный и плодотворный ходъ жизни совсѣмъ не въ бомбардировкѣ Кремля пьяными солдатами, а въ медленномъ и любовномъ и тяжеломъ возведеніи его августѣйше-сѣдыхъ стѣнъ, совсѣмъ не въ баррикадахъ на улицахъ пышной столицы, а въ основаніи, и ростѣ, и украшеніи этой столицы, не въ размахиваніи руками орателя, а въ незамѣтномъ подвигѣ матери, кормящей своего младенца, не въ художествахъ будто бы коммунистическаго отряда пьяныхъ латышей, а въ пакетикѣ съ сѣмечками чудесной дыни, на которомъ яснымъ лѣтнимъ вечеромъ старенькій Афанасій Ивановичъ дрожащей рукой написалъ: «сѣдена такого-то числа, участвовалъ такой-то...» Повторяю и подчеркиваю густо: товарищи-матросы свалились не съ неба, этотъ ядовитый фруктъ выросъ тоже изъ нашего прошлаго вмѣстѣ съ нами и отказаться отъ своего родства съ нимъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права. Это въ одно и то же время и наказаніе намъ, и строгое предостереженіе, и бревно въ нашемъ глазу. Это такое же неизбѣжное, какъ и мы сами неизбѣжны, и поэтому-то только брюзжать, только требовать веревокъ и глупо, и грязно. Нельзя злиться на злокачественную сыпь — ее надо терпѣливо и внимательно лѣчить...

Не Янъ Гусъ ошибался, — ошибались тѣ, которые сожгли его, не Ренанъ ошибается, — ошибаются тѣ, которые по невѣжеству стараются запереть жизнь людей въ банку съ притертой пробкой и съ надписью: «Католическая церковь», не просвѣщеніе народа виновно въ нашихъ катастрофахъ, а отсутствіе просвѣщенія. Ошибка наша была въ томъ, главнымъ образомъ, что мы признали толпы народныя и себя готовыми для веси Господней, а

ни они, ни мы совсѣмъ не готовы. Мы не правы и потому мы и должны, хотя бы и произведя надъ собой нѣкоторое насиліе, отступить немножко назадъ и поправиться, именно потому отступить, что мы искренно цѣнимъ нашихъ Ренановъ, и Гусовъ, и Толстыхъ, и Галилеевъ и не хотимъ безплодно разбить драгоцѣнные свѣтильники эти...

Въ школу пришелъ маленькій мальчикъ, — говорятъ теозофы. — Онъ зналъ только немного, что было имъ всосано съ молокомъ матери. Учитель помѣстилъ его въ низшій классъ и задалъ ему выучить слѣдующій урокъ: не убивай, не причиняй вреда никакому живому существу, не кради. И мальчикъ не убивалъ, но былъ онъ все же жестокъ и воровалъ. Въ концѣ дня, когда волосы его были бѣлы, и подошла уже ночь, учитель сказалъ ему: ты выучился не убивать, но другихъ уроковъ ты не выучилъ. Приходи завтра опять. На утро онъ пришелъ опять, маленький мальчикъ. И учитель помѣстилъ его въ слѣдующій классъ и задалъ ему урокъ: не причиняй вреда никакому живому существу, не кради, не лги, не плутуй. И мальчикъ не причинялъ вреда никакому живому существу, но кралъ и плутовалъ. И въ концѣ дня, когда борода его побѣлѣла, когда подошла ночь, учитель его сказалъ ему: ты выучился уже не убивать и быть милосерднымъ, но другихъ уроковъ ты не выучилъ, — приходи затра опять. И опять онъ пришелъ утромъ въ школу, маленький мальчикъ, и учитель помѣстилъ его въ слѣдующій классъ...

Тысячелѣтній русскій мальчикъ теперь, надъ своими же руками разрушеннымъ домомъ своимъ, долженъ, наконецъ, понять, что не мѣръ онъ долженъ удивлять своими дерзновеніями безграмотнаго и сопливаго Прометея, не творить какое-то идиотское «планетарное» дѣло, какъ претенціозно выражается эта неотѣсанная нижегородская дубина, Горькій, а просто ваять сумку и скромно идти назадъ въ школу, хотя и въ слѣдующій классъ. Только!.. И то, если у него послѣ всего этого раззоренья останется еще нѣсколько грошей на школу и на грамматику съ ариѳметикой... Раньше мы очень любили стоять «на славномъ посту», — теперь скромность битыхъ заставляетъ

насъ стать на совѣмъ незамѣтный трудовой посту. Но и на этомъ невидномъ посту, и на этомъ скромномъ дѣланіи да поѣщаетъ насъ ежедневно и ежечасно мысль: «я готовъ, Господи, потрудиться, хотя и очень возможно, что изъ труда моего вырастетъ совѣмъ не то, что я ожидаю... Такъ было съ миллионами честныхъ тружениковъ и до меня, и возможно, что чаша эта не минуетъ и меня...»

А можетъ быть, это дѣленіе человѣчества на Галилеевъ, Гусовъ, Ренановъ, Сократовъ, Иисусовъ и на тѣхъ, кто сжигаетъ, отравляетъ, распинаетъ и равстрѣливаетъ ихъ въ чрезвычайкахъ, непреложное условіе существованія человѣчества, можетъ быть, это необходимо для гармоніи всего сущаго? Кого могъ бы простить Иисусъ и тѣмъ возвеличиться и возсіять, если бы Его никто не мучилъ?..

И опять въ заколдованномъ кругу!..

XXIII.

Самое тяжкое для меня теперь въ европейской жизни это то нестерпимое словоблудіе, которое свирѣпствуетъ всюду, точно нашъ Керенскій разбился на миллионы кусковъ и всѣ эти куски какимъ-то чудомъ обрѣли языки и замолели, замолели... И чего, чего ни говорится теперь, чего только ни проповѣдуется! Болтаютъ и самъ, настоящій Керенскій безъ отдыха, болтаютъ о всякихъ завоеваніяхъ его безчисленныя копіи во всѣхъ странахъ; болтаютъ и лгутъ наемные агенты Москвы; въ Германіи народилось цѣлое общественное теченіе, которое проповѣдуетъ поклоненіе Россіи: Европа, видите ли, это уже *Abendland* и свѣтъ и спасеніе теперь придетъ къ нимъ съ Востока, изъ Россіи, изъ страны трехъ китовъ и Анчутки, потому что тамъ жилъ писатель Достоевскій, который написалъ нѣсколько удивительныхъ книгъ. Въ Болгаріи наши бѣженцы отмѣнили Россію, замѣнивъ ее какою-то Евразіей и на обложкахъ своихъ книжекъ, проповѣдующихъ эту премудрость, нарисовали накую-то веселую футуристическую лошадку. А въ Варшавѣ словоблудничествовалъ Мережковский, проповѣдуя такую штуку: во всемъ мірѣ царствуетъ теперь Антихристъ, но нигдѣ лицо

его не проступило въ жизни съ такой яркостью, какъ въ Россіи. Но царству Антихриста скоро придетъ конецъ, ибо противъ него уже поднялся польскій народъ, народъ-мессія, который и сотретъ главу змія. Польская аристократія носила новаго пророка на рукахъ, онъ какъ сыръ въ маслѣ катался тамъ, а безграмотные мессіи въ рваныхъ сапоженкахъ, полуголодные, съ осточертѣвшей за шесть лѣтъ бойни винтовкой въ рукахъ покорно идутъ умирать на фронтъ. И удивительно, почему это самъ Мережковский не пошелъ съ ними за компанію противъ Антихриста... Какая бы, кажется, почетная миссія!

И всѣ болтають, болтають, болтають, а трудъ жизни остановился и все неудержимо катится внизъ, въ какую-то еще не совсѣмъ и видную даже пропасть. Жить становится все труднѣе и труднѣе, все меньше и меньше производится предметовъ первой и непервой необходимости, всѣ сѣрѣе дѣлаются условія нашего существованія. Вотъ на столѣ стоитъ у меня маленькая жестяная и такая изящная коробочка, которая безъ словъ напоминаетъ мнѣ, какъ мы работали и жили раньше. Она была сдѣлана только для того, чтобы привезти мнѣ въ Москву изъ далекой Америки прекрасную ленту для моего прекраснаго Ремингтона. Давно уже сработалась та лента, давно погибъ уже жертвой соціальной революціи мой Ремингтонъ, — я вынужденъ откатиться назадъ и писать перомъ, а вслѣдъ за мной неизбежно откатятся поэтому назадъ и наборщики, и корректоры... — а коробочка, нѣсколько лѣтъ назадъ приспособленная мною для соды, все еще служить мнѣ и, видимо, долго еще будетъ служить, все такая же изящная, прочная, полезная. И заплачено было мною за эту коробочку вмѣстѣ съ прекрасной лентой всего 1 рубль. Вотъ стоитъ въ моей комнатѣ мой старый другъ, сундукъ, купленный мною болѣе 20 лѣтъ тому назадъ въ Римѣ за 50 лиръ, т. е. за 18 рублей. Онъ сдѣлалъ со мною вмѣстѣ многіе десятки тысячъ верстъ по лицу земли. Былъ онъ и въ Брюсселѣ, и въ Афинахъ, и въ Петербургѣ, и въ Сициліи, и на Кавказѣ, и въ Парижѣ, и на крайнемъ сѣверѣ Финляндіи, и все еще живъ, все еще служить и безъ единой починки. А маленькій кожаный сессеръ, купленный

за гроши въ Лозаннѣ, еще старше и уже отказывается, уже требуетъ ремонта, но все еще со мной, все еще помогаетъ мнѣ. Это старые испытанные друзья, спутники почти всей жизни, съ ними буквально жаль разстаться, о нихъ я и думаю и пишу съ теплымъ чувствомъ, какъ о какихъ-то вѣрныхъ, преданныхъ существахъ, ставшихъ какъ бы составной частью всей моей жизни...

А вотъ нашъ новый сундукъ, купленный по необходимости недавно въ Бѣлградѣ. Я далъ за него триста динаровъ, и онъ уже дрейфитъ. Вотъ принесли мнѣ изъ аптеки лекарство: въ бутылочкѣ раньше былъ, кажется, одеколонъ и заткнута она бумажкой: пробокъ нѣтъ совсѣмъ. Вотъ мой новый костюмъ, за который я заплатилъ въ Прагѣ 1200 кронъ и который уже требуетъ починки. Возьмите здѣшнюю почту. Я помню, былъ я на всемирной выставкѣ въ Парижѣ, когда огромный городъ былъ переполненъ сотнями тысячъ, если не милліонами иностранцевъ, и почта съ опозданіемъ только на одинъ день доставила мнѣ письмо, на конвертѣ котораго стояло только по-русски: *Франція, гора въ Парижѣ, Наживину* — и ничего больше. Помню я, когда жилъ я въ Лозаннѣ, на авеню Рюмина, одинъ гражданинъ російскій, незнавшій еще тогда, что онъ федеративный социалистъ и идетъ планетарно впереди всѣхъ народовъ, адресовалъ мнѣ свое посланіе такъ: *Румынія* (это онъ изъ Рюмина Румынію сдѣлалъ!), *городъ Лазань, Наживину* и — письмо дошло! А теперь до Берлина изъ Праги письма идутъ иногда по 10 дней и часто пропадаютъ безслѣдно, теперь если за недѣлю я получу изъ Праги два номера русской газеты, то это уже слава Богу...

Все останавливается, все не хочетъ работать и, только сравнивъ прежнее уцѣлѣвшее у насъ, почтенное, благородное старье съ современной, неуклюжей, непрочной, безумно дорогой дрянью, понимаешь, въ какой роскоши жили мы раньше и до какой нищеты дошли теперь. И нечего винить во всемъ войну. Какъ ни ужасны ея послѣдствія, но не это единственная причина нашей несомнѣнной гибели теперь...

Неподалеку отъ Кёнигсварта есть знаменитыя уголь-

ныя копи Фалькенау, которыя обезпечиваютъ Чехіи уголь на долгіе и долгіе годы. За время войны практичныя нѣмцы великолѣпно подготовили ихъ для своихъ цѣлей, обнаживъ на огромное пространство верхній пластъ угля: откалывай его и въ вагонъ. По словамъ специалистовъ, тѣ 5000 рабочихъ, которые работаютъ тамъ теперь, могли бы подавать въ день государству до 40 поѣздовъ, а они подаютъ только 2 и вся страна стонетъ отъ недостатка угля и на курортахъ больнымъ нельзя нагрѣть ванны изъ-за отсутствія топлива. Среди рабочихъ тамъ есть нѣсколько плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, которымъ некуда дѣваться; они очень довольны своимъ положеніемъ: восьми-часовой *нерабочій* день, значительная часть котораго къ тому же уходитъ на засѣданія и собранія — эти часы болтовни должны оплачиваться, какъ рабочіе... — 50 кронъ въ день платы, чего же еще? «Ударилъ разъ десять киркой и домой...» — говорятъ они. И нельзя работать лучше, честнѣе, потому что товарищи сейчасъ же начнутъ коситься и видѣть въ тебѣ соціаль-предателя. Безработные интеллигенты, которыхъ теперь вездѣ такъ много, мечтали о томъ, чтобы сьорганизовать свою артель и работать честно — и ребенку вѣдь понятно, куда катится страна съ такой производительностью... — но оказалось, что шарлатанами и эта опасность честной конкуренціи уже предусмотрѣна: рабочія организациі вольны принять и не принимать васъ на работу. И, конечно, они не принимаютъ, все рушится, государство гибнетъ, а граждане роскошно проводятъ свое время въ *Sitzungen* и въ *Versammlungen* и въ мечтахъ, какъ вотъ осенью будутъ они реквизиловать у мужиковъ хлѣбъ. А мужикъ уже хватается недвусмысленно за вилы и говорить: «а ну, попробуй...», и организуетъ громаднй союзъ землеробовъ и все упорнѣе и упорнѣе говорить о зеленомъ интернаціоналѣ, который, имѣя въ своихъ рукахъ хлѣбъ и всѣ продукты, и приведетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ къ одному знаменателю. Это одна изъ первыхъ ласточекъ неизбежной всеевропейской реакціи: жизнь въ концѣ концовъ все же слишкомъ тяжела, чтобы можно было шарлатанить и благировать безъ конца, и хотимъ

мы или не хотимъ, но мы увидимъ тотъ день, когда народы, уставъ отъ болтовни адвокатовъ и профессоровъ, надши, поклонятся бѣлой лошади и обоготворятъ самые слѣды ея на дорогѣ...

Невольный пересмотръ нашей прежней интеллигентской идеологіи начался всюду и вездѣ, несмотря на литавры и кимвалы Керенскихъ, но не будетъ онъ плодотворенъ, пока, повторяю, не будетъ пересмотрѣно наше представленіе о человѣкѣ. Это очень интересная и важная тема, — можетъ быть, важнѣйшая изъ всѣхъ современныхъ темъ, ибо, если измѣнится наше представленіе о человѣкѣ, то неизбежно измѣнится и вся наша общественная идеологія. Эти темы незримо бродятъ въ самомъ воздухѣ, эти темы тревожатъ покой всякаго, кто хоть чуточку подозреваетъ, что на плечахъ у него есть голова, эти темы волнуютъ даже монументальную грудь моего толстяка, въ которой идетъ характерная, сумбурная борьба стараго бумажнаго, журнальнаго міровоззрѣнія съ новой, жизненной правдой. Трубя точно въ іерихонскую трубу и заставляя на себя оборачиваться прохожихъ, онъ шумить:

— Да, я вѣдь и раньше былъ убѣжденнымъ социаль-демократомъ, еще со студенчества, не невѣжественнымъ, съ перекрестка социаль-демократомъ, а серьезнымъ, научнымъ, но я все же скажу, что единственное средство покончить съ болыневиизмомъ это — вырѣзать всѣхъ жидовъ!... — совершенно неожиданно для меня выпаливаетъ онъ. — Самъ я, конечно, дѣлать этого не буду, ибо довольно крови, долой оружіе! Я до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ раненыхъ, по которымъ скакала наша артиллерія, отступая, и у которыхъ кишки вылѣзали изъ рта. Люди должны начать когда-нибудь жить по-человѣчески... Разумъ, разумъ, вотъ наше спасеніе!.. Хотя возьмите вотъ моихъ здѣшнихъ соци, чортъ бы ихъ совсѣмъ подралъ: подъ какую-то идиотскую дудку они готовы плясать до утра, а книгу не заставишь прочесть даже силой... А-а, всѣ одинаковы, всѣ сволочь!... Осторожнѣе, здѣсь грязно... Вотъ, полюбуйтесь: раньше на этомъ шоссе вы не увидели бы ни одного окурка... А теперь? А почему?... А потому, что у власти стоятъ теперь соци...

И такъ безъ конца, до полного помутнѣнія въ головѣ, до усталости нестерпимой. Чувствуешь, какъ человѣкъ барахтается изъ всѣхъ силъ, въ этой борьбѣ съ замутившими его призраками бумажнаго царства, какъ болѣе всего боится онъ увидѣть страшную правду, боится назвать вещи своими именами, потому что вся молодость его была построена на убѣжденіи, что только стоя на какомъ-нибудь «славномъ посту», только оставаясь вѣрнымъ, несмотря ни на что, этимъ книжнымъ «великимъ завѣтамъ», можно чувствовать себя порядочнымъ человѣкомъ.

— И позвольте, объясните мнѣ, что это за чертовщина... — кричить онъ. — Сижу я у себѣ на хуторѣ, работаю... для себя, конечно, но пшеница моя и людямъ идетъ... да, и вотъ вдругъ является, будь онъ трижды проклятъ, Милюковъ и говоритъ: пожалуйте штурмовать Дардапелы... Да идите вы къ чорту, г. профессоръ: никакихъ Дарданелъ мнѣ совершенно не нужно... Стояла Россія безъ Дарданелъ этихъ дьявольскихъ тысячу лѣтъ? Стояла. Ну, значить, и дальше могла бы стоять. Нѣтъ, пожалуйте, а то военно-полевой судъ — это со стороны профессора-то, гуманиста, черти бы его взяли!... Хорошо, три года терпѣли муку-мученскую и не только никакихъ Дарданелъ не получили, но и всю Россію размотали. Прекрасно, довольно? Нѣтъ, является эта балалайка безастринная, Сашка, съ новой мобилизаціей: завоеванія его защищать. Не желаю!... А-а, тогда военно-полевой судъ... Сашка провалился — Ленинъ, ва Ленинымъ — гетманъ, за гетманомъ — Петлюра, за Иетлюрой — Деникинъ... Ахъ, чтобы васъ черти всѣхъ взяли: не желаю!... Идите всѣ къ чорту!... И я еще туда-сюда, я еще въ газетахъ что-то тамъ вычиталъ, — нѣтъ, позвольте, возлюбленный ими народъ-то какъ они такъ терзаютъ?... Наши хохлы, изволите ли видѣть, коммунисты!... Наши хохлы, изволите ли видѣть, самостійники! Но, сукины же вы сыны, вѣдь это же вы, вы все навывдумывали!... И нѣтъ, нѣтъ никакого способа отвязаться отъ этихъ чертей! Вотъ и здѣсь завтра извольте бросить работу и вести лошадей на мобилизацію, а работа стоитъ. Каждый изъ насъ въ отдѣльности какъ

будто и разумный человекъ, а всё вмѣстѣ — совершенно невмѣняемые идиоты... И тѣ, что были, не Богъ знаетъ, какая благодать была, но тѣ, что на ихъ мѣсто вездѣ стали, эти, благодѣтели-то, въ миллионъ разъ хуже... Къ чорту, къ чорту, къ чорту всѣхъ этихъ адвокатовъ, профессоровъ, писателей, всѣхъ къ чорту!... Нѣтъ въ нихъ толка никакого...

И въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ Ренанъ:

«... И такъ какъ я обладалъ разумомъ яснымъ, я видѣлъ, что идеалъ и дѣйствительность не имѣютъ между собою ничего общаго, что міръ — впредь до новыхъ распоряженій, — безвозвратно обреченъ пошлости и посредственности, что дѣло, которое привлекаетъ къ себѣ сердца людей благородныхъ, навѣрное будетъ проиграно, что все, что вѣрно въ книгахъ, въ поэзіи, въ глазахъ людей болѣе утонченныхъ, всегда ложно въ грубомъ мірѣ факта. Событія, которыя послѣдовали за революціей 1848 г., укрѣпили меня въ этой мысли. Оказалось, что самыя прекрасныя мечты, перенесенныя въ дѣйствительность, дѣлались пагубными и что дѣла человѣческія только тогда начинали идти лучше, когда разные идеологи переставали заниматься ими...»

XXIV.

Я говорилъ, что основная наша ошибка, которая завела насъ въ безвыходное болото, это наше книжное представление о человекѣ. Этимъ страдаютъ не только социалисты — это основной грѣхъ всѣхъ тѣхъ «идеологовъ», о которыхъ говоритъ Ренанъ, нашъ общій грѣхъ. До сихъ поръ всѣ мы, книжники, воображали себѣ человека, какимъ-то еще недоразвившимся профессоромъ, которому только злое стеченіе обстоятельствъ мѣшаетъ хватать звѣзды съ неба и вообще предаваться «разумнымъ развлеченіямъ» и «жить человѣческой жизнью», причѣмъ подъ человѣческой жизнью мы разумѣли, главнымъ образомъ, чтеніе книгъ съ «хорошимъ» направленіемъ, газетъ, журналовъ, симфоническіе концерты, выставки картинъ и въ первую голову, конечно, неисто-

щими ааботы о благѣ общественномъ по «великимъ завѣтамъ». Намъ представлялось, что стоитъ только свергнуть наше злое правительство, умышленно держащее народъ въ невѣжествѣ, какъ онъ процвѣтетъ, какъ жеалъ Аароновъ въ скиніи, и устроить на землѣ въ срочномъ порядкѣ рай, гдѣ будетъ царствовать справедливость, вѣчный миръ и свѣтлая свобода. Мы совершенно не желали видѣть, что въ самыхъ передовыхъ, въ самыхъ культурныхъ странахъ процвѣтають совсѣмъ не библіотеки, а кабаки и шантаны, гдѣ смазливая бабенка съ выгнившей душой задираетъ ноги выше облака ходячаго, и даже обезпеченные круги лишь очень осторожно посѣщаютъ курсы философіи и далеко не такъ ужъ искренно любятъ Бетховена. Внизу — кабакъ, наверху — ресторанъ съ пальмами, внизу — «очко», наверху — Монтекарло, внизу — «Разбойникъ Чуркинъ» или «Потрошитель пастуховъ», наверху — Вербицкая или Жипъ. Вотъ адѣсь, въ Богеміи, со сверженіемъ проклятыхъ Габсбурговъ эта новая жизнь, предполагается, наступила уже и вотъ какъ вошла ея варя: вчера, въ праздникъ Троицы, въ мѣстномъ социалистическомъ кабачкѣ было свыше 500 посѣщеній, а въ прекрасной библіотекѣ князей Меттернихъ рядомъ и въ еще болѣе великолѣпной библіотекѣ монастыря Тепль посѣщеній бываетъ 40—50 въ годъ! Мы все орали, что правительство наше не учить народъ, который страшно жаждетъ просвѣщенія, а русская секція Американскаго Краснаго Креста опросила учебныя вѣдомства Штатовъ о количествѣ русскихъ иммигрантовъ, посѣщающихъ американскія, всѣмъ доступныя школы. Оказалось, что школами этими пользуется лишь менѣе 2% русской иммиграціи!.. Русскіе социалисты-революціонеры вопятъ вдѣсь въ своихъ газеткахъ, что литература ихъ, которою они въ изобиліи снабжаютъ концентраціонные лагеря для русскихъ военно-плѣнныхъ, разбирается нарасхватъ... для куренія. Скажутъ: что-же вы хотите, народъ только что проснулся, онъ еще не осозналъ и проч., — позволяйте, да тѣ сотни тысячъ образованныхъ господъ, которые налетаютъ ежегодно на всѣ эти беды, давно уже проснулись и осознали, а между тѣмъ въ Теплѣ они бываютъ только въ числѣ 50 человекъ въ

годъ, а всѣ кафе, лаунтенисы, рулетки, рестораны переполнены и августѣйшіе манускрипты они охотно мѣняютъ на детективный романъ, горную глушь на киношку и заботы о міровой справедливости на пошлый флиртъ...

Это даже не книжное, — ибо книги бываютъ и умныя, — а какое-то мальчишеское, фельетонно-студенческое представление о человѣкѣ. Нѣтъ, человѣкъ рядовой, массовой это совсѣмъ не эмбрионъ возвышеннаго профессора! Нѣтъ, это только жадная и лживая обезьяна, которою руководятъ совсѣмъ не возвышенные идеалы, совсѣмъ не божественный разумъ, а темныя страсти, хитрость, инстинкты звѣря, ловко спрятанныя подъ фиговымъ листочкомъ всякаго словоблудія. Что нужно этому животному вообще? Кусокъ говядины, логовище, бабу, кружку вина, вонючую трубку, оперетку съ задираніемъ ногъ. Конечно, вареную говядину онъ съ удовольствіемъ замѣнитъ рябчикомъ, протухшее логовище дворцомъ, кухарку — балериной, трубку — сигарой, киношку — миллионной оперой, гдѣ предъ нимъ будетъ становиться на колѣни «самъ Шаляпинъ», но съ самаго высокаго дерева ему наплевать на справедливость, милосердіе, высокіе идеалы, что такъ блестяще доказали въ дни революціи судари вродѣ Керенскаго, жадно полѣзшіе въ опустѣвшіе дворцы, въ чужіе автомобили, въ царскія кровати, и эти ловкачи матросы, краса и гордость революціи, которые до сихъ поръ такъ стойко дерутся за брилліантовые перстни, снятые съ мертвыхъ биржуазовъ, за награбленные мѣха, за возможность пьянствовать и безобразить безъ конца...

Въ Евангеліи есть одно интересное мѣсто, гдѣ автору хотѣлось быть глубокимъ, но не удалось. Это — искушеніе въ пустынѣ. Сатана, дѣйствующій тамъ, несмотря на попытку гиганта Достоевскаго углубить и облагородить это мѣсто, есть сатана галантерейной лавочки, которому нравится, что и онъ вотъ тоже умный. И искушался тамъ не Богъ, — Бога нечѣмъ искушать, — а человѣкъ, — такъ для чего же это глупенькое «преврати камни въ хлѣбъ» или еще болѣе глупенькое: «прыгни внизъ»?.. Для человѣка достаточно было положить даже не мѣшокъ золота, а всего тридцать сребренниковъ и

голую бабу. И если бы сатана такъ и поступилъ, кто знаетъ, какъ была бы написана эта страница удивительной книги и какъ пошла бы отъ нея въ вѣка исторія рода человѣческаго? Голая баба, ея воняющія потомъ объятія, — высшее наслажденіе, высшая заманка жизни, ради которой человѣкъ идетъ рѣшительно на все. А для поддержанія жизни, родившейся изъ этой грязи и bestialité, нуженъ хлѣбъ (золото и есть хлѣбъ), а жизнь эта нужна опять-таки прежде всего на распаленные поиски самки, именно *прежде всего*, даже не на второмъ мѣстѣ, а на первомъ, ибо на вонючую дрянъ эту Адамъ промѣнялъ рай, а мы, его потомки, въ честь этого великолѣпія сложили тысячи прекрасныхъ гимновъ, поэмъ и голую Венеру Милосскую, даже съ обломанными руками и съ выкрошившимся носомъ, помѣстили въ особое святилище. Заорутъ: «вѣчно прекрасное...» и проч. Полноте, милые люди: вы даже и мадонну раздѣваете мысленно, а о Венерѣ и говорить уже нечего — недаромъ же лучшія болѣзни, которыя украшаютъ васъ, вы, какъ галантные кавалеры, называли венерическими...

Неустанная погоня распаленной стаей за самкой и ожесточенная звѣриная грызня изъ-за куска хлѣба, все это подъ густымъ соусомъ безпредѣльной глупости, — вотъ и вся жизнь стадъ человѣческихъ; густой, удушшающій смрадъ многообразной подлости поднимается отъ всѣхъ дѣяній ихъ, подлости, составляющей у нихъ одно изъ самыхъ острыхъ орудій въ борьбѣ за то, что имъ представляется благами жизни. Если бы тѣло человѣка было стекляннымъ и можно было бы видѣть глазами, что происходитъ въ душѣ обыкновеннаго, повседнежнаго человѣка, то большинство изъ насъ походило бы съ ума или перестрѣлялось бы отъ тоски и ужаса. Души людей это каторжники въ потенциальномъ состояніи, это царство безбрежнаго ужаса, это мрачные притоны, въ которыхъ Иуда шепчется о чемъ-то зловонномъ съ разбойникомъ Варравой — можетъ быть, о томъ, какъ получить поскорѣе свои тридцать сребренниковъ, чтобы пойти потомъ на ночку къ Маріи Магдалинѣ. И сотни разъ подходилъ бѣдный Толстой къ страшной темѣ: написать точно и подробно, что проходитъ его душой въ теченіе какого-

нибудь часа, и сотни разъ отступалъ отъ этой задачи въ ужасѣ: даже у него силъ не хватало на такой подвигъ обнаженія! Такъ вѣдь тоже все-таки Толстой... А вы возьмите какого-нибудь хорошо причесаннаго павіана въ корректномъ костюмѣ отъ нерваго портного или какого-нибудь печальника о народѣ, вродѣ тѣхъ, что залѣзали во дворцы на спинахъ обманутыхъ ими дурачковъ!..

И ко всему этому надо прибавить несчастнѣйшую способность человѣка заболѣвать всякими маніями, чѣмъ онъ такъ невыгодно отличается отъ животныхъ. Достаточно, чтобы въ бѣдномъ мозгу какого-нибудь павіана зародилась какая-нибудь бѣдная, анемичная идея, какъ, раздуваемая гордостью изобрѣтателя, творца своего, она вырастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ маніи, охватываетъ миллионы больныхъ головъ и тогда нѣтъ предѣловъ кровопролитію и ужасамъ... И я говорю объ этихъ маніяхъ, какъ о болѣзняхъ, совсѣмъ не для подчеркиванія своей злой ироніи, — я совершенно серьезно думаю, что эта способность человѣка каждую идею доводить до размѣровъ маніи есть дѣйствительно болѣзнь. Ленинъ прежде всего опасный сумасшедшій и пресловутый большевизмъ прежде всего массовое, кровавое помѣшательство, какъ массовымъ кровавымъ помѣшательствомъ была прославленная французская революція — я чуть-было не написалъ: французская болѣзнь... — казнившая тысячи и тысячи людей во имя свободы этихъ людей, во имя равенства этихъ людей, во имя братства этихъ людей — именно, этихъ, такъ какъ, если не этихъ, то о какихъ же людяхъ шла рѣчь?..

И пора бросить разъ навсегда пошлѣйшую выдумку, что какое-то тамъ просвѣщеніе можетъ что-то тутъ сдѣлать — во-первыхъ, совершенно не доказано, что просвѣщеніе улучшаетъ человѣка, а во-вторыхъ, рѣжетъ глазъ, вѣдь, что для колоссальнаго большинства людей просвѣщеніе просто въ коряѣ чуждо, они, такъ сказать, непромокаемы для просвѣщенія, привиты противъ просвѣщенія, какъ бываетъ прививка противъ оспы или холеры. Европу просвѣщали какъ будто и достаточно энергично, но вотъ сегодня приходится ко мнѣ мой толстякъ съ какимъ-то младенцемъ на рукахъ. Когда младенецъ этотъ родился,

отецъ съ матерью — такъ, средніе биржуазы, — рѣшили что у него чуть-чуть длиннѣ языкъ и собственноручно обрѣзали его кончикъ. Младенецъ съ тѣхъ поръ совершенно потерялъ способность говорить, но за то въ немъ появилось новое, всѣхъ изумляющее качество: онъ ѣсть непрерывно, ѣсть вдвое больше всякаго взрослога и никогда не сытъ...

— Охъ, и адѣсь, и адѣсь глупы люди... — со смѣхомъ констатируетъ толстякъ. — Нисколько не умнѣе, чѣмъ у насъ!..

И онъ рассказываетъ намъ объ оберкельнерѣ Kohl. Кто-то у нихъ въ мѣстечкѣ подмѣтилъ, что стоитъ оберкельнеру Колю пріѣхать къ себѣ домой на велосипедѣ — непременно на велосипедѣ, иначе не дѣйствительно... — какъ начинается дождь. Это лѣто у насъ было засушливо. И вотъ жители мѣстечка попросили г. Коля пріѣхать къ нимъ, чтобы пособить горю. Онъ вошелъ въ положеніе земляковъ-землеробовъ, сѣлъ на велосипедъ и прикатилъ въ С. Пошелъ дождь. Но обязанности призывали г. Коля къ его мѣсту служенія во Франценсбадѣ. Считая, что дѣло его сдѣлано, онъ снова укатилъ. Дождь тотчасъ же прекратился — опять началась упорная засуха. И с—цы вынуждены были снова послать къ нему депутацію изъ трехъ человѣкъ, чтобы просить его неотложно пріѣхать въ С. на велосипедѣ для производства дождя.

И съ одной стороны С. лежитъ чудная библіотека князя Меттернихъ, а съ другой еще болѣе удивительная библіотека Тепля, а огромный процентъ среди населенія — социаль-демократы, народъ ученый, передовики!..

Или вотъ возьмите дѣятельность нашей пресловутой «бабушки» адѣсь. Ее чествуютъ адѣсь необыкновенно и всякое начальство разваживаетъ ее по Карпатской Руси на автомобиляхъ. И мужики рѣшили, что разъ старуху такъ чтутъ, стало быть, это птица немалая, и гуляетъ теперь по русскимъ Карпатамъ радостная вѣсть среди народа: пріѣхала къ карпато-руссамъ тетка русскаго царя, Катерина, и — провѣряетъ церковныя книги. Значить, спасеніе близко!...

Мнѣ скажутъ, что все это маленькіе пустяки, — ну, хорошо, возьмите тогда только-что закончившуюся войну

міровую, въ которой такъ дружно отличались всѣ, и просвѣщенные, и непросвѣщенные, и просвѣщенные даже значительно больше, ибо если злему навѣяну дать еще въ руки такое орудіе, какъ современная наука, онъ дѣловъ надѣлаетъ!..

Вотъ недавно возвратился изъ Россіи совершенно просвѣщенный д-ръ Шмераль, извѣстный чешскій большевикъ, человѣкъ просвѣщенный, ибо къ имени своему онъ заботливо приставляетъ частичку Dr. И въ Прагѣ, на Старой Площади, видѣвшей столько глупостей и столько преступленій, предъ 30000 идіотовъ этотъ просвѣщенный докторъ, не мигая, вралъ, что въ совѣтской Россіи нѣтъ никакого голода, что всѣ тамъ чудесно работаютъ, что всѣ эти розсказы о бѣдствіяхъ народа только злокозненная выдумка мірового биржуазіата. Такъ вотъ достаточно просвѣщенъ этотъ д-ръ Шмераль или недостаточно? Если и онъ недостаточно, то кто же тогда достаточно, а если просвѣщенъ онъ достаточно, то совершенно ясно, что просвѣщеніе не только не дѣлаетъ изъ павіана свѣтлаго «сына Божіа», но напротивъ, павіанъ становится опаснѣе въ милліонъ разъ. И идіоты апплодировали ему иступленно и вынесли грозную резолюцію...

За послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ въ культурной Европѣ наблюдается маленькое, но очень характерное явленіе. Съ одной стороны всюду и вездѣ эти разговоры о социализмѣ, даже о коммунизмѣ, о великомъ единеніи людей, а съ другой стороны сотни мелкихъ фактовъ говорятъ о томъ, что отталкиваніе среди людей быстро растетъ. Раньше сельскій праздникъ какой-нибудь, таверна, церковь, все какъ будто стягивало людей къ одному мѣсту, до кучи, теперь же самый роскошный отель, если не заведетъ онъ у себя маленькихъ, отдѣльных столиковъ, а будетъ угнетать кліентовъ прежними огромными табльдотами, рискуетъ остаться безъ гостей. А въ пути какъ ревниво оберегаемъ мы наши каюты и купе! Не только «домъ мой — моя крѣпость», какъ говорятъ англичане, но крѣпость и купе, и даже отдѣльный столикъ въ ресторанѣ. Разъединеніе людей растетъ. Человѣкъ человѣку опредѣленно недоѣлъ. И съ

Богомъ, — расходиcь всѣ!.. Путнаго не только ничего не вышло, но какъ будто ничего и не выйдетъ отъ нашихъ совмѣстныхъ усилій и совсѣмъ не такъ глупъ былъ тотъ городской, который увѣрялъ, что больше чѣмъ одному скопиться не допускается... Всѣ знамена окровавлены, всѣ знамена запачканы несмываемой грязью, на всѣхъ знаменахъ, какъ ни пышны и ни разнообразны ихъ лозунги, стоитъ въ сущности только одно слово: провалъ. Вали всѣ ихъ на общую помойку!...

И въ туманной дали будущаго я уже слышу желѣзную поступь мессіи, того сверх-обер-гоф-кригс-павіана, который, не искушая правдою человѣка театрално-красивыми искушеніями, дастъ каждому по булкѣ, по перинѣ и по жирной бабѣ и всемилостивѣйше повелитъ всѣмъ сидѣть спокойно и наслаждаться жизнью. И всѣ опаматуются, влягутъ въ хомуты повседневности и съ восторгомъ будутъ цѣловать властную, карающую и милующую десницу и снова будутъ давить одинъ другого на смерть, только бы хоть издали, хоть на мгновение одно увидѣть Того, кто сниметъ съ нихъ проклятый даръ свободнаго выбора, свободы вообще, и кто подаритъ имъ въ награду за ихъ преданность — жестяную кружечку съ орломъ и горсть орѣховъ. Ходынка была, вѣдь, совсѣмъ не такъ давно и не безпокойтесь, мы увидимъ еще ее въ новомъ, расширенномъ и улучшенномъ изданіи...

И трубить мой толстякъ въ свою іерихонскую трубу въ тишинѣ золотого весенняго вечера:

— И я говорю имъ въ лицо: какіе вы, чортъ васъ совсѣмъ возьми, социалисты? Вы даже и не подозреваете, что это такое!... Что, накормили вы голоднаго товарища, одѣли холоднаго, помогли его вдовѣ вспахать ея поле? Нѣтъ!... А вотъ собраться въ кабакъ, пить гнусное пиво, плясать до утра какой-то новый идиотскій фоксъ-террьеръ, что ли, чортъ его совсѣмъ возьми, орать безъ толку, это, и только это вы можете...

Онъ правъ и поэтому я со дня на день жду, что изъ партіи его выставятъ, а можетъ быть, намнутъ и шею, — потому не отсвѣчивай, не мѣшай, не тревожь...

Маленькая подробность: когда сидитъ онъ у меня и говоритъ, онъ любитъ смотрѣть на себя въ зеркало,

которое висить у меня надъ диваномъ, — и если бы вы видѣли его самодовольную физиономію въ это время!... — а когда онъ уходитъ, на полу послѣ него всегда остается соръ — спички, пепелъ, крошки табака, — и мы должны прибирать за нимъ... И если вы думаете, что, обличая своихъ «соци», что они не кормятъ голодныхъ и не одѣваютъ холодныхъ, самъ онъ занимается этимъ благимъ дѣломъ, вы очень ошибаетесь: онъ тоже никого не кормитъ, тоже никого не пригрѣваетъ и тоже только болтаетъ языкомъ правдныя слова...

XXV.

Между тѣмъ черныя тучи надъ головой нашей скоплялись все болѣе и болѣе. Жилось настолько тѣсно, что, когда я получилъ приглашеніе отъ К. П. Крамаржа погостить у него во время сокольскихъ торжествъ, а потомъ поѣхать съ нимъ на мѣсяцъ въ горы, въ Visoke nad Jiseron, мнѣ пришлось отклонить это приглашеніе, какъ ни хотѣлось мнѣ отдохнуть отъ моей напряженной работы. Они обидѣлись и стали настаивать и я вынужденъ былъ сознаться, что мнѣ просто-на-просто не въ чѣмъ ѣхать, что уменьшать ни одного приличнаго костюма. Мы ѣхали сюда въ расчетѣ главнымъ образомъ на тѣ средства, что у насъ оставались въ Минскѣ, но, благодаря рѣзкому паденію курса рубля, наши 150 000 р. къ этому времени превратились всего въ 20 000 адѣшнихъ, тоже ничего нестоящихъ кронъ, т. е. въ сумму, которая при адѣшной дороговизнѣ, можетъ быть, хватить моей семьѣ на четыре, пять мѣсяцевъ! А дальше полная неизвѣстность. И заработка нѣтъ и нѣтъ, несмотря на всѣ труды...

Я дѣлалъ великія усилія, чтобы собрать нѣсколько пайщиковъ и основать свое небольшое русское книгоиздательство, но кромѣ страшнаго сочувствія рѣшительно ничего не нашелъ. Обратился я въ Земскій Союзъ съ просьбой о ссудѣ на это дѣло, но мнѣ чрезъ два мѣсяца отвѣтили, что денегъ у нихъ нѣтъ, хотя равнымъ бѣглымъ биржуазамъ ссуды Союзъ давалъ и на устройство

мыловаренныхъ заводовъ, и на смѣхотворное куроводство, и на всякую другую столь же полезную, сколько и разнообразную дѣятельность. И тутъ моя марка, видимо, мѣшала...

И вотъ деньги быстро уплываютъ, жизнь дорожаетъ не по днямъ, а по часамъ, и по ночамъ часто не спишь уже отъ страха за будущее дѣтей. Кстати, отмѣчу для будущаго историка маленькій фактикъ изъ области современныхъ финансовъ. Изъ Новороссійска со мной вмѣстѣ выѣхалъ профессоръ П. П. Мигулинъ. У меня было 100 000 «царскими», а у него 2000 фунтовъ, т. е., по старому счету 18 000 рублей. И вотъ у меня завтрашній день уже грозно смотреть въ окно, а у проф. Мигулина можетъ быть что получится: онъ мѣняетъ свои фунты на австрійскія кроны и получаетъ за это многіе милліоны, т. е., капиталъ, на одни проценты съ котораго онъ можетъ жить въ великолѣпнѣйшемъ отелѣ гдѣ-нибудь въ Тиролѣ, не трогая своего капитала, который весь равняется 18 000 р. Изъ этого примѣра видно, какъ велика награда, которую получили побѣдители въ европейской войнѣ за свою храбрость...

Въ борьбѣ съ рокомъ за будущее дѣтей, прямо даже за жизнь ихъ, пробовалъ я поставить свои пьесы здѣсь — очень хвалятъ, но... несовременно, пробовалъ наладить переселеніе въ Америку, чтобы взять тамъ клочокъ земли и уйти отъ всего прочъ, — ничего не выходитъ, ибо одно переселеніе стоитъ больше, чѣмъ у меня есть въ карманѣ. И одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, наша печальная эмиграція... Говорятъ, что самоубійства среди эмигрантовъ уже начались... И было бы странно, если бы они не начались!

А тучи надъ Европой все сгущаются. Со всѣхъ сторонъ идутъ извѣстія о готовящихся большевистскихъ переворотахъ. Правда, параллельно, нейтрализуя эти порывы въ облака и къ чужимъ сундукамъ, идутъ и извѣстія объ усиливающихся національных теченіяхъ, но хрѣнъ рѣдки не слаще. Итальянцы схватились съ нѣмцами въ южномъ Тиролѣ, чехи съ нѣмцами въ Богеміи, вездѣ душатъ евреевъ, сербы нападаютъ на итальянцевъ, д'Аннунціо ставитъ какую-то оперетку съ жестами на

Адріатикъ, ирландцы швыряютъ бомбы въ англичанъ — чистый Бадламъ!...

А ребятишки, ничего не подозревая о надвигающейся на нихъ грозѣ, всё въ упоеніи отъ этой новой для нихъ жизни на нѣмецкомъ языкѣ, бѣгаютъ въ школу, бѣгаютъ къ сестрамъ, заводятъ себѣ подругъ и пріятелей и безъ всякаго затрудненія въ языкѣ весело играютъ съ ними цѣлыми часами. Вѣрунька для практики посѣщаетъ адѣшній дѣтскій садъ, находящійся подъ покровительствомъ князей Меттернихъ. И вотъ ребятамъ было торжественно объявлено, что на дняхъ садъ посѣтятъ сами «edle Herrschaften». Среди ребятъ началось оживленіе: кто-то пустилъ слухъ, что князь привезетъ «цѣлый вагонъ» игрушекъ. И вотъ, наконецъ, edle Herrschaften пріѣхали, но вмѣсто вагона игрушекъ привезли ребятамъ по бѣлой булочкѣ съ вареньемъ — въ странѣ, гдѣ ежедневно происходятъ продовольственные безпорядки, и это, конечно, подарокъ серьезный. И въ благодарность ребята встрѣтили ихъ пѣніемъ сочиненной кѣмъ-то изъ наставниковъ кантаты:

Nun ist sie da, die frohe Stund,
Und Freud aus unsern Augen strahlt,
Den hohen Gästen in der Rund
Ein laut „Grüss Gott!“ entgegenhallt...
Wir, Kleinen, sind heut hoch geehrt... и пр

И, когда edle Herrschaften выслушали кантату и милостиво побесѣдовали съ ребятишками на тему о томъ, какъ ихъ зовутъ и хорошо ли они учатся, ребятишки стали хвостомъ и всё поочереді облобызали четыре княжескихъ ручки. И Вѣрунька моя удостоилась продѣлать этотъ прекрасный обрядъ на лонѣ социалистической республики. А потомъ наставники очень почтительно подсаживали высокихъ гостей въ экипажи. Когда я узналъ объ этомъ, меня немножко замутило, но — что же подѣлаешь? А вокругъ — и въ Кладно, и въ Фалькенау, и повсюду — кишмя-кишатъ коммунисты и всё трясутъ: а вдругъ переворотъ? Я нисколько не противъ edle Herrschaften, ибо, если они существуютъ, то значить, есть у нихъ солидныя причины существовать. Но тогда причѣмъ тутъ переворотъ? А если переворотъ, то куда же мы

дѣнемъ и сладкія булочки, и кантату? Но переворотъ подъ кантату это, какъ хотите, сумасшедшій домъ!... Во всякомъ случаѣ я очень твердо знаю: пусть будетъ переворотъ, но и чрезъ сто лѣтъ ребятишки будутъ и пѣть кантату, и ручки цѣловать. И, можетъ быть, даже много, много усерднѣе: социалистическая школа даромъ никакъ, ни за что не пройдетъ!...

А время потихоньку двигалось все впередъ и впередъ и появилось уже не мало этихъ надоѣдливыхъ кургестовъ. Но я открылъ цѣлыя серіи горныхъ и лѣсныхъ тропинокъ, гдѣ можно ходить часами, не встрѣчая рѣшительно никого. Иногда только выбѣжить быстроногая, красноватая косуля или лань, посмотреть на тебя своими прелестными глазками и снова безшумно исчезнуть въ чащахъ... Иногда доходимъ мы съ ребятами и до прелестнаго Глятценскаго озера, которое такъ удивительно напоминаетъ мнѣ наше глухое озеро Исехра, въ лѣсахъ, на границѣ Судогодскаго уѣзда, гдѣ я, бывало, охотился и наслаждался лѣсной пустыней. Здѣсь, на Глятценѣ, стоитъ реализованная въ дѣйствительности мечта всей жизни моей — уединенный охотничій замокъ князя Шенбурга, прелестнѣйшее лѣсное гнѣздышко. Имѣть такой уголокъ, мнѣ, бѣдному бѣженцу, конечно, и думать нечего, но за то я мечтаю, что вотъ еще немного и я попрошу князя дать мнѣ мѣсто лѣсника въ его чудныхъ огромныхъ лѣсахъ, въ одномъ изъ этихъ прелестныхъ домиковъ, украшенныхъ оленьими рогами. Я съ удовольствіемъ оберегалъ бы эти удивительные лѣса, дрессировалъ бы молодыхъ легашей князя и наслаждался бы днями своими. Всю жизнь мечтаю я о такой вотъ кельѣ подъ елью, а никакъ не могу добиться этого. А кажется вѣдь немного...

Среди многочисленныхъ курортчиковъ стали появляться и русскіе... И сперва я очень обрадовался: вотъ сговоримся, съорганизуемся, будемъ работать. Но радость моя была очень непродолжительна. Одни изъ этихъ бывшихъ людей оказались сухими, ограниченными эгоистами, которые думали, что вотъ Врангель наладитъ тамъ какъ-нибудь всё дѣла и они вернутся въ Россію и все будетъ по старому, по хорошему. А нѣкоторые были

охвачены какою-то непонятною, но непреодолимою апатіей: будь что будетъ, а я уже ничего больше не могу... Я видѣлъ ихъ въ эмиграціи сотни, если не тысячи: максимумъ, до чего они поднимались, это каканъ нибудь сомнительная афера въ личныхъ дѣлахъ и распространеніе совершенно безграмотной, совершенно идиотской книженки Нилуса въ дѣлахъ общественныхъ. И я много разъ спрашивалъ себя съ тревогой: да, въ самомъ дѣлѣ, не конченные ли все это люди? Куда же дѣваться имъ съ этимъ безсиліемъ, съ этимъ безволіемъ, съ этой киижеикой Нилуса въ качествѣ путеводной звѣзды? Евреи во всемъ виноваты, — прекрасно, такъ что же вы смотрѣли раньше, что же вы не боретесь теперь?!

И вотъ мы сидимъ гдѣ-нибудь въ тихомъ кафе, въ лѣсу, и кн. В. М. Волконскій, товарищъ предсѣдателя Государственной Думы, усталый и апатичный, рассказываетъ мнѣ о быломъ...

— Н. Н.? О, это прежде всего страшный бабникъ... Вотъ, помню, предстояло Думѣ какъ-то разобрать смѣту военно-суднаго вѣдомства. Кадеты готовили тутъ серьезное выступленіе: запросъ о казняхъ, шумъ и все, что въ такихъ случаяхъ полагается. Выступить отъ нихъ долженъ былъ Н. Я предсѣдательствовалъ. Смотрю, сидитъ Н. и подремываетъ. Я взялъ листокъ бумажки и написалъ: «9 часовъ около пруда. — Э.» Эта Э. была одной изъ нашихъ стенографистокъ и прехорошенькая... Написавъ записку, я позвалъ пристава и велѣлъ ему положить ее къ Н. на пюпитръ. Тотъ очнулся, прочиталъ бумажку, торопливо взглянулъ на часы и — былъ таковъ. Я быстро погналъ засѣданіе и, когда вызвалъ я по записи Н., — было около девяти часовъ, — его въ залѣ не оказалось и дѣло было въ шляпѣ: смѣта прошла безъ большихъ разговоровъ. И большая буча была потомъ у кадетовъ...

И много такихъ картинокъ изъ прошлаго рассказалъ онъ мнѣ и многіе изъ бывшихъ пророковъ нашихъ, сжигавшихъ намъ глаголомъ своимъ сердца, выступали теперь, въ тишинѣ маріенбадскаго кафе, подъ развѣсистыми пихтами, совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ раньше, — со страницъ «Русскихъ Вѣдомостей»...

Вотъ пріѣхалъ на воды американецъ, г. Колдвалъ,

одинъ изъ делегатовъ Соединенныхъ Штатовъ на мирной конференціи и вообще какая-то эдакая фигура у себя дома. Онъ пожелалъ побесѣдовать съ нами, русскими бѣженцами, и мы всѣ собрались у г. Б. Колдвалъ былъ типичнымъ янки, одинъ изъ тѣхъ американскихъ innocents, которыхъ такъ ярко изобразилъ Маркъ Твэнь. Онъ рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что происходитъ за границами его родины, а о Россіи не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. И мы должны были отвѣчать ему на такіе вопросы, какъ: а кто это такое генералъ Wrankeen? Гдѣ находится его армія? Въ Крыму? Прекрасно: а гдѣ это Крымъ? Какимъ образомъ былъ отставленъ отъ командованія великій князь Николай Николаевичъ? Можно ли взорвать болыневиговъ, открывъ свободную торговлю съ Россіей? А какая, въ сущности, разница между большевиками и не-большевиками въ Россіи?... И т. п. Чрезвычайно интересовали его отношенія Россіи къ Германіи и раньше, до войны, а въ особенности теперь. Онъ увѣрялъ насъ, конечно, что въ то время, какъ другія страны ищутъ въ Россіи своихъ выгодъ, Соединенные Штаты одни дѣйствуютъ въ русскомъ вопросѣ безкорыстно: американцы не забыли, что во время ихъ войны за независимость первымъ явился къ нимъ съ выраженіемъ сочувствія русскій флотъ. Они готовы всячески помочь намъ — только не должны мы разсчитывать на ихъ содѣйствіе въ дѣлѣ восстановленія въ Россіи монархіи: они — за свободу...

— Позвольте, — сказалъ я. — Но вы забываете, что къ берегамъ Америки явился въ то время Россійскій императорскій флотъ...

Мистеръ Колдвалъ пристально посмотрѣлъ на меня съ полнымъ одобреніемъ и пожелалъ shake hands со мной..

И, когда бесѣда эта закончилась, — у меня прямо рубашка была мокра отъ утомленія, — американецъ отозвалъ княгиню А. Н. В-ую въ сторону и тихонько спросилъ ее:

— А не нужно ли заплатить этимъ джентльменамъ что-нибудь?

Я далъ ему двѣ статьи для амерканскаго Foreign Press Service о большевикахъ, онѣ ему очень понравились и

онъ общалъ дать имъ самое широкое распространіе у себѣ дома, что, кажется, и сдѣлалъ.

Компатріоты мои оживились, какъ будто, немного. Я, думая использовать благопріятный моментъ, снова наѣлъ на нихъ, уговаривая наладить русское національное книгоиздательство: нельзя же дать разговаривать только друзьямъ Керенскаго! Вѣдь должны же и мы бороться!

Да, конечно, мысль симпатичная. Надовоть подумать... Разумѣется, нужно бы... И — снова все заснуло мертвымъ сномъ. И добро бы средствъ не было! Нѣтъ, многіе изъ нихъ покупали вдѣсь очень крупныя, миллионныя недвижности...

Что за гнилье!...

XXVI.

Подходила осень. Курортники быстро развѣзжались. Опять стало тихо и хорошо въ прелестныхъ окрестностяхъ Кёнигсварта. И зажелтѣлъ листъ на деревьяхъ... Дѣла у меня были такъ плохи, что я просто не зналъ, куда дѣваться отъ тоски: денегъ оставалось всего на два мѣснца, а на рукахъ шестеро... Но, попугавъ, судьба и смилостивилась: американскій фондъ помощи русскимъ писателямъ и ученымъ въ Берлинѣ выслалъ мнѣ ссуду «въ максимальномъ размѣрѣ»: 3000 марокъ. Ничего, на калоши всѣмъ хватить, вѣроятно... Болѣе серьезно помогъ мнѣ К. П. Крамаржъ, давъ мнѣ взаимны порядочную сумму, но взявъ, однако, съ меня расписку, что деньги эти пойдутъ не на русское книгопечатаніе, а исключительно на нужды моей семьи: вотъ что сдѣлала моя черносотенная репутація въ революціонной Европѣ!..

Я въ это время часто бывалъ у Крамаржа. Я любилъ бесѣдовать съ этимъ умнымъ и очень темпераментнымъ человѣкомъ. Но и у него былъ «пуиктикъ»: твердая увѣренность, что онъ отлично знаетъ Россію, которой, какъ оказалось, мы и сами не знали. Онъ написалъ даже для насъ конституцію, которую и отослалъ печатать въ журналъ «Грядущая Россія», издававшійся Н. В. Чайковскимъ въ Парижѣ, но пока конституція

туда доѣхала, «Грядущая Россія», руководимая старымъ идеалистомъ, уже провалилась и закрылась навсегда — довольно символически, конечно... Въ этой конституціи Карель Петровичъ Россійскую республику считалъ уже не только совершившимся, но и твердо вакрѣпленнымъ фактомъ и много, много копій пришлось мнѣ сломать съ горячимъ хозяиномъ, чтобы доказать ему, что изъ всѣхъ русскихъ политическихъ *blagues* это одна изъ самыхъ nepoзвoлитeльных. Наконецъ, мнѣ удалось настолько поколебать его, что слово «президентъ» онъ замѣнилъ словами «Глава государства». И то слава Богу!...

Особенно хорошъ былъ Карель Петровичъ, когда приходилъ онъ въ соприкосновеніи съ мировымъ зломъ, которое называется телефонной барышней и которое при демократической свободѣ распустилось здѣсь съ необычайной пышностью. Карель Петровичъ гремѣлъ телефономъ, глаза его искрились, какъ угли и, выкрикивать, что нужно, въ трубку, онъ яростно бормоталъ «Sacramento!» и — тутъ же расцвѣталъ вдругъ добродушной улыбкой. Другіе, какъ нашъ представитель въ Прагѣ, В. Т. Рафальскій, пытались брать телефонныхъ барышень, настроенныхъ очень социалистически, кропостью, но — и у него ничего не выходило.

— Просимъ васъ, слечна... — съ нѣжнѣйшими интонаціями поетъ онъ въ трубку. — Просимъ: чetyжe-пeть-нуля-нуля... Халло? Просимъ, слечна: вилла доктора Крамаржъ... Чetyжe-пeть-нуля-нуля... Ушла!... Молчить... Халло?... Будьте ласкавы, слечна: вилла доктора Крамаржъ... Ано, ано... — радостно одобряетъ онъ и сейчасъ же снова впадаетъ въ безнадежный тонъ. — Нѣтъ, опять ушла!... Ну, значить, сегодня ничего уже не добьемся... Поѣдемъ лучше на трамваѣ...

Но вообще знакомствъ большихъ въ Прагѣ я не заводилъ, — усталъ я да какъ-то и не попадалось интересныхъ людей.

Милая помощь Крамаржа обезпечивала насъ на нѣкоторое время, но во-первыхъ, надо было деньги эти беречь, а во-вторыхъ, серьезно озаботиться ученіемъ дѣтей: въ Кенигсвартѣ ничего, кромѣ обычной народной школы, не было. И мы задумались, куда бы переѣхать,

гдѣ бы было и иодешевле, и гдѣ и учиться можно было бы. А кромѣ того наши красные стояли въ это время уже подѣ Варшавой и Троцкій похвалялся уже, что «краснымъ мостомъ» Польши онѣ перейдетѣ въ Европу. Вокругъ все закипало. Агенты большевиковъ сновали всюду, выхваляя прелести совѣтской жизни, всюду ползали тяжелые слухи о готовящихся возстаніяхъ. А въ Прагу торжественно прибыла миссія Краснаго Креста изъ Москвы во главѣ съ докторомъ Гиллерсономъ, петроградскимъ адвокатомъ, котораго, однако, одна изъ служащихъ пражскихъ газетъ рекомендовала своимъ читателямъ, какъ «типичнаго русскаго рабочаго». Побывавшіе въ миссіи говорили, что изъ семи членовъ ея — шесть евреевъ...

И всюду и вездѣ въ Европѣ рабочія массы, руководимыя «типичными русскими рабочими» и опредѣленно темными личностями, глухо волновались. Большевистскія настроенія рѣзко усиливались. Разумныя газеты и трезвые политическіе дѣятели изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы остановить надвигающійся кошмаръ, на антибольшевистскую пропаганду тратились милліоны безконечные, но опасность все же быстро нарастала. Было весьма простое и весьма радикальное средство излѣчить рабочихъ отъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ: стоило только отъ каждаго значительнаго района послать въ Совдепію на казенный счетъ депутатовъ-рабочихъ для ознакомленія съ жизнью соціалистическаго рая и, конечно, никакіе Гиллерсоны и другіе «типичные русскіе рабочіе» со всѣми своими милліонами не могли бы поднять тутъ рабочихъ на безумства: здѣшній рабочий все же въ достаточной степени «мѣщанинъ» и сомнительному журавлю въ небѣ онѣ всегда предпочтетѣ синицу въ рукахъ, тѣмъ болѣе, что въ это время синица эта была достаточно жирна и велика. Но именно потому, что средство это было просто, ни правительства, ни буржуазныя организаціи и не прпбѣгали къ нему. И бѣда росла...

Мой толстякъ тревожно шумѣлъ. Его соціалъ-демократическая репутация стала опредѣленно портиться. Его записали уже въ «кулаки», ибо онѣ пересталъ нанимать рабочихъ въ свои поля и все старался дѣлать самъ.

— Да какъ же могу я нанимать ихъ?... — кричалъ онъ. — Они, сукины дѣти, встаютъ въ 7 часовъ и выходятъ на покось только въ 8, когда роса уже обсохла, въ 10 часовъ онъ кушаетъ кофе полчаса, а въ 12 идетъ на два часа домой отдыхать и обѣдать, въ два часа становится на работу, а въ 3½ ему опять подавай кофе съ сахаромъ и съ молокомъ, а въ 5 конецъ всей работѣ. И требуетъ за это 150 кронъ въ день!... Да вѣдь это же издѣвательство!... А если найдетъ нужнымъ, то бросаетъ работу и идетъ на какое-нибудь или *Versammlung* или *Sitzung* или на «голодную демонстрацію» въ Мариенбадъ, чтобы пугать курортщиковъ. И я, хозяинъ, опять-таки долженъ ему за это гулянье платить... И я разогналъ всю эту сволочь къ чертовой матери и сталъ на работу самъ, вставая, какъ и крестьяне, не въ 8 часовъ, а до свѣту, часа въ 3. Ужъ на что предсѣдатель здѣшнихъ соци дуракъ, а и тотъ на дняхъ, на послѣднемъ собраніи, заявилъ по поводу этихъ идиотскихъ «голодныхъ» манифестацій, что, если рабочіе и впредь такъ будутъ гулять, то не миновать имъ уже дѣйствительнаго, настоящаго голода...

Но «на всякій случай» онъ уже сбѣгалъ въ Прагу представиться г. Гиллерсону: кто знаетъ, какъ еще обернутся событія? Почтительность никогда не мѣшаетъ...

Пришлось поговорить съ Гиллерсономъ и мнѣ...

Мои знакомые чехи упорно совѣтывали мнѣ представиться Масарику, чтобы рассказать ему, какъ обстоятъ дѣла въ Россіи. Они увѣряли меня, что старикъ будетъ очень радъ побесѣдовать съ русскимъ писателемъ. Костюма подходящаго для посѣщенія президента у меня не было и, уступая моимъ пріятелямъ, я какъ-то написалъ ему письмо. На него отвѣта не послѣдовало. Мои чехи уныло разводили руками и шептались, что вокругъ ихъ президента уже образовалось знаменитое «средостѣніе» и что нежелательные люди и нежелательныя письма остаются по сю сторону стѣны. Не знаю, на сколько это правда. Но на правду похоже. Сынъ простого кузнеца, демократъ Масарикъ жпветъ въ королевскомъ дворцѣ и ведетъ *grand train*. Черносотенцы

чехи съ негодованіемъ разсказываютъ, что обстановка королевскаго дворца очень не понравилась его дочери и по ея приказанію была замѣнена новой! Знакомая страница изъ... Керенскаго!.. Я на мѣстѣ демократіи все же нѣсколько ограничилъ бы роскошество своихъ избранныхъ: демократія такъ демократія до конца!..

Я рѣшилъ попробовать другой путь, чтобы ознакомить старика съ положеніемъ дѣлъ у насъ, — очень ужъ онъ благодушно разговаривалъ со своими чешскими большевиками! Дочь его, докторъ Алиса Масарикъ, заявила въ печати, что вся дѣятельность миссіи русскаго Краснаго Креста будетъ происходить подъ ея непосредственнымъ контролемъ. Типичный же русскій рабочій Гиллерсонъ только что заявилъ представителямъ пражской печати, что ужъ кому-кому, а писателямъ въ совѣтской Россіи живется весело и привольно, что совѣтское правительство прямо не надышится на нихъ. И я обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ я, русскій писатель, и просилъ его доказать на дѣлѣ это отношеніе совѣтовъ къ писателямъ: въ Москвѣ у меня остались мои книги и рукописи, которыя дали бы здѣсь моей семьѣ кусокъ хлѣба, — такъ вотъ не найдетъ ли миссія возможнымъ доставить ихъ мнѣ? Но пусть Гиллерсонъ, — писалъ я, — не считаетъ это обращеніе къ нему за забѣганіе, за реверансы: нѣтъ, я былъ и остаюсь врагомъ большевиковъ, которые утопили Россію въ крови, которые все задушили, все разрушили и пр. И письмо это я направилъ д-ру Алисѣ Масарикъ съ просьбой, если она найдетъ возможнымъ, передать его по назначенію: я надѣялся, что этимъ путемъ старикъ хоть что-нибудь узнаетъ о Россіи. Она письмо мое по назначенію передала и не очень скоро я получилъ отвѣтъ, въ которомъ «Россійская миссія Краснаго Креста» сообщала мнѣ довольно обидчиво, что она «по вполне понятнымъ причинамъ» не можетъ доставить русскимъ гражданамъ забытыя ими въ Россіи вещи. Я опять рѣзко отвѣтилъ Гиллерсону, что я прошу не о «вещахъ», не о ватномъ пальто, не о калошахъ, а о рукописныхъ: разницу между пальто и рукописными чело-вѣкъ, пристаивающій къ своей фамиліи д-ръ, понимать долженъ. Они отвѣтили мнѣ, что они берутся передать

М
мое письмо Бончу, но что за успѣхъ моей просьбы они не ручаются. Я послѣ долгихъ колебаній написалъ Бончу, но, конечно, ничего изъ этого не вышло...

А край бурлилъ все болѣе и болѣе. И не только большевики отличались, шумѣли и нѣмцы. И когда былъ назначенъ призывъ рекрутовъ, вездѣ и всюду поднялись нѣмецкія демонстраціи, слышалась *Wacht am Rhein* и мѣстами пролилась даже кровь, но правительство съ этимъ движеніемъ справилось, призывъ нѣмцевъ состоялся, хотя и не обошлось безъ драмъ: какъ рассказывали, въ сосѣднемъ мѣстечкѣ не желавшій идти служить чехамъ и за это арестованный нѣмецъ-рекрутъ варѣзался въ заключеніи стекломъ. А въ пражскомъ парламентѣ нѣмцы, венгры и отчасти даже словаки играли точь-въ-точь тѣ же роли, какія еще недавно игрались чехами въ австрійскомъ рейхсратѣ, а чехи выступали въ роли повелителей, какъ недавно это дѣлала въ Вѣнѣ нѣмцы, и иногда бывшя сцены рейхсрата повторялись тутъ почти съ точностью и нельзя было не смѣяться: въ исторіи человѣческой много трагическаго, но бываетъ въ ней часто не мало и весьма остраго комизма... И изумительны были иногда эти чехи-великодержавники: ни одному культурному русскому человеку, напримѣръ, какого высокаго мнѣнія онъ о своей странѣ ни былъ бы, и въ голову никогда не придетъ обратиться къ иностранцу съ письмомъ по-русски. Я же получилъ такихъ чешскихъ писемъ не мало — это уже міровой языкъ, оказывается, съ которыми иностранцы должны быть знакомы!... И въ такихъ случаяхъ приходилось отвѣчать по-русски такъ, что письмо ваше, милостивый государь, я получилъ, о содержаніи его по нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ словамъ я болѣе или менѣе догадался и, если я угадалъ вѣрно, то имѣю честь отвѣтить Вамъ нижеслѣдующее... О, безконечная комедія исторіи человѣческой!

Но всѣ эти мѣстныя дѣла насъ, иностранцевъ, касались, въ сущности, мало, — тревожила опасность съ востока, растущая дороговизна и то, что дѣти не учились. Я сдѣлалъ попытку пробиться въ Германію, но, не смотря на помощь нашего представительства въ Берлинѣ,

— а другіе говорятъ, что *благодаря* помощи его, — я получилъ отказъ въ визѣ. Попытался я пролѣзть въ Баварію, которая ведетъ самостоятельную линію и о которой разсказывали всѣ чудеса — изобиліе всего, дешевизна, прочное спокойствіе, — но не пустили и туда. Попробовалъ я мой любимый Тироль — и тамъ сорвалось! Положеніе получалось довольно нелѣпое...

XXVII.

И въ душѣ двоилось: съ одной стороны хотѣлось сѣсть спокойно и работать, а съ другой все болѣе и болѣе настойчиво авало сердце въ Россію, въ Крымъ, гдѣ снова все шире и шире раздвигалась новая глава національной борьбы. Я поддерживалъ, на сколько только было возможно, сношенія съ Крымомъ черезъ посольскихъ курьеровъ, писалъ и самому Врангелю, и другимъ. И вдругъ получаю я письмо отъ С. Д. Тверского, помощника главнокомандующаго, который въ очень лестныхъ для меня выраженіяхъ вызывалъ меня туда на работу. Программныя выступленія Врангеля меня нѣсколько смущали: онъ говорилъ не то, что говорилъ мнѣ въ Новороссійскѣ съ глазу-на-глазъ; я отлично понималъ, что все это говорилось больше для европейской галерки, но тѣмъ не менѣе, какъ же работать подъ флагомъ федераціи, на примѣръ, «завоеваній демократіи» я вообще все шаркать и шаркать въ угоду кому-то лѣвой ножкой? Не позволялъ мнѣ мой темпераментъ вести такую дипломатію, и не позволяла гордость подчиняться дирижерской палочкѣ какой-то многоликой невидимой бабушки...

Я рѣшилъ ѣхать. Стало просто совѣстно предъ этими юношами, которые дерутся гдѣ-то тамъ на Кубани, приготавливая мнѣ пути въ Россію... Но везти туда съ собою семью — немыслимо, оставить ее съ тѣми грошами, что у насъ были, на неизвѣстно долгое время немыслимо тоже — что же дѣлать? Я попросилъ генерала А. С. Лукомскаго — онъ былъ представителемъ П. Н. Врангеля въ Константинополь — пристроить, пока что, моихъ на островахъ, у союзниковъ, а самъ взялся усердно вести переговоры о

продажѣ части моихъ к—ихъ паевъ одному бѣженцу, у котораго, видимо, было не мало денегъ и который заинтересовался ими. А въ ожиданіи всѣхъ этихъ развязокъ мы рѣшили переѣхать въ Грацъ, поближе къ Константинополю. Разрѣшеніе на пребываніе тамъ добылъ мнѣ мой пріятель Яр. Долежалъ, чешскій писатель и секретарь чешскаго посольства въ Вѣнѣ.

Началась обычная для русскаго бѣженца возня съ визами. Но благодаря помощи К. П. Крамаржа, нашего представителя въ Прагѣ В. Т. Рафальскаго и 40 кронамъ, которыя я далъ на чай швейцару австрійскаго консульства, всѣ эти дѣла мнѣ удалось закончить въ одинъ день, и мы, если не навсегда, то на очень долго простились съ милымъ Кёнигсвартомъ, гдѣ насъ никто не тревожилъ въ теченіе почти цѣлаго полугодія, — это теперь вещь весьма рѣдкая!

И за три часа до отъѣзда получилъ я чрезъ В. Т. Рафальскаго срочную телеграмму:

«Желая использовать ваши дарованія, прошу пріѣхать.
— Врангель».

XXVIII.

Быстро и благополучно миновавъ поблекшую, умирающую Вѣну, докатились мы до столицы Штиріи, Граца, живописно раскинушагося по берегамъ быстрого и полноводнаго Мура. Прибыли мы поздно ночью и, оставивъ сонныхъ ребятишекъ на вокзалѣ подъ наблюденіемъ Мани, сами пошли пустынными, слабо освѣщенными улицами на поиски комнатъ. Пробѣжавъ часа два, мы ни съ чѣмъ вернулись обратно: ни въ одномъ отелѣ ни одной комнаты! Переждавъ на вокзалѣ до разсвѣта, мы снова побѣжали въ городъ и, наконецъ, нашли двѣ ужасныхъ, полныхъ клоповъ, берлоги, въ неопрятномъ домѣ свиданій, носившемъ почему-то названіе «Краснаго Креста».

Какъ во всѣхъ почти иѣмецко-альпійскихъ городахъ, въ Грацѣ на каждомъ шагу сказывается прелестное дыханіе горъ, толпящихся по горизонту. Всюду зеленеютъ на шляпахъ штирійцевъ ленты, напоминающія

цвѣтомъ своимъ свѣжія, горныя пастбища, всюду пестрятъ въ глазахъ традиціонныя Gamsbartl, эти красивыя кисточки изъ волоса оленя или козла или изъ тетеревиныхъ перьевъ на шляпахъ, и въ названіяхъ улицъ то и дѣло слышится имя то Bach какого-нибудь, то Berg, то Wiese, а то вотъ и просто улица «Гвоздики» или улица «Луннаго Свѣта»... И на одной окраинѣ городка вздымается скала съ остатками старой крѣпости, крутая и упрямая, какъ штирійцы. Здѣсь разыгралась нѣкогда сценка, напоминающая исторію на Поклонной Горѣ: и здѣсь былъ Наполеонъ, и здѣсь такъ же, какъ предъ Москвой, стоялъ онъ въ ожиданіи покорной депутаціи съ ключами отъ города и — такъ же ее не дождался. А еще раньше прошли этими мѣстами наши «добросовѣстные» съ Суворовымъ въ итальянскій походъ...

Двухъ старшихъ дѣвочекъ мы отдали тутъ, пока что, въ институтъ при монастырѣ урсулинокъ, но такъ какъ занятія начинались еще не скоро, то, оставивъ ребятъ въ гостинницѣ, мы пустились на розыски помѣщенія. О самомъ Грацѣ и думать было нечего — такъ тутъ все забито. Да мы и не думали, — хотѣлось, до переѣзда въ Константинополь, въ деревню, въ горы, въ лѣса. И вотъ побывали мы и въ Гудендорфѣ, и въ Глейхенбергѣ — тамъ видѣли мы огромное кладбище русскихъ плѣнныхъ, которые погибали тутъ массаами, тысячами отъ голодовки, тифа и диссентеріи, — и въ Лассницхѣ, и въ Фронлейтень. Нигдѣ ничего не было, а если гдѣ что и находилось, тамъ нельзя было получить необходимаго разрѣшенія на прожитіе. И какан скудость сказывалась во всемъ на каждомъ шагѣ!... Яйца, напримѣръ, здѣсь страшная рѣдкость и потому всякій, кто можетъ, старается обзавестись хотя одной курицей, а такъ какъ курочкѣ хоть изрѣдка да нужно же погулять, покопаться на свободѣ, то иногда и видишь, какъ хозяйка несетъ свою курочку подмышкой за городъ. И вотъ курочка гуляетъ, а та сидитъ, пасетъ ее, стережетъ пуще глаза... Бѣдные люди!... И какое бѣдствіе смотреть на васъ со страницъ каждой газеты, изъ отдѣла этихъ безчисленныхъ обвиненій! Вотъ одинъ предлагаетъ смокингъ съ жилетомъ въ обмѣнъ на бѣлую муку, другой ищетъ курицу въ

обмѣнъ на керосинъ, третьему нуженъ керосинъ, за который онъ предлагаетъ за каждый литръ по четыре свѣжихъ куриныхъ яйца, четвертый предлагаетъ 800 таблетокъ сахара и нѣкоторую доплату въ обмѣнъ на поношенное дѣтское платье и на старыя игрушки, а вотъ, какъ вѣнецъ всего, въ отдѣлѣ брачныхъ объявленій ein nettes Mädchen ищетъ, за кого бы ей выдти замужъ, и какъ на высшую приманку свою указываетъ на то, что у нея есть — своя квартирка!... И всѣ эти бѣдствія — результатъ дѣятельности не социалистовъ уже, а «государственно-мыслящихъ» правительствъ съ ихъ проклятой политикой и войной...

Наконецъ, мы обрѣли великолѣпную квартиру у одного бывшаго австрійскаго фельдмаршала, который былъ теперь не у дѣлъ, безъ всякихъ средствъ и всю черную работу по своей роскошной виллѣ дѣлалъ самъ, своими руками, вмѣстѣ со своей непривыкшей къ такому труду Hochwohlgeborene. Онъ былъ въ Россіи, знаетъ большинство изъ нашихъ теперешнихъ правителей лично и — зеленой ненавистью ненавидитъ поэтому евреевъ. Въ самый разгаръ нашей революціи старый фельдмаршалъ бесѣдовалъ съ какимъ-то изъ петроградскихъ комиссаровъ. Тотъ увѣрялъ его, что еще недолго, и тоже будетъ и въ Австріи. Фельдмаршалъ смѣялся: нашъ народъ слишкомъ уменъ для того, чтобы пуститься на такія глупости...

— Aber der jüdische Hund hatte Recht! — злобно воскликнулъ старый воинъ. — И мы пошли тою же дорогой, и у насъ во главѣ нѣмецкой и католической Австріи стали жидаы!...

Реакція здѣсь уже началась. И, когда пробьетъ ихъ часъ, фельдмаршалы еще покажутъ себя этимъ «еврейскимъ собакамъ», которые засѣли во дворцы, а ихъ заставили копаться въ огородѣ и разводить куръ. А пока старый воинъ и куроводство поставилъ у себя на военную ногу. Всѣ куры у него имѣли имена: Аннушка, Пеперль, баронесса и т. д., только по командѣ являлись, чтобы получить изъ рукъ фельдмаршала нѣсколько зеренъ кукурузы и, получивъ кормъ, по командѣ же удалялись. Старикъ, видимо, все же не унывалъ... На выборахъ

соціалісты уже провалились и побѣда осталась за Christlich-sozial, которыхъ у насъ совершенно не точно называютъ «христіанскими соціалистами», ибо это партія буржуазная и по программѣ своей близка къ кадетамъ, сказалъ бы я, если бы можно было точно установить, что это за штука такая теперь русскій кадетъ. Есть признаки реакціи и среди рабочихъ мѣстами: только на дняхъ, на примѣръ, рабочіе двухъ огромныхъ предпріятій подъ Вѣной, соціализировавшіе эти предпріятія, постановили возвратить фабрики хозяевамъ: за первый же мѣсяцъ соціалистическаго управленія фабриками дѣло дало 25 000 000 убытка, предпріятію грозило банкротство и десяткамъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ въ нихъ, и ихъ семьямъ жестокая безработица и голодъ! Я думаю, что пестренькая съ хохолкомъ Appuschka скоро должна будетъ разстаться со своимъ фельдмаршаломъ...

Да и раньше, въ то время, какъ въ Вѣнѣ разыгрывалась «Великая безкровная австрійская», здѣсь, въ Штиріи, революціонный подъемъ былъ не Богъ знаетъ, какъ ужъ высокъ. Ознаменовать великое событіе, конечно, надо было и вотъ градчане долго ломали голову, какъ это сдѣлать: закрыть всѣ предпріятія и общественныя учрежденія на весь день или же только съ обѣда? И рѣшили, что достаточно будетъ поторжествовать и побалбесничать и съ обѣда. Это очень характерно для здѣшнихъ настроеній и недаромъ лишь на очень немногихъ вывѣскахъ затерты контрреволюціонныя буквы К. К. — Kaiserlich - Königlich, — огромное большинство откровенно пренебрегло этой революціонной формальностью. Но тѣмъ не менѣе идиотовъ и здѣсь тоже довольно значительное количество. На дняхъ, по словамъ мѣстной Tagespost, всѣ здѣшніе Карлы праздновали свои именины. Трое рабочихъ, изъ которыхъ одинъ былъ Карль, пошли въ кабачокъ и подняли свои стаканы: «Heil Karl!» Сидѣвшіе за стѣной товарищи всполошились: «какъ? Открытая уже контрреволюція? Уже пьютъ за здоровье бывшаго императора? Ножъ въ спину?» Преступники были пойманы съ поличнымъ, и имъ былъ предложенъ выборъ: или оставить фабрику, которую они поганяютъ своимъ контр-революціоннымъ присутствіемъ,

или же «добровольно» уплатить товарищамъ штрафъ. Зима была на носу, безработица не улыбалась и бѣдняки уплатили своимъ революціонно-настроеннымъ товарищамъ: одинъ — 600 кронъ, другой — 500, третій — 200 (Tagespost, 9 Ноября 1920 г.). А, уплативъ, вѣроятно, съ какимъ аппетитомъ воскликнули они: «Neil Karl!», ибо прежде всего нестерпимо господство этихъ идиотовъ...

А это развѣ не красота, этотъ фактъ, только что опубликованный штирійскими газетами? На дняхъ въ Грацѣ судился одинъ полицейскій за нарушеніе дисциплины и за грубость по отношенію къ начальству. Судья спросилъ подсудимаго, какъ и почему обругалъ онъ своего начальника.

— Я назвалъ его монархической башкой (Monarchisten-schädel), — отвѣчалъ тотъ.

— Что вы подъ этимъ подразумѣваете?

— Это человѣкъ, который стоитъ за порядокъ...

— Такъ что вы думаете, что всякій гражданинъ, который стоитъ за порядокъ и спокойствіе, есть монархистъ?

— Разумѣется!...

Мы думали, что такіе діалоги возможны только въ Рязанской республикѣ или въ Азербейджанѣ, — какъ видите, мы ошибались...

Квартиру намъ фельдмаршалъ сдавалъ за безцѣнокъ, но взять ее мы не рѣшились: отопленіе этихъ огромныхъ покоевъ стоило бы теперь цѣлое состояніе, — хотя чего-чего, а лѣсовъ-то въ Штиріи хоть отбавляй...

Мы рѣшили переѣхать пока что въ Лассницхѣа, въ отель-пансіонъ, и оттуда уже спокойно искать то, что намъ нужно. А Люсю и Леночку мы оставили уже въ монастырѣ. Если не считать той, первой, страшной разлуки съ Мирушей, которая покинула меня навсегда, это была первая моя разлука съ дѣтьми. Дѣвочки были оживлены, радостно взволнованы этой первой крупной перемѣной въ ихъ жизни, а у меня грустно было на душѣ и на глаза просились слезы... Мы привезли ихъ въ монастырь и монахини, ласковыя и привѣтливыя, повели насъ показывать весь институтъ. Онъ во всемъ и значительно уступалъ хотя-бы нашему московскому Алек-

сандровскому институту, который я тоже осматривалъ, желая помѣстить туда дѣвочекъ, но осмотръ произвелъ все же очень пріятное впечатлѣніе: все просто, все чисто, все ладно. И, крѣпко расцѣловавшись съ дѣвочками, я въ первый разъ въ жизни оставилъ ихъ однихъ среди чужихъ людей...

А мы всѣ поѣхали въ Лассницхѣа. Клоповъ тутъ не было, но продовольствіе было чрезвычайно скудно. Тяжелый недостатокъ сказывался рѣшительно во всемъ. Это тѣмъ болѣе было нелѣпо, что прелестныя, холмистыя окрестности, густо заселенныя чистенькими, культурными хуторками, прямо поражали своимъ плодородіемъ. Все это, въ сущности, былъ одинъ сплошной, безбрежный садово-огородъ, лишь мѣстами прерывающійся бережными перелѣсками и тучными полями. Всюду, куда ни пойдешь, на десятки верстъ тянутся яблони, груши, сливы, густо обвѣшанныя плодами и рѣшительно ничѣмъ не огороженные. Я подумалъ сперва, что это полное отсутствіе всякихъ загражденій объясняется исключительной честностью штирійцевъ, но наша Маня проще разъяснила дѣло:

— Да кому же тутъ воровать и зачѣмъ, когда всего у всѣхъ такъ много?

Это совершенно правильно, но въ то же время честность штирійцевъ остается внѣ всякаго сомнѣнія. Я самъ видѣлъ объявленіе по дорогѣ: потерявшаго бумажникъ тамъ-то просятъ явиться за нимъ туда-то. Здѣсь чудомъ сохранился старый нѣмецкій духъ. И поздно вечеромъ я гулялъ самыми пустынными дорогами совершенно одинъ и ни разу ни одна тревожная мысль не омрачила моего спокойствія. А какъ это много въ наше исключительно дурацкое время!...

И курьезно отмѣтить: я исходилъ тутъ всѣ окрестности и у крестьянъ не видалъ я буквально ни единой изгороди: поля, лѣса, сады, огороды и даже усадьбы — нигдѣ ни одного забора. Разъ только на лѣсной опушкѣ нашелъ я маленькую вывѣску, что входъ въ этотъ лѣсъ воспрещенъ, но оказалось, что въ лѣсу, по полянамъ, произведена посадка молодняка и эта единственная вывѣска оберегала его отъ порчи невнимательнымъ рото-

аѣмъ. Но грацскіе буржуазы, быстро застраивающіе этотъ прелестный уголокъ своими дачами и виллами, усиленно отгораживаются отъ міра и живыми изгородями, и желѣзными рѣшетками, и каменными заборами... Что ни говори, а замѣчательно и наводитъ на размышленіе!...

Но мнѣ все же не особенно нравилось это мѣстечко: слишкомъ ужъ оно заселено густо! Всякая прогулка тутъ превращалась для меня въ тоскливое метаніе между этими чистенькими, бѣленькими, уютными хуторками. Тутъ всюду и вездѣ чувствовался человѣкъ и никакъ нельзя было уйти отъ него. И я вынужденъ былъ всегда дожидаться тѣхъ тихихъ вечернихъ часовъ, когда жизнь вамираетъ и, усталый за день въ трудахъ, человѣкъ прячется. И я выходилъ тогда побродить...

И идешь тихонько пустѣющей дорогой, которая причудливо вьется среди этихъ позолоченныхъ спускающимся за горизонтъ солнцемъ холмовъ, и рдѣютъ въ тучныхъ огородахъ тяжелыя тыквы, и какъ часовые стоятъ гигантскіе — до $1\frac{1}{2}$ саженъ ростомъ! — подсолнухи, и безчисленныя рати фруктовыхъ деревьевъ вабѣгаютъ на холмы, спускаются въ затулятыя нѣжной дымкой тумана долины, неожиданно встаютъ среди лѣса на уединенной полянѣ. И все время хрустятъ подъ ногами спѣлыя яблоки и груши, — ихъ столько, что не успѣваютъ убирать! Сперва моему хозяйственному, кулацкому сердцу было жаль, что пропадаетъ зря такая масса добра: вѣдь тысячи и тысячи свиней можно было бы откормить на этомъ даромъ пропадающемъ кормѣ, но, присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что всѣ эти тысячи раздавленныхъ фруктовъ обсыяны безчисленными роями пчелъ, которые, за отсутствіемъ въ эту пору цвѣтовъ, усиленно, до поздней ночи собирали этотъ сладкій сокъ въ свои теплыя, душистые ульи. Тоже, значить, кулаки...

! Вотъ тянется навстрѣчу мнѣ нѣсколько большихъ возовъ съ яблоками, запряженныхъ крупными палевыми штирійскими волами, прелестными животными, сильными и кроткими. Рядомъ съ ними шагаютъ ихъ хозяева, крестьяне, въ своихъ круглыхъ шляпахъ, опоя-

санныхъ ярко-зеленой лѣтой и украшенныхъ сади традиціоннымъ Gamsbartl. Отъ угла усатаго рта виситъ внизъ огромная, часто потухшая, трубка. Лица простыя, тихія, честныя, на которыя пріятно смотрѣть, и потому на тихо обрonnenное «Grüß Gott!» съ удовольствіемъ отвѣчаешь ласково: «Grüß Gott!». Обозъ прошелъ, но долго стоитъ еще надъ тихой и теплой дорогой упоительно-сладкій аромать яблоковъ... Вотъ ѣдетъ хорошенкій желтенькій кабріолетъ, запряженный парой не крупныхъ, но ладныхъ лошадокъ съ аккуратно подстриженными гривками и короткими хвостами. Въ кабріолетѣ двое — одинъ, повидимому, мѣстный, некрупный землевладѣлецъ, — конечно, съ кисточкой, — а другой, постарше, офицеръ, судя по лицу, его родной братъ, ѣдущій, вѣроятно, домой на побывку. И тиха ихъ бесѣда, и тихи ихъ простыя, хорошія лица, и тихъ этотъ золотной закатный часъ.... А вотъ по боковой тропинкѣ медленно, обнявшись, уходитъ въ уже затканный сумерками перелѣсокъ парочка влюбленныхъ...

Изъ-за дальнихъ холмовъ, на востокѣ, тамъ, гдѣ лежитъ необъятная, необъятно-несчастливая теперь Россія, тихо поднимается круглая, огромная, красная, точно въ крови искупавшаяся, луна. Вокругъ совсѣмъ никого нѣтъ уже. Гдѣ-то въ лѣсной чащѣ, въ ущельѣ дико ухаетъ филинъ, другой отвѣчаетъ ему гдѣ-то далеко... Я прохожу мимо большого, хорошаго крестьянскаго двора. Густо, сытно пахнетъ дымкомъ, навозомъ, парнымъ молокомъ. Въ слабо-освѣщенномъ фонаремъ сараѣ слышно, какъ жуютъ коровы и какъ мѣрно цыркаетъ, пѣнясь, въ ведро молоко. У калитки, подъ развѣсистой грушей, въ лунномъ сумракѣ стоитъ, попыхивая трубкой, высокій, статный старикъ съ огромной бѣлой бородой.

— Grüß Gott!... — говорю я тихо.

— Grüß Gott!... — отвѣчаетъ онъ. — А славно прйтись такъ при лунѣ...

— Хорошо. И вообще у васъ тутъ хорошо...

— О, да... А откуда господинъ?

— Русскій. Изъ Москвы...

— О!.. — удивленно роняетъ онъ и даже трубку изо

рта вынимаетъ. — У меня двое сыновей были въ Россіи въ плѣну. Всю Сибирь проѣхали... И не нахвалятся: schönes Land!

— Да, хорошая страна. Вернулись благополучно?

— Слава Богу, дома теперь. Работаютъ...

Старикъ добросовѣстно старается говорить по-нѣмецки, но то и дѣло срывается на свой родной штирійскій діалектъ, который раньше не разъ ставилъ меня въ тупикъ въ разсказахъ «тѣснаго поэта», штирійца Петера Розеггера. Но теперь, въ эти тихіе лунные часы, моя бесѣда со старикомъ идетъ чудесно: если я не все понимаю, то все угадываю, что онъ говоритъ.

— Schönes Land!... — съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяетъ онъ. — И многіе изъ нашихъ, которые побывали въ Россіи, мечтаютъ возвратиться туда, какъ только всѣ эти ваши глупости кончатся... Очень радъ, что встрѣтилъ русскаго. Милости просимъ въ домъ — разопьемъ бутылочку добраго винца...

Но на островерхой колоколенкѣ въ тихой долинкѣ уже четко и чисто пробило семь.

— Спасибо, мнѣ пора домой... — отвѣчаю я. — Меня семья ждетъ къ ужину...

— А-а, ну, хорошо... Но когда пойдете мимо въ другой разъ, заходите непременно. Будемъ очень рады...

Мы сердечно жмемъ одинъ другому руки. И вотъ я снова одинъ на тихой лунной дорогѣ. Тамъ и сямъ уже свѣтятся сквозь деревья огоньки хуторянъ. Гдѣ-то звонко лааетъ молодая собаченка. Чуть видныя при лунѣ звѣзды, кажется, поютъ что-то торжественно-молитвенное чистыми серебристыми голосами. Вонъ Оріонъ, вонъ Большая Медвѣдица, а вонъ Полярная — тамъ, подъ ней, Россія, schönes Land, которую мы просмотрѣли, которую безжалостно огадили всю, и которая даже въ дни своего униженія и нищеты такъ плѣнила штирійцевъ, что кажется имъ она какою-то страной обѣтованной. И сколько, сколько встрѣчалъ и здѣсь такихъ влюбленныхъ въ Россію! И тѣспится въ груди вздохъ...

Вотъ перекрестокъ. Куча темныхъ группъ и яблонь. Подъ ними одно изъ безчисленныхъ здѣсь распятій. Крестъ со страдающимъ Христомъ, какъ всегда, весь завить лю-

бовно цвѣтами и зеленью. А предъ крестомъ, набожно склонившись, молится тихая, темная фигура. Заслышавъ мои шаги, пожилая крестьянка оборачивается на мгновѣніе, но тотчасъ же снова вся уходитъ въ тихую, ночную молитву — на перекресткѣ путей, въ лунномъ сіяніи, при торжественномъ пѣніи серебряныхъ звѣздъ. И какъ понимаю я ее — о, да, да будетъ благословенъ Господь, создавшій эту тихую, прекрасную, плодородную землю, гдѣ такъ упоительно пахнетъ яблоками, гдѣ такъ ласковы люди, гдѣ такъ звонко и чисто смѣются дѣти, вонъ тамъ, въ бѣломъ домикѣ, въ окнахъ котораго такъ привѣтливо, такъ уютно свѣтитъ яркій и теплый огонекъ...

И опять я иду одинъ, тихій, умиленный, не просящій въ эти моменты отъ жизни ничего, кромѣ того, что я уже имѣю. Вѣдь, эти тихія минуты одиночества среди темныхъ полей, подъ молитвенно поющимъ небомъ — огромное, извѣчное богатство...

.... Я никогда не забуду этихъ немногихъ прелестныхъ вечеровъ, которые я провелъ въ южной Штиріи. Это была прекрасная, животворная передышка. Но жизнь все же звала и нельзя было не идти. И необыкновенно трудны стали всѣ ея задачи. Вотъ приходитъ письмо отъ генерала Д., который только что проѣхалъ изъ Крыма въ Берлинъ. Онъ пишетъ, что бы я и не думалъ о переселеніи въ Крымъ съ семьей: не только квартиру, но даже и комнату одну тамъ найти совершенно невозможно. И онъ одинъ тратилъ въ день болѣе 25 000 р. Правда, то, что я имѣлъ теперь, при размѣнѣ на крымскую «валюту» превращалось что-то въ 15 000 000 р., но и этой астрономической суммы намъ хватило-бы все же не болѣе, какъ на полгода тамъ. И приходитъ письмо отъ генерала А. С. Лукомскаго, который рѣшительно не совѣтуетъ везти дѣтей на Принцевы острова. И приходитъ письмо изъ Парижа отъ В. И. Савицкаго, моего стараго пріятеля еще съ молодыхъ лѣтъ, по Лованнѣ, — онъ пишетъ, что изъ Крыма, изъ серьезныхъ источниковъ приходятъ отчаянныя, безнадежныя вѣсти: Врангеля, какъ и Деникина, тѣсно штурмуютъ шайка проходивцевъ и аферистовъ, которые губятъ его дѣло, что вся жизнь тамъ превратилась «въ какой-то палладіумъ

грабежа, взяточничества, предательства... Бѣдная Россія!..

И что дѣлать — неизвѣстно!..

XXIX.

Наконецъ, судьба благословила наши усилія удачей: въ маленькомъ, тихомъ Афленцѣ, пользуясь славою штирійскаго Давоса, среди лѣсистыхъ горъ, мы нашли, наконецъ, маленькую, уютную, хотя и нѣсколько запущенную квартирку у прелестнѣйшей пары старичковъ. Конечно, домикъ былъ изукрашенъ оленьими рогами, на стѣнахъ всюду благочестивыя изрѣченія, а изъ оконъ открываются прелестные виды на тихій городокъ — въ немъ всего 800 г. жителей! — съ красной черной колоколенкой и на манящія горы. Афленцъ очень похожъ на Кёнигсвартъ, но мѣстечко значительно красивѣе и, не опоганенное маріенбадскими кургѣстамн, населеніе здѣсь много пріятнѣе. А тишь, тишь какан кругомъ!..

И, пользуясь послѣдними погожими днями осени, расцвѣтившей эти чудныя горы пестрыми коврами, я съ первыхъ же дней, съ туристской картой въ карманѣ, началъ, въ ожиданіи того или иного рѣшенія моихъ крымскихъ проэктвъ, бѣгать по этимъ очаровательнымъ окрестностямъ, большею частью одинъ, но иногда и съ малышами, которые на радость мнѣ оказались великолѣпными, нестомчивыми ходоками: даже для крошечной, шестилѣтней Вѣруньки сдѣлать послѣобѣденную прогулку въ 10—12 километровъ рѣшительно ничего не стоитъ... И вотъ каменистыми горными тропинками, среди ароматносвѣжихъ лѣсовъ, бредешь потихоньку вдаль, — по преимуществу туда, на сѣверъ, гдѣ высится въ вѣковѣчномъ кружевѣ своихъ крутыхъ наломовъ массивная стѣна прекраснаго Hochschwab. Иногда оставишься, сядешь на старый пенъ и сквозь золотую раму уже пожелтѣвшихъ лиственницъ смотришь съ высоты въ голубыя долины и ущелья. Въ затихшемъ по осеннему лѣсу тихо переазаниваются синички, шуршитъ въ вершинѣ бѣлка, стучитъ дятель, гдѣ-то вдали жутко

кричить черный воронъ. А то изрѣдка поднимется въ какомъ-нибудь ущельѣ какой-то особенный, звонко-музыкальный грохотъ — то дровосѣки спускаютъ съ крутизны въ долину заготовленные ими бревна. Иногда глухо стукнетъ гдѣ-нибудь выстрѣлъ охотника за сернами и долго перекатывается эхо изъ одного ущелья въ другое. И немолчно шумитъ внизу серебристый Фельцъ, въ ледяныхъ изумрудныхъ омутѣхъ котораго прячется среди причудливаго нагроможденія камней пугливая красавица-форель.... И почти всякій разъ приходится мнѣ встрѣчать хорошенькихъ козочекъ и даже сернь — дичи тутъ вообще очень много...

И всюду среди горъ, далеко одинъ отъ другого, разбросаны по высотамъ эти одинокіе, уютные хуторки. Невозможно описать всей прелести этихъ уединенныхъ жилищъ человѣческихъ!... Въ городахъ есть отдѣльные прекрасныя созданія человѣка — Кремль, Рингъ, Кельнскій соборъ и проч., — но въ цѣломъ, съ ихъ сумрачными закопченными окраинами, городъ всегда безобразенъ. Это какія-то злокачественныя язвы на прекрасномъ ликѣ земли. Но эти уединенныя бѣленькіе хуторки, украшенные оленьими рогами, съ нѣжнымъ султаномъ дымка въ утреннемъ воздухѣ надъ крышей, съ перезвономъ пащагося по лѣснымъ полянамъ скота, съ этимъ тихимъ трудомъ и сосредоточенными думами несказанно прекрасны. Можетъ быть, хотя въ старости судьба захочетъ побаловать меня и подарить мнѣ такой трехконный бѣленькій домикъ въ лѣсной пустынѣ среди голубыхъ ущелій и рокочущихъ потоковъ. Я мечталъ-было и здѣсь пріобрѣсти себѣ такое гнѣздышко, но увы, такое крестьянское хозяйство съ инвентаремъ, благодаря полному обезцѣненію кроны, дешевле полумилліона здѣсь уже не купишь...

Иногда съ малышами идемъ мы этими ухоженными полями, сытыми, хорошо обстроенными деревьями, берегами этихъ свѣтлыхъ потоковъ, то и дѣло обмѣниваясь со встрѣчными крестьянами пріятнымъ «Grüß Gott!». Послѣ страшной военной грозы эти трудолюбивые муравьи быстро оправляются: земля не устаетъ родить, скотина, пчелы, птица, человѣкъ быстро плодятся и

изобиліе у нихъ быстро нарастаетъ, въ то время, какъ красная стрекоза вотъ уже три года все поетъ бевзаботно на разныхъ *Sitzungaxъ* и *Versammlungaxъ* и не даетъ мужику фабрикатовъ, которыя ему нужно. А на бу-мажныя деньги продаетъ онъ теперь свои продукты чрезвычайно неохотно. И иногда дѣло доходить даже до курьезовъ. Такъ, недавно одинъ изъ крестьянъ сталъ уговаривать мою жену, покупавшую у него свеклу, не брать ее, ибо это чрезвычайно ядовитыя овощи. Удивленная, та спросила, для чего городить онъ такой вздоръ. Тотъ сперва смутился, а потомъ разсмѣялся:

— Это я для того, чтобы вы не покупали... — сказалъ онъ. — Не хочется мнѣ продавать овощей...

Идемъ. Вдругъ: что это такое? Ба, цѣлое поле рѣпы! Это не наша русская желтая душистая рѣпа, эта больше похожа на брюкву, бѣломая, болѣе прѣсная, но все же рѣпа... И всѣ мы томимся сладостнымъ искушеніемъ полакомиться этимъ чудеснымъ деревенскимъ фруктомъ, какъ, бывало, томился я сорокъ лѣтъ тому назадъ, крошечный мальчугашка, среди родныхъ булановскихъ полей. И не выдерживаемъ: Левка беретъ у меня нѣсколько кронъ и, нисколько не стѣсняясь своего курьезнаго нѣмецкаго языка, идетъ къ крестьянамъ и возвращается съ цѣлымъ пучкомъ рѣпы. Мы тотчасъ же начинаемъ уписывать ее. Рѣпа очень хороша, сочна, душиста, но какъ будто все-таки не такъ вкусна, какъ сорокъ лѣтъ назадъ: должно быть, выродилась. А ребята блаженствуютъ. И Левка впадаетъ вдругъ въ дѣловой тонъ:

— А я заходилъ на почту, папъ... — говоритъ онъ. — Но барышня говоритъ, что разноска писемъ бываетъ только послѣ обѣда, а утромъ выдаютъ только зельтены.

— Что такое? Что выдаютъ утромъ?!

— Зельтены.

— Какіе зельтены?!

— Не знаю. Она такъ и сказала: *nur selten*... — хрустя рѣпой, говоритъ онъ. — Я не знаю, что это такое...

А Вѣрунька все никакъ не справится на ходьбѣ со своими отростающимъ косичками, которыя все лѣзутъ ей въ глаза, но которыми она очень гордится.

— Да давай я тебѣ остригу ихъ опять... — говорю я и прибавляю, шутя: — Я тебѣ сто кронъ дамъ за это...

— А какихъ кронъ: чешскихъ или австрійскихъ? — серьезно спрашиваетъ крошка и тутъ же рѣшаетъ: — Нѣтъ, и милліона не возьму! Я хочу, чтобы были косички...

Иногда гдѣ-нибудь на солнечномъ проселкѣ или на крутомъ изгибѣ горной тропинки, среди скалъ встрѣчаемся мы съ небольшою компаніей альпинистовъ: обвѣтрившія, закопѣлыя лица, — видимо, ночь провели у костра, — голыя колѣнки съ царапинами и синяками, за плечами увѣсистые рюкзаки, въ рукахъ длинные альпенштоки. И мы обмѣниваемся дружелюбными, немножко смѣющимися взглядами, угадывая одни въ другихъ людей, опьяненныхъ одной и тою же страстью.... Рѣдкій номеръ газеты не приноситъ извѣстія о какомъ-нибудь несчастіи въ горахъ, но эти увѣчья, эти смерти никого не пугаютъ и снова и снова, преодолевая тысячи тяжелыхъ лишений, тысячи и тысячи смѣльчаковъ, опьяненные высотой, штурмуютъ эти крутизны, гдѣ пышно цвѣтетъ кровавый рододендронъ, густосиній энціанъ и холодный, бархатно-бѣлый эдельвейсъ... Какъ понимаю я ихъ, этихъ дѣтей цивилизаціи, рвущихся въ горы!... Но не мало среди нихъ, впрочемъ, и пустыхъ снобовъ: въ гористыхъ странахъ вездѣ существуетъ свой, альпійскій снобизмъ. У такого сноба не красота горъ на первомъ мѣстѣ, а то, что вотъ онъ «сдѣлалъ Хохшвабъ» въ 4½ часа и т. п. Великолѣпно обрисоваль въ трехъ словахъ такихъ снобовъ Ницше: «нагрузится, какъ осель, потѣетъ и несется къ вершинамъ, — ему забыли сказать, что вокругъ него прекрасные виды...» А если и вспомнить, то остановится на мгновение, скажетъ обязательное «wunderschön!» или «wie poetisch!» и — дальше...

И этотъ десятокъ верстъ въ горы даютъ прекрасный аппетитъ и крѣпкій сонъ, а это вызываетъ приливъ жизненной энергіи и желаніе хорошо поработать, а удачная работа вызываетъ новый подъемъ энергіи и далекая, голая, крутая вершина Хохшваба кажется легко доступной...

На праздникъ Всѣхъ Святыхъ въ нашъ уединенный

доми́къ буйно ворвались наши милыя монастырки. То-то разсказовъ, то-то оживленія, то-то смѣха!... И то, что въ монастырѣ, называется «у насъ», а то, что дома, называется «у васъ», — этимъ подчеркивается своя, еще необношенная самостоятельность, хочется блеснуть ею, поразить воображеніе великолѣпіемъ этой свободы и отдѣльной жизни. И шумъ, и гвалтъ, и прямо голова пухнетъ. И Люся совсѣмъ довольна новой жизнью, а Леночка все еще двоится и не прочь остаться и дома, гдѣ все же теплѣе. Люся ведетъ въ монастырѣ ярко-національную политику, заключаетъ дружественные союзы съ нѣмцами, объявляетъ войну какимъ-то «противнымъ кроаткамъ», которыя настолько зазнались, что позволили себѣ неуважительно отозваться о Россіи, и всячески возвеличиваетъ свою родину, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы прихвастнуть немного. Леночка же совсѣмъ еще чужда этимъ волненіямъ. Во время нашихъ прогулокъ я замѣчаю, что Люся совершенно равнодушна къ красотамъ природы, а Леночку, какъ ребенка, занимаетъ рѣшительно все: большая сосулька, сучокъ, похожій на осла, кролики, но за то Люся пишетъ уже большой романъ съ трагической развязкой, который она никому не показываетъ, однако. И я слушаю ихъ, чувствую ихъ и сознаю, какъ я уже старъ. Да, не одна рѣпа выродилась за эти сорокъ лѣтъ!...

XXX.

XXXI.

И вотъ, наконецъ, дверь въ Россію открылась: изъ Константинополя пришло отъ генерала А. С. Лукомскаго письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что хлопоты его увѣнчались успѣхомъ и французы даютъ мнѣ помѣщеніе и даже паекъ для всей семьи на островѣ Халки и что я

могу теперь выехать въ Крымъ на работу. Осталось только закончить дѣло съ губернаторомъ Б. по покупкѣ имъ у меня части паевъ, но онъ тянулъ, тянулъ, тянулъ, видимо, только благируя съ жиру, и въ концѣ концовъ прислалъ письмо, что денегъ у него пока нѣтъ и не предвидится. И вдругъ изъ Константинополя снова телеграмма: «задержите свой отъѣздъ». Красные перебросили въ Крымъ съ польскаго фронта всѣ силы, состояніе тамъ было напряженное и, какъ будто, нѣсколько даже опасное, несмотря на всѣ заявленія, что Крымъ превращенъ въ «неприступную крѣпость» и что «союзники не допустятъ». Прошло нѣсколько дней и изъ газетъ уже я узнаю, что Врангель съ остатками своей арміи въ — Константинополь!

Теперь дверь въ Россію крѣпко захлопнулась и — защемило сердце: вѣроятно, не скоро пріоткроется теперь она для насъ! Наши надежды, что русскій — а, можетъ, даже и всеевропейскій, — кризисъ скоро разсосется и мы скоро будемъ въ состояніи вернуться домой, оказались наивными, если даже не глупыми надеждами. Совершенно ясно, что, если вся эта передрыга и не дастъ измученнымъ людямъ земли обѣтованной, какъ увѣряли ихъ пустые болтуны и проходимцы, то все же процессъ этотъ очень глубокій и настолько длительный, что, можетъ быть, мы и не увидимъ его завершенія. И потому надо готовиться къ долгимъ годамъ изгнанія, къ новымъ катастрофамъ, къ новымъ бѣдствіямъ и, можетъ быть, и къ — гибели, жестокой и безсмысленной...

Но какъ же готовиться? Что дѣлать? Какъ спасти семью, какъ спасти себя въ этихъ сумасшедшихъ условіяхъ? Самое правильное было бы, несомнѣнно, пріобрѣсти себѣ въ тихомъ уголкѣ клочокъ земли и заняться ховайствомъ, но съ моими средствами объ этомъ и мечтать нечего. Всякое же другое дѣло и очень непрочное въ условіяхъ момента, и невозможно и представить себѣ, невозможно описать, какъ трудно дѣлать теперь въ Европѣ что-нибудь!.. Всѣ точно ополоумѣли, никто ничего не желаетъ дѣлать, безчестность, отсутствіе дѣловой дисциплины необычайныя, время и силы уходятъ не на дѣло, а на то, чтобы подходить къ дѣлу, защищать его,

бороться за право труда. Всѣ стали безстыжими, всѣ обнаглѣли, всѣ стали жестоки и непорядочны... Ты погибнешь? О, совершенно наплевать!.. Суровы теперь уроки жизни и какъ лживы кажутся въ этомъ новомъ свѣтѣ ея тѣ «великіе завѣты», которые нѣкогда составляли сущность нашей литературы и которымъ я такъ глупо отдалъ столько лѣтъ вмѣсто того, чтобы вооружаться въ эти годы до зубовъ противъ милѣйшихъ братьевъ людей!...

И проклятая отрыжка эта и до сихъ поръ не даетъ покоя и мучить, до сихъ поръ зудитъ душа гражданскимъ зудомъ, до сихъ поръ не могу я смириться: то напеча-таешь — конечно, бесплатно!... — открытое письмо Боячу съ упреками, что они, которые раньше все же были идейными революціонерами, чистыми людьми, спустились до всей этой гадости, кровопролитія, подкупа, поддѣлки кредитокъ и проч., то въ статьѣ, посвященной дѣятельности знаменитаго революціонера — чтобы чортъ ихъ всѣхъ побралъ! — Бориса Савинкова, деликатно указы-ваешь ему на его промахи, — — — — —

— — — — — то напишешь травимому со всѣхъ сторонъ П. Н. Врангелю. Кстати, долженъ покаяться: я толкалъ его раньше вправо, но, какъ показало время, онъ былъ правъ: какъ скажетъ Россія, такъ тому и быть. Это правильнѣе, ибо вправо аппетиты акулы, бездар-ность полѣзна и злоба аспиды... — — — — —

— — — — — Словомъ, заботъ всякихъ масса, но — нѣтъ заработка, нѣтъ помощи ни откуда, и травить мартовская пресса безъ всякаго стыда, и таютъ деньги, и нѣтъ въ домѣ то муки, то сахару, и сидятъ ребята безъ молока и на все это убожество надо по меньшей мѣрѣ 1000 кронъ въ сутки, и стоитъ въ воздухѣ опредѣленно гроза, тѣмъ болѣе страшная, что будетъ она безрезультатна. Спасеніе наше въ напряженнѣйшемъ трудѣ, въ страшной дисциплинѣ, во взаимопомощи, но за все это васъ ругаютъ «Monarchistenschädel» и людямъ хо-чется продолжать бездѣльничать, своевольничать, жадно

проживать свою жизнь только для себя — подъ этимъ они разумѣютъ социализмъ — и, конечно, въ пропасти намъ всѣмъ быть.

И обманчива здѣшняя тишина и благообразіе: и здѣсь въ народѣ идетъ какое-то тяжелое моральное разложеніе — нѣтъ прежней честности, нѣтъ прежняго трудолюбія, нѣтъ прежней крѣпости въ укладѣ семейной жизни. Всѣ точно рукой на все махнули. Нравы стали здѣсь весьма свободны и большинство дѣвицъ въ крестьянскихъ семьяхъ приносятъ до брака по трое, четверо дѣтей. Мужикъ не особенно сердится на это и даже придумалъ характерную, хотя и глубоватую поговорку: *da Mistahauf und da Kindahauf is ba an Bauernhaus pia grob gnuu**). Если это лишніе рты сперва, за то и лишніе работники потомъ. И когда я спросилъ одного священника, какой изъ наиболѣе распространенныхъ здѣсь тяжелыхъ грѣховъ, если судить по исповѣди, онъ безъ колебанія отвѣчалъ: преступное сожитіе между братьями и сестрами — кровосмѣшеніе...

Жизнь становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Облетаютъ, какъ осеннія листья, послѣднія иллюзіи и даже трудъ превратился въ какую-то тяжкую, полную безнадежной тоски, безуспѣшную борьбу за право на трудъ. И потому настроеніе тяжелое. И безотрадная дума не покидаютъ усталой головы и иногда хочется просто «возвратить билетъ» режиссеру — право, онъ довольно безтолковъ!... — этой слишкомъ длинной трагикомедіи. Но дѣти, дѣти! И встаетъ суровый отвѣтъ: да вѣдь онѣ милы только теперь — еще нѣсколько быстрыхъ лѣтъ и они превратятся въ людей, пошлыхъ, злыхъ, лживыхъ, какъ и творцы современнаго Бадлама. Такъ, но все же не чувствуешь за собой права уйти отъ нихъ — смѣшно сказать, но у человѣка даже права на смерть нѣтъ!...

Я шель среди прекрасныхъ высокоствольныхъ пихтъ. Сквозь просвѣты лѣса впднѣлось мѣстами чистое небо,

*) Куча навоза на дворѣ и куча дѣтей въ домѣ мужику всегда малы.

похожее на кусочки голубого атласа, мѣстами нагроможденіе дикихъ скалъ, мѣстами затянута нѣжной дымкой долина, а иногда и великанъ Хохшвабъ, вѣнчанный серебряной короной. И упоительно пахло хвоей и свѣже выпавшимъ снѣгомъ... И вдругъ навстрѣчу мнѣ, вижу, идетъ, похрустывая снѣгомъ подъ ногами, молодая, лѣтъ тридцати женщина, съ тихимъ миловиднымъ лицомъ, — одна изъ тѣхъ легочныхъ, которыя бѣгутъ сюда, на высоту, въ безумной надеждѣ найти исцѣленіе. Я приподнялъ шляпу, она посмотрѣла на меня голубыми тоскующими глазами и, слегка наклонивъ въ поклонѣ голову, прошла. Ея слѣды, мелкіе и четкіе, причудливо вились среди старыхъ деревьевъ и вдругъ остановились у сѣраго деревяннаго столика со скамейкой, сдѣланнаго для привала такимъ больнымъ. И на скамьѣ, и на столѣ лежали ровныя, бѣлыя, пахучія подушечки свѣжаго сѣнга и по снѣгу стола было осторожно пальцемъ выписано:

Wer ist glücklich?

Это въ тихой грустной думѣ только что написала, конечно, моя незнакомка съ больною грудью, съ надломомъ въ душѣ и съ печалью въ глазахъ. Далеко была отъ насъ кровавая свалка міра, его безтолочь, алоба, ложь, вокругъ только прекрасныя горы, небо чистое, тишина, но — безыадежно отравлены наши души чѣмъ-то роковымъ и нѣтъ, нѣтъ отвѣта на безмолвный вопросъ больного человѣка среди задумчивой тишины лѣса:

Wer ist glücklich?

XXXII.

Бѣшенными бурями крутится человѣческая жизнь: гигантская Россія вся въ крови и огнѣ, но, несмотря на «опытъ» ея, вотъ поднимаются «коммунисты» въ Чехіи, — ихъ быстро успокаиваютъ, но тотчасъ же начинаютъ они свою игру въ Германіи; справляются съ ними и тамъ, но они опять не унываютъ и на русское волото ведутъ свой дьявольскій хороводъ все дальше и дальше. Недавно мнѣ пришлось быть по дѣламъ въ Вѣнѣ и мой

старый пріятель, Dr. Яромир Долежалъ, этотъ добродушный и гостепріимный чехъ, — «я тоже сейчасъ буду начинать сердиться!» — говорить онъ въ горячую минуту, предупреждая, — уговорилъ меня пойти съ нимъ на русскій концертъ, который давался у нихъ въ Чешскомъ домѣ. Съ большой неохотой я пошелъ: надоѣло все это! Большой залъ набитъ биткомъ: много бритыхъ еврейчиковъ въ смокингахъ, но мелькаютъ и косоворотки. Осточертѣвшее «товарищъ» виситъ въ воздухѣ. Настроеніе приподнятое. Предъ началомъ концерта нѣсколько человѣкъ потребовали исполненія интернаціонала, а по залѣ всюду отважно разгуливали господа съ красной пятиконечной звѣздой Москвы на лацканѣ. Не унываютъ, дѣйствуютъ и весь ужасъ-то въ томъ, что все это такіе же коммунисты, какъ и всѣ мы, даже меньше: я, напримѣръ, хотя понять могу чистаго коммуниста, а эти лощеные молодчики въ смокингахъ будутъ издѣваться надъ нимъ и съ наглымъ смѣхомъ распнуть его... И поднимается, купаясь въ крови, Кронштадтъ, и кипитъ кровью далекая Сибирь, и безстыдно и нагло ликвидируютъ французы Врангеля въ Константинополѣ, и мечутся миллионы людей по землѣ, какъ отравленныя крысы. И среди этихъ безумныхъ бурь все встаютъ какія-то маленькія фигурки, которыя хотятъ что-то дѣлать, куда-то эти водопады страстей направить, чего-то своего тутъ достигнуть: монархисты разсылаютъ смѣшные «вопросы, обращенные къ русскимъ людямъ», бывшіе учредители земли Русской хотятъ править Россіей изъ Парижа и Черновъ дѣлаетъ величественные жесты, и Милюковъ кроитъ снова страшное мартовское лицо, и полковникъ К. М. Оберучевъ, павѣстный эсъ-эръ, уговариваетъ меня въ письмѣ не быть погромщикомъ, — какимъ я никогда не былъ! — напоминая, что всѣ мы, вѣдь, христіане, всѣ, даже эсъ-эры, даже тогда, когда они швыряли бомбу въ дѣтей Столыпина на Аптекарскомъ проспектѣ, и я грозно осаживаю въ газетахъ учредиловцевъ, отказываясь признать въ нихъ представителей русскаго народа, и какой-то газетчикъ Петръ Рыссъ издѣвается надо мной, защищая учредиловцевъ отъ меня, «бывшаго человѣка», и проч. И всѣ мы, грывающіеся, въ отличіе

отъ большевиковъ, называемъ себя «государственно-мыслящими», но никто, никто изъ насъ толкомъ ничего не знаетъ и всё тупо тычутся во всё стороны, какъ слѣпые кутята!

И стоитъ только чуть попристальнѣе взглядѣться во всю эту міровую склоку, вѣзототъ необъятный сумасшедшій домъ, какъ начинаешь чувствовать, что умъ твой мутится и холодный ужасъ сжимаетъ сердце. И какъ понимаешь въ такіе моменты бѣднаго, тихаго Душана Петровича Маковицкаго, съ которымъ мы такъ дружелюбно встрѣчались нѣкогда въ «Ясной Полянѣ» и который вырвался недавно изъ ада совѣтской Россіи для того только, чтобы — повѣситься у себя дома, въ Словакии!.. Говорять, передъ смертью бѣднякъ не разъ говорилъ, что вотъ они вырвались изъ горящаго дома и попали въ болото, гдѣ никто ихъ не понимаетъ, гдѣ никому они не нужны.... Какъ понимаю я тѣхъ русскихъ мужиковъ, о которыхъ рассказали здѣсь только что газеты: цѣлыхъ двѣ деревни, со стариками, съ маленькими дѣтьми, собрались вмѣстѣ и сожгли себя живьемъ. Этотъ огненный выходъ изъ жизни ужасающая вещь, но видно, для простыхъ, запуганныхъ смрадомъ преступлений сердець этихъ жизней представлялась еще болѣе ужасной, чѣмъ этотъ огонь. И въ томъ-то весь и ужасъ, что они правы, тысячу разъ правы, ибо ужасна жизнь, ужасенъ человѣкъ!...

Вотъ зазеленѣли опять эти прекрасныя горы, и прилетѣли ласточки, и пышно зацвѣли опять заоблачныя пастбища, и, когда идешь, гуляя, этими долинами въ праздничный день, навстрѣчу, изъ горъ идутъ толпы усталыхъ, загорѣлыхъ людей съ веселыми лицами и на шляпахъ ихъ горнтъ золотые вѣнки изъ Petergstamm, растущаго на самыхъ непреступныхъ крутизнахъ, и всё ласково привѣтствуютъ тебя: *Grüß Gott!*, и густой аромать горныхъ цвѣтовъ этихъ долго и празднично стоитъ надъ тихимъ проселкомъ. Такъ было и въ 1914 г., но — ударили въ Вѣнѣ въ барабанъ и всё эти добродушные люди забыли о цвѣтахъ, о своихъ горахъ, о дѣтяхъ, и ринулись въ смрадниѣйшія преступления.

Теперь они, мучительно страдая, снова ищутъ забвенія въ своихъ горахъ, гдѣ на заоблачныхъ скалахъ благоухаетъ золотой Petergstamm и рѣдкій, красивый, упоительно пахучій Kohlrrössl, и прячется бархатно-бѣлый эдельвейсъ, но — настроеніе здѣсь очень тревожное, въ за-втрашній день никто не вѣритъ и каждое мгновеніе ласковое Grüß Gott можетъ смѣниться тутъ безмысленными проклятіями и кровью. Обманъ и это милое Grüß Gott, и эти островерхія колоколенки, съ которыхъ такъ нѣжно поетъ въ закатный часъ Angelus, и эти тихіе, спрятавшіеся по лѣсамъ хуторки, все обманъ... И прекрасно сказало болгарское книгоиздательство «Животъ», издавшее недавно двѣ моихъ книги, сборникъ старыхъ разсказовъ «Въ долину скорби» и романъ «Мене-текел-фаресъ», въ своемъ объявленіи объ этихъ книгахъ: «Мнозина, навѣрно, още съ прочитането заглавието на книгата, ще си спомнятъ и момента, въ който е било написано това пророческо заплашване. Днешниятъ мораленъ уровень на обществото навѣрно одавна е по-долу не отъ тоя на Вавилонъ, а подъ тоя на Содомъ и Гомора...»

Уйти отъ этой содомской жизни — единственная мечта моя, но мечта неосуществимая, ибо надо не только ѣсть, но и кормить цѣлыхъ шесть человѣкъ еще, а для того, чтобы кормить ихъ, надо, зажимуривъ глаза и крѣпко сцѣпивъ зубы, идти на поклонъ къ людямъ, чтобы съ величайшими усиліями вырвать у нихъ кусокъ хлѣба. Чтобы осуществить эту мечту, я чрезъ Оберучева написалъ письмо къ духоборамъ, прося ихъ помочь мнѣ переселиться въ Америку: жена, какъ врачъ, я, какъ учитель, могли бы быть полезны имъ, но духоборы, тѣ самые духоборы, которыхъ мы такъ превозносили за ихъ преданность Христу, которыхъ такъ защищали, которымъ посылали даромъ столько книгъ, не сочли нужнымъ даже отвѣтить! И полученіе 100 франковъ изъ дѣтскаго журнальчика «Зеленая Палочка» за очеркъ въ такихъ условіяхъ уже находка; какой-то молодой ловкачъ самовольно издаетъ на нѣмецкомъ языкѣ мои воспоминанія о Толстомъ и платитъ мнѣ, послѣ моего окрика, за нихъ 7000 кронъ, — т. е. по старому 30 р., — находка, болгары печатаютъ самовольно двѣ моихъ книжки и,

входя въ мое бѣженское положеніе, присылають мнѣ за нихъ 1000 левовъ, т. е. 40 р., — благодать! Милый И. А. Бунинъ выхлопатываетъ мнѣ гдѣ-то тамъ 700 frs. — спасибо, одинъ пріятель шлетъ изъ Калифорніи 10 ф. чудеснаго америкайскаго сахара, — спасибо, представитель русскаго Краснаго Креста въ Вѣнѣ, К. П. Шабельскій достаетъ какъ-то для насъ у американцевъ нѣсколько штукъ бѣлья, — спасибо! Такъ и бьемся... Задумалъ я организовать свое издательство и путемъ отбитыхъ на машинкѣ воззваній стать чрезвычайно наивно искать компаньоновъ, плѣняя ихъ, что мы будемъ посильно служить русскому «Граду Китежу», — такъ думалъ я назвать издательство, — спрятавшемся теперь отъ вражьей силы на дно Свѣтлояра: никакого результата, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, когда я также бесплодно искалъ сочувственниковъ для моей «Зеленой Палочки»! Богатая, «національно-мыслящая», «монархическая» эмиграція не пошла на дѣло, не отозвался ни единый человекъ — до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что изданіе русскихъ книгъ въ Вѣнѣ теперь чрезвычайно выгодно, благодаря низкому курсу кроны. Тогда нашлись и желающіе, и тотчасъ же взяли у меня за гроши мои «Записки о революціи» и фирменной маркой взяли мы виньеточку въ стилѣ старорусской иконки съ главками-луковками...

Дѣло пока что такъ на моей книгѣ и застряло и дальше не двигается, загадочное завтра жутко заглядывается въ окно, не спишь по ночамъ, глубоко тревожась за кусокъ хлѣба для ребятъ, и иногда ловишь себя на мысляхъ о томъ, какъ... хорошо сдѣлали испуганные жизнью русскіе мужики, испепеливъ себя и своихъ!

Мы же, компанія съ иконкой, думаемъ, что спасеніе наше въ возстановленіи монархіи. Но съ нами рѣшительно несогласны рабочіе сосѣдняго Капфенберга и Брука: когда недавно австрійскій императоръ Карлъ сдѣлалъ попытку снова воцариться въ Венгріи и, послѣ неудачи, возвращался мимо насъ снова въ Швейцарію, тысячная толпа рабочихъ долго не пропускала его экстрен-

ный поѣздъ и кричала въ окна: pfui, Karl! И только съ большими успѣхами удалось пропустить поѣздъ дальше...

Скажутъ: «идіоты»... Но почему же? Что далъ имъ Карлъ? Дьявольскіе годы небывалой бойни, увѣчья, раны, смерть, а въ результатъ позоръ, нищета, овлобленіе. Не Карлъ это далъ, а вся совокупность милліоновъ историческихъ силъ? Согласенъ. Такъ и возстановить жизнь не магъ и волшебникъ Карлъ, а опять-таки вся совокупность милліоновъ историческихъ силъ, которыя видимо сконцентрируются въ одной точкѣ, которая будетъ называться Карлъ. И потому pfui, Karl! — глупо, но и Heil, Karl! точно также глупо, а итогъ: сиди смирно, ибо все одинаково глупо и кроваво. Но сидѣть смирно нельзя, потому что у Люси нѣтъ бѣлья, а женѣ нуженъ зубной врачъ, и всѣмъ надо ѣсть...

— Да куда вы лѣзете? Посмотрите, что дѣлается въ Россіи!.. — говоришь такимъ рабочимъ. — Вѣдь, фунтъ хлѣба у насъ уже 25000 р.!

— Ogo!.. А у насъ здѣсь что стоитъ жизнь? — отвѣчаютъ они. — Вы говорите: социалисты... У насъ стоитъ у власти буржуазія, а не социалисты...

Правда! Мнѣ 30000 Кг. въ мѣсяцъ уже не хватаетъ...

Вотъ тутъ и сиди смирно!..

И потому, когда я, въ качествѣ знаменитаго черносотенца — эту репутацію совершенно незаслуженно сдѣлала мнѣ здѣшняя красная пресса, — получилъ приглашеніе отъ монархическихъ организацій пожаловать на съѣздъ «Хозяйственнаго возстановленія Россіи» въ Рейхенхалль, въ Баварію, я отвѣтилъ согласіемъ, тѣмъ болѣе, что деньги на дорогу мнѣ дала организація. За годы нашей идиотской смуты это было первое монархическое выступленіе.

— Не понимаю, какъ вы рѣшаетесь ѣхать на этотъ съѣздъ... — говорилъ мнѣ не разъ кн. Г. Н. Трубецкой, съ которымъ мнѣ часто приходилось бесѣдовать въ это время въ Баденѣ подъ Вѣной, гдѣ онъ тогда жилъ. — Вы посмотрите на имена, которыя стоятъ во главѣ дѣла...

— Такъ вотъ для того, чтобы парализовать ихъ вліяніе на съѣздъ, и надо намъ ѣхать... — отвѣчалъ я. — Если всѣ будутъ такъ отбодриваться, что же это получится?

Давайте соберемся въ большомъ числѣ тамъ и заставимъ вести нашу линію...

— Смотрите!... — опасливо говорилъ князь.

— Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить... — сказалъ я рѣшительно и поѣхалъ.

Но — могутъ спросить, — какъ же могъ я поѣхать на этотъ съѣздъ съ такимъ багажомъ... невѣрія? О, я совсѣмъ не жду отъ монархіи райскаго блаженства для людей, я слишкомъ хорошо знаю исторію вообще и Россіи въ частности, чтобы создавать себѣ хотя какія-нибудь иллюзіи, но изъ низовъ — чувствую я — не только идетъ, но прямо претъ монархія и я покорно подчиняюсь неизбежному: не буду же я вмѣстѣ съ Савинковымъ и Петлюрой собирать республиканскую армію противъ своего народа! Да и самъ я думалъ и думаю, что доброкачественнаго матеріала для республики въ Россіи очень немного. И, входя въ ряды монархистовъ, мнѣ хотѣлось постараться по мѣрѣ силъ, что бы все это вышло у нихъ не такъ погано, какъ это — увы!... — обѣщаетъ быть...

Стараться я буду, но вѣрю ли я твердо въ успѣхъ своихъ стараній?

Не особенно!..

XXXIII.

Такъ какъ живу я въ федеративной республикѣ, то ва визой надо было ѣхать и въ Вѣну, и въ Грацъ, и въ Брукъ, и потратить на это нѣсколько дней. Я мужественно преодолѣлъ всѣ эти удовольствія и полетѣлъ въ Рейхенхалль — довольно медленно, ибо вслѣдствіе польскихъ художествъ въ Силезіи австрійскія желѣзныя дороги не имѣютъ достаточно угля. Снова послѣ долгаго, долгаго промежутка, — за это время незамѣтно пролетѣли всѣ мои молодые годы, — увидалъ я хорошенькій Зальцбургъ. Тутъ мнѣ пришлось выслушать долгую нотацію отъ германскаго консула — въ федеративной визѣ были разные недостатки,

— и я въ чистенькомъ и уютномъ вагонѣ электрички полетѣлъ въ Рейхенхалль, до котораго отъ Зальцбурга всего сорокъ минутъ ѣзды.

Хорошенькій, прячущійся среди зелени и горъ, городокъ-курортъ, нѣмецкая чистота и уютность и съ первыхъ же шаговъ послѣ австрійской нищеты во всемъ поражаетъ изобиліе всякихъ плодовъ земныхъ: овощей, молока, апельсиновъ, ягодъ, колбасъ, мяса, вина, конфектъ, — чего угодно и сколько угодно. И хотя мы официально и въ республикѣ, но я прежде всего долженъ отыскать отель «Deutscher Kaiser». Тутъ, въ отелѣ, мелькаютъ русскія лица, русскіе костюмы, слышна русская рѣчь. Квартирмейстеръ съѣзда устраиваетъ меня въ уютной комнаткѣ отеля «Luisenhof» и я, помывшись, тороплюсь въ отель «zur Goldenen Krone», гдѣ происходятъ засѣданія съѣзда. Нахожу нѣсколько знакомыхъ: кн. В. М. Волкоискій, его энергичная супруга, Анна Николаевна, бывший прокуроръ Пермскаго — кажется — окружного суда, оборотистый С. М. Медвѣдевъ, который всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ устраивалъ въ Прагѣ въ отелѣ «Беранекъ» бѣлорусскую демократическую республику, весь круглый, весь мягкій, маленькіе глазки Е. А. Ефимовскій, редакторъ погибшей пражской «Славянской Зари», толстый, добродушный, уѣздный А. А. Зоринъ, съ которыми мы страдали вмѣстѣ на «Аоонѣ»... И эдакими слонами проходятъ мимо всякія знаменитости, какъ черносотеннаго, такъ и революціоннаго міра: вотъ кудрявый Н. Е. Марковъ II, вотъ басистый, съ бѣлой бородой А. А. Римскій-Корсаковъ, князь А. А. Ширинскій Шихматовъ съ его строгимъ лицомъ, маленький, кругленькій, рѣшительный А. Ф. Треповъ, румяный епископъ Евлогій, знаменитый генераль Курловъ, блѣдный, какъ смерть, больной, — на ушко передаютъ, что у старика нѣтъ ни гроша и что онъ страшно бѣдствуетъ, — вотъ генераль Половцевъ, который при Керенскомъ орудовалъ что-то въ Петроградѣ, вотъ св. князь А. П. Ливень, весь израненный, который руководилъ возстаніемъ въ Западномъ Краѣ, и генераль Сахаровъ изъ Сибири, отъ Колчака,

и рослый, красивый генераль Бискупскій. Всего чело-
вѣкъ 150. Конечно, рѣчи, рѣчи, рѣчи, комиссіи, комиссіи,
комиссіи...

За плечами моими незримо стоитъ скорбная тѣнь
измученной Россіи — я долженъ во имя ея говорить
только правду о томъ, что я тутъ видѣлъ и слышалъ
— я видѣлъ не все: главное шло, конечно, за кулиса-
ми, — что испытать...

Попадаю въ комиссію по пропагандѣ — С. М. Мед-
вѣдевъ читаетъ докладъ по организаціи пропаганды.

— Длинненъ докладъ... — тихонько говоритъ мнѣ
Зоринъ. — Хотите я уложу его весь въ пять словъ?

— А ну?

— Дайте мнѣ очень много денегъ...

— Какъ вы не деликатны!..

Свой докладъ я отправилъ въ Берлинъ еще до
сѣзда. Онъ произвелъ впечатлѣніе, былъ перепеча-
танъ на множитель и распространенъ среди членовъ
сѣзда, поэтому я считаю лишнимъ читать его, но то-
варищъ предсѣдателя кн. В. М. Волконскій присылаетъ
мнѣ изъ президіума записку, чтобы я непременно
выступилъ. Я спросилъ мнѣніи Е. Н. Маркова — тотъ
тоже настаивалъ на моемъ выступленіи и я рѣшилъ
послѣдовать ихъ совѣту. Докладъ мой имѣлъ шумный
успѣхъ и только въ томъ мѣстѣ, гдѣ я заговорилъ о
томъ, что законнаго царя у Россіи нѣтъ, что всѣ пре-
тенденты на престолъ у самихъ же монархистовъ вы-
зываютъ сомнѣнія, почувствовалась неловкость и поэтъ
Мятлевъ не вытерпѣлъ и прервалъ меня замѣчаніемъ,
что касаться этихъ вещей не слѣдовало бы.

— Позвольте предсѣдателю знать это!.. — оборвалъ
его Крупенскій, нашъ предсѣдатель. — Я не нахожу
въ словахъ оратора ничего недопустимаго...

Я закончилъ свою рѣчь и снова былъ награжденъ
шумными аплодисментами, но тутъ же взволнованно
вскочилъ А. Ф. Треповъ и, выразивъ мнѣ сочувствіе,
сказалъ, что послѣдній затронутый мною вопросъ уже
рѣшенъ: конгрессъ стоитъ на строго легитимистической
точкѣ зрѣнія. Аудиторія горячо поддержала и его.

Въ перерывъ ко мнѣ подходятъ знакомиться много

лицъ: тутъ и бывший начальникъ по дѣламъ печати Бельгардъ, и профессоръ баронъ М. А. Таубе, съ которыми мы нѣкогда переписывались по поводу изданія его потрясающей всѣ основы брошюры «Христіанство и международный миръ», и А. М. Масленниковъ, и гр. М. М. Перовскій-Петрово-Соловово, и длинный и худой, какъ донъ-Кихоть, съ кристально чистой и неалобивой душой князь А. М. Волконскій.

— Вы рѣчью своей вѣхали въ наши раны всей пятерней... — говоритъ мнѣ, блестя золотыми зубами, генераль А. А. Мосоловъ. — Боль причинили вы намъ нестерпимую, но... спасибо вамъ...

И онъ жметъ мнѣ руку.

Заглянулъ я и въ комиссію по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Тамъ засѣдали толстый и временами сонный митрополитъ Антоній, епископъ Евлогій, коротко-стриженный архимандритъ Сергій — кажется, изъ Парижа, — кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ, А. П. Роговичъ, кн. Н. С. Оболенскій, бывший нѣкогда у насъ во Владимірѣ товарищемъ прокурора, молодой С. М. Толстой-Милославскій, Зоринъ и явно будирующій графъ М. М. Перовскій, авторъ нѣсколькихъ бойкихъ книжекъ и вольнодумецъ. Тутъ опредѣленно пахло не то святѣйшимъ синодомъ, не то XVI вѣкомъ, — точно никакой революціи и не произошло, — и всѣ либеральныя выступленія и поправки графа Перовскаго быстро и безшумно проваливались. О настроеніи этой части конгресса краснорѣчиво говоритъ маленькій разговоръ одного члена съѣзда съ Антоніемъ.

— Не правда ли, владыка, какъ хороша здѣсь природа?

— Я на нее и не смотрю... — отвѣчалъ владыка. — Можетъ, и хороша, да находится во власти еретиковъ...

— Владыка!.. — изумленно воскликнулъ тотъ. — Какъ вы можете говорить такъ?.. Вѣдь, вся природа созданіе Божіе...

— Да, конечно, но все же я вижу ее какъ бы сквозь вуаль ереси...

И, когда — не помню, къ сожалѣнію, кто, — передалъ комиссіи пожеланія изъ круговъ, близкихъ къ Ватикану, объединиться всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ для образованія единого фронта противъ антихриста-большевизма, это серьезнѣйшее предложеніе было провалено почти безъ обсужденія въ три минуты: ты дай латинянамъ только палець, а ужъ они тебя тамъ сожрутъ обязательно! И получилось очень четкое впечатлѣніе: католическій попъ для нашихъ архипастырей страшнѣ всякаго большевика.

— А вѣдь это *testimonium paupertatis*, — говорю я графу Перовскому.

— Еще какое... — согласился онъ. — И какъ только имъ не стыдно?..

Но архипастыри этого не понимали и митрополитъ Антоній еще хвалился, какъ разъ онъ однимъ текстомъ въ лоскъ уложилъ какого-то католическаго тоже начетчика...

Центромъ всей работы съѣзда было то засѣданіе, когда были приняты рѣшенія о первыхъ тактическихъ шагахъ только что сконструировавшейся организаціи. Шаги эти состояли въ слѣдующемъ: во-первыхъ, былъ избранъ на годъ Высшій Совѣтъ изъ трехъ лицъ, съ правомъ кооптировать еще четверыхъ, а во-вторыхъ, избрана была депутація въ лицѣ митрополита Антонія, А. Ф. Трепова и генерала В. М. Безобразова къ государынѣ Маріи Федоровнѣ — къ «старицѣ», какъ умиленно назвалъ ее митрополитъ, — со всеподаннѣйшей просьбой созвать семейный совѣтъ и выбрать одного изъ уцѣлѣвшихъ великихъ князей блюстителемъ престола; затѣмъ правительствующій сенатъ дореволюціоннаго состава долженъ будетъ какъ-то собраться и указать, кто изъ великихъ князей является въ настоящее время согласно Основныхъ Законовъ законнымъ наслѣдственнымъ государемъ Россіи, каковой и приметъ при первой возможности корону Россійскую. Это обращеніе къ государынѣ было составлено въ старо-режимныхъ придворныхъ выраженіяхъ, отъ

которыхъ опредѣленно пахло нафталиномъ, и было подписано всѣми.

Въ составленномъ актѣ собранію показалось что-то не совсѣмъ гладко; одни настаивали, чтобы все переписать, на что потребовалось бы очень много времени, другіе нервничали и куда-то торопились.

— Чего тамъ переписывать?.. — волновался митрополитъ Антоній. — Можно аккуратно ножичкомъ подчистить, а потомъ сверху надписать...

— Да что вы, владыка, такой документъ!... Развѣ можно?...

— Ничего, сойдетъ... — добродушно говорилъ старикъ. — Теперь время такое...

Вообще въ этой части конгресса опредѣленно чувствовался нажимъ закулисныхъ силъ. Въ особенности сказался онъ передъ самыми выборами совѣта, которые были назначены съ большою внезапностью. Собраніе возбужденно и безтолково загалдѣло, не зная, что дѣлать.

— Ну, легкую кавалерійскую атаку!.. — толкая Ефимовскаго къ трибунѣ, возбужденно говорилъ ген. Б. — Ну, живо!...

И вчерашній демократъ, еще не износившій тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ онъ въ Прагѣ громилъ «большевиковъ справа», выступилъ на трибуну и, чтобы не разбивались голоса, съ обычными своими ужимками попросилъ разрѣшенія намѣтить имена тѣхъ, кого слѣдовало бы избрать въ Совѣтъ: во-первыхъ, это мужественный, благородный... слѣдовалъ цѣлый рядъ самыхъ лестныхъ эпитетовъ... Н. Е. Марковъ, во-вторыхъ, это просвѣщенный, талантливый... — опять молебень... — М. А. Маслениковъ, въ третьихъ, это государственно-мудрый, опытный — опять реклама, — кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ...

И все пошло по указкѣ мастера кавалерійской атаки! И это стадное настроеніе такъ захватывало, что и я, побѣждая въ душѣ бунтъ, написалъ на записочкѣ: Н. Е. Марковъ, М. А. Маслениковъ..., но дальше рука не поднялась, стало противно и я, такъ и не вписавъ третьяго имени, бросилъ записочку — къ сожалѣнію, не на полъ, а куда слѣдовало.

Выборы были произведены, но лихорадка продолжалась и, когда кн. А. Н. Долгорукий, одинъ изъ бѣлыхъ генераловъ Западнаго фронта, попытался легонько уяснить себѣ, что же мы, собственно, подписываемъ, предсѣдатель рѣзко оборвалъ его. И создалось впечатлѣніе, что кто-то зачѣмъ-то торопится и что все это прошло опредѣленно «фуксомъ». А когда всѣ все подписали, то стали, какъ водится, разводить руками.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. — тихонько возмущался старый Н. — Какъ же можно было все такъ комкать? Дѣло такое серьезное, а провели его на курьерскихъ. Вѣдь, мы же отдали, въ сущности, всѣ судьбы Россіи въ руки женщины, совершенно потерявшейся подъ ударами жизни, женщины, которанъ явно не въ силахъ поднять на свои плечи такой задачи...

— Да отчего же вы не протестовали во время, Н. Н.?

— Да чортъ знаетъ... Они все такъ скомкали: скорѣе, скорѣе...

Черезъ нѣсколько минутъ подходитъ ко мнѣ генераль И. А. Мосоловъ и, улыбнувшись своими золотыми зубами, говорить:

— А вѣдь дѣло не ладно. А?

— Не ладно, генераль.

— Дали сбой?..

— И серьезный...

Я чувствую себя въ этой контр-революціи совершенно такъ же, какъ и въ революціи: мы запутались въ какой-то непроходимой, неизбывной и романтической чепухѣ. Тамъ рѣшала судьбы Россіи сумасшедшая Маруся Спиридонова, здѣсь эти судьбы серьезные люди сами отдавали въ руки старой, измученной женщины, явно не подготовленной къ такой колоссальной задачѣ... Опять какой-то мрачный водевиль! И я завялъ и затосковалъ. Наружно моихъ опасеній какъ будто не раздѣлялъ никто, но въ интимныхъ разговорахъ часто вскрывалось, что маху дали опредѣленно.

Кому же это было нужно?

Долженъ тутъ же отдать полную справедливость членамъ Царствовавшаго Дома: голосъ Рейхенхалля за голосъ Россіи они считать не согласились и ничего изъ этого шага нашихъ лидеровъ, слава Богу, не вышло...

Послѣ этого засѣданія конгрессъ пошелъ наубылъ, хотя иногда и проскальзывали яркія черточки. Такою черточкой былъ, напримѣръ, едва замѣтный жестъ барона М. А. Таубе, который еще въ началѣ конгресса произнесъ блестящую рѣчь о международномъ положеніи Россіи. На кафедрѣ стояли два русскихъ флага, одинъ, справа, бѣло-сине-красный, другой, слѣва, бѣло-желто-черный, который почему-то — совершенно неосновательно, кажется, — считается флагомъ монархическимъ, хотя «бѣсика» призналъ національнымъ флагомъ самъ царь-самодержецъ Александръ III. Поставлены такъ были они совершенно случайно. Баронъ, войдя на кафедру, оглядѣлъ ихъ и прежде, чѣмъ начать свою рѣчь, демонстративно переставилъ «бѣсика» на-лѣво, а «монархическій» — направо. Большинство не поняло этой демонстраціи совершенно, но сидѣвшій рядомъ со мной молодой Н. заворчалъ:

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Нѣмецкому барону не пристало бы, кажется, такъ демонстрировать съ русскими знаменами!.. Впереди все таки должно быть національное знамя: не Россія для царя, но царь для Россіи...

— Вашу руку, ротмистръ!.. — сказалъ я. — Но говорить это надо вслухъ вездѣ, а въ особенности здѣсь!

Не менѣе яркой черточкой была сумбурная рѣчь флотскаго офицера Z. Онъ только что бѣжалъ изъ французскаго плѣна, изъ Бизерты — онъ рассказывалъ ужасы о положеніи тамъ нашихъ несчастныхъ моряковъ, — и теперь собирался ѣхать въ Россію поднимать крестьянъ съ лозунгомъ: «да здравствуютъ совѣты — долой коммунистовъ!» Е. Н. Марковъ мѣтко назвалъ потомъ эту рѣчь «подземнымъ ударомъ». Да, несомнѣнно, это былъ подземный ударъ тѣхъ силъ, которыя, возможно, пойдутъ скоро во главѣ неизбежной и мрачной реакціи...

Въ послѣдній вечеръ передъ закрытіемъ нашего девятидневнаго конгресса германское національное общество «Aufbau» предложило намъ скромный Bier-Abend. Насъ угощали чудесными буттербродами, мюнхенскимъ пивомъ, сладостями и этимъ очаровательнымъ Schuhplattler, который нѣмцы такъ лихо пляшутъ. И вотъ въ густо накуренной залѣ идетъ безтолковый галдежъ разгулявшихся людей, барыни флиртуютъ, любители рассказываютъ скромные анекдоты, а со стѣнъ на насъ молча смотрятъ портреты замученныхъ, — царя, царицы, наслѣдника, дѣвухекъ въ этихъ ихъ бѣленькихъ платьицахъ и кокошникахъ съ фатой. И никому не пришла, видимо, въ голову деликатная мысль хоть на время попойки убрать отсюда эти портреты...

И вотъ среди гвалта и дыма встаетъ фигура въ какомъ-то желтомъ костюмѣ, съ буро-багровымъ лицомъ, съ бородою въ видѣ колоссальной запятой и, трагически завывая, какъ дурной провинціальный актеръ, начинаетъ нестерпимую рѣчь о томъ, что вотъ вдѣсь два великихъ народа снова протягиваютъ одинъ другому братскую руку и самъ Христосъ, невидимо присутствующій въ этомъ дыму дорогихъ сигаръ, благословляетъ этотъ священный союзъ.

— Что такое?.. Кто это такое, этотъ, съ винтомъ?.. — брезливо спрашивали одинъ другого аристократы.

— Корреспондентъ Ножинъ...

— Отчего же его не уймутъ?..

— Да кто же можетъ его унять?

А тотъ реветъ, а тотъ воетъ, а тотъ крутитъ глазами!..

Затѣмъ, сложивъ ротикъ бантикомъ, встаетъ въ табачномъ дыму — Е. А. Ефимовскій: мы всѣ здѣсь монархисты, работники короны, такъ сказать, — съ ужимочками говоритъ онъ. — Но на всякой коронѣ есть украшенія, брилліанты... Такъ вотъ и поднимаемъ наши кружки въ честь этихъ брилліантовъ... «вы, конечно, догадываетесь, о комъ я говорю?.. Выпьемъ за здоровье нашихъ прекрасныхъ дамъ!..»

Я такъ и ахнулъ: не говорю уже о томъ, что наши дамы были на подборъ безобразны, — эту самую рѣчь о брилліантахъ въ коронѣ — «вы догадывается, о чемъ я говорю?» — я уже слышалъ въ Прагѣ, на вечерѣ въ годовщину «Русскаго Дѣла». Не помню, какъ ужъ была приплетена къ тому революціонно-демократическому банкету и корона, и брилліанты. Ясно: кто имѣетъ на своей стороны женщинъ, тотъ половину дѣла уже выигралъ...

На утро — послѣднее собраніе. Оглашается выработанная въ комиссіяхъ, длинная и — увь, фальшивая! — резолюція. Лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея говорится то, что эти люди дѣйствительно думаютъ, въ другихъ о дѣлѣ лукаво умалчивается, какъ въ вопросѣ о землѣ, а въ третьихъ, какъ въ вопросѣ національномъ вообще и еврейскомъ въ частности, и совсѣмъ ложь. И этотъ удивительный, милый князь А. М. Волконскій недоумѣнно говоритъ:

— Не понимаю, какъ это можетъ человѣкъ говорить не то, что онъ думаетъ!..

Конгрессъ закончился молебномъ, во время котораго пѣлъ хоръ любителей-добровольцевъ, подъ руководствомъ генерала Бискупскаго, а затѣмъ по предложенію Е. Н. Маркова всѣ дружно пропѣли «Боже царя храни», причемъ многіе плакали.

— А теперь позвольте на прощанье просить васъ объ аудіенціи... — обратился я къ Н. Е. Маркову, который шелъ на конгрессъ всегда первымъ номеромъ.

— Аудіенціи даетъ только государь императоръ... — ляпнулъ онъ.

— Что вы говорите?... Аудіенціи могу давать и я...

— Ну, не будемъ спорить. Пожалуйте завтра ко мнѣ въ восемь часовъ утра.

На утро я пришелъ къ нему, чтобы откровенно высказать свое мнѣніе объ ошибкахъ конгресса. Я говорилъ, что конгрессъ вышелъ одностороннимъ, что доминирующую роль играли на немъ представители стараго

сановно-аристократически-гвардейскаго міра, что демократы-монархисты, вродѣ меня, были представлены очень слабо и что все это, несомнѣнно, тяжело отзовется на будущей работѣ организаціи.

— Во многомъ вы очень правы. Но это первый шагъ... — отвѣчалъ Н. Е. — Люди стараго міра нужны: у нихъ есть опытъ и, главное, мы хотимъ показать въ нихъ связь со старой Россіей, преемственность, но я отлично понимаю, что новую монархическую Россію должны строить и новые люди...

Мнѣ хотѣлось повѣрить ему.

— А потомъ, пожалуйста, не давайте много денегъ на пропаганду... — засмѣялся я. — Это частность, но серьезная. Не повторите «Освага»!

Мы простились.

Итоги?

Въ итогѣ... еще одинъ кусочекъ сердца умеръ! Эти святые отцы съ ихъ еретической природой, эти скромные анекдоты подъ портретами замученныхъ дѣвухъ, эта депутація придворныхъ въ развалины прощлаго, — все это, увь, такъ же глупо, какъ и у революціонеровъ въ ихъ революціи!..

XXXIV.

Въ Рейхенхаллѣ мнѣ удалось заинтересовать нѣсколькихъ лицъ національнымъ книгоиздательствомъ. Дѣло это по моей мысли было рѣшено назвать «Дѣтинцемъ» — такъ въ старину называлось крѣпкое мѣсто въ русскомъ городкѣ, которое потомъ стало называться кремлемъ и куда въ случаѣ какой-нибудь напасти прятались съ чадами и домочадцами русскіе люди. Теперь, въ годы нашего бѣдствія, въ годы постыднаго провала социалистовъ и распада Россіи такимъ дѣтинцемъ для русскаго человѣка должна быть здоровая національная мысль... Для начала работы собралось у насъ денегъ очень немного, но потомъ дѣло стало потихоньку развиваться. Печатать было всего дешевле

тогда въ Австріи, благодаря необычайно низкому курсу кроны, но тутъ встали со всѣхъ сторонъ неожиданныя препятствія. Во-первыхъ, всѣ большія вѣнскія типографіи, имѣвшія русскій шрифтъ, оказались заваленными заказами для Сербіи: сербамъ дома печатать было слишкомъ дорого и они перенесли печатаніе всѣхъ своихъ учебниковъ и другихъ книгъ въ Вѣну; во-вторыхъ, огромными партіями печатали свою литературу самостоятельныя украинцы — я видѣлъ въ одной типографіи изданный ими сѣренькій календарекъ для народа, въ которомъ между прочимъ былъ отпечатанъ и портретъ «полковника» Василько Вышиваннаго, — такъ зовутъ теперь австрійскаго эрцгерцога Вильгельма, выставляющаго свою кандидатуру на престолъ королевства Украинскаго; въ третьихъ, государственная типографія, которая приняла-было мои заказы на печатаніе книгъ, оказалась подъ сильнымъ давленіемъ торжествующей рабочей партіи и отъ печатанія опредѣленно національной литературы отказалась.

— Мы люди служащіе и ничего, ничего сдѣлать мы не можемъ!.. — говорили мнѣ несчастные директора этой великолѣпной типографіи.

Такимъ образомъ все, что мнѣ осталось, это маленькая старинная типографія армянскаго католическаго ордена Мехитаристовъ, которая съ трудомъ могла по-давать два листа въ недѣлю.

Три мѣсяца хлопотъ и бѣготни по этимъ дѣламъ привели меня къ убѣжденію, что многого здѣсь въ условіяхъ момента не сдѣлаешь. Кромѣ того типографскія работы дорожали здѣсь не по днямъ, а по часамъ: книжка сдавалась въ наборъ по одной цѣнѣ, въ серединѣ ее набирали уже по другой, а заканчивали по третьей, процентовъ на 100, а то и на 200 дороже. Такъ какъ капиталъ нашъ заключался въ маркахъ, которыя соотвѣтственно поднимались въ Вѣнѣ, то, хотя потерь мы и не несли, то тѣмъ не менѣе это вносило такой сумбуръ въ работу, что прямо голова шла кругомъ. И я рѣшилъ перебраться въ Баварію, гдѣ не чувствовалось такого напора со стороны лѣвыхъ — тамъ, въ Мюнхенѣ, попробовали бы совѣтскаго режима,

по послѣ трехъ мѣсяцевъ райскаго житія отказались отъ него очень основательно навсегда, — и гдѣ можно было, конечно, найти сильную типографію.

Началась обычная возня съ визами. Пока мы рѣшили остановиться на Рейхенхаллѣ, управленіе котораго безъ всякихъ разговоровъ выдало мнѣ, члену русскаго конгресса тамъ, визу на вѣздъ.

Семья стала собираться въ путь, а я рѣшилъ выѣхать нѣсколькими днями раньше: во-первыхъ, мнѣ нужно было съѣздить въ Берлинъ переговорить съ типографіями, а во-вторыхъ, я хотѣлъ по пути заѣхать въ Рейхенхалль, поискать квартиры, чтобы семья моя, не останавливаясь по отелямъ, могла сразу ѣхать на готовое.

При всей своей любви къ кочеванію, я съ грустью оставлялъ милый Афленцъ съ его горами, ущельями, лѣсами, сернами, скалами и водопадами, гдѣ мы такъ уютно и мирно прожили вдали отъ міра почти цѣлый годъ. Но мнѣ надо было работать, зарабатывать, а ребятамъ серьезно учиться: въ Афленцѣ кромѣ обычной народной школы ничего не было, а отпускать дѣтей на сторону мнѣ не хотѣлось.

И вотъ я снова въ курьерскомъ поѣздѣ, несущемъ меня изъ зеленой Штиріи чрезъ поблекшую Вѣну на Зальцбургъ. Въ купѣ со мной больная, молчаливая дама и устало зѣвающий нѣмецъ среднихъ лѣтъ съ симпатичнымъ лицомъ. Знакомимся съ нѣмцемъ, взаимно освѣдомляемъ другъ друга о положеніи въ нашихъ странахъ.

— Нѣтъ, у насъ, слава Богу, все спокойно... — сказала онъ. — Во всемъ Иннсбрукѣ у насъ считанныхъ восемнадцать коммунистовъ, которымъ дыхнуть не даютъ и которые при настроеніи нашего крестьянства нисколько не страшны...

— Ахъ, если бы мнѣ попасть какъ-нибудь въ вашу очаровательный Тироль!.. — вздохнулъ я. — Вотъ страна, которую я всегда особенно любилъ...

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Милости просимъ... Такимъ русскимъ, какъ вы, мы очень рады...

— Годъ тому назадъ я пытался пробраться къ вамъ, но отказали въ визѣ...

— Это легко поправить...

Онъ порылся въ бумажникъ и въ записной книжкѣ.

— Нѣтъ, визитныя карточки всѣ вышли... — сказалъ онъ. — Дайте вашу записную книжку...

И онъ записалъ мнѣ свое имя, адресъ и титулъ: *Regierungsrat*.

— Я членъ правительства. Когда вамъ снова захочется въ Тироль, черкните мнѣ пару словъ и вы въ Тироль. Противъ такихъ гостей мы рѣшительно ничего не имѣемъ... Напротивъ!

На границѣ Баваріи мы сердечно прощаемся съ нимъ: онъ ѣдетъ по дѣламъ въ Мюнхенъ, а мнѣ надо свернуть въ сторону, въ Рейхенхалль.

Уютный городокъ, слава Богу, значительно опустѣлъ, въ пансіонахъ и отеляхъ устроиться очень легко, но — квартиръ нѣтъ.

— Что? Три комнаты и кухня?! — поражаются баварцы непомѣрности моихъ требованій. — *Ausgeschlossen!*..

Но русскаго бѣженца теперь не такъ-то легко испугать: теперешнее русское терпѣніе и трудъ всякое упрямство иностранцевъ перетрутъ. Задержавъ помѣщеніе для семьи въ одномъ скромненькомъ пансіонѣ, я послалъ своимъ извѣщеніе, чтобы ѣхали, а самъ понесся въ Берлинъ по своимъ издательскимъ дѣламъ.

Скорый поѣздъ переполненъ. Въ моемъ купѣ трое нѣмцевъ коренныхъ, одинъ нѣмецъ американскій со своей женой, чистокровной американкой. Начинается довольно темпераментный разговоръ на темы дня: одинъ молодой нѣмецъ оказывается социалистомъ и это всѣхъ поджигаетъ. Меня, какъ всегда, разспрашиваютъ о Россіи, я рассказываю. У дверей нашего купѣ точно пришить молодой бритый господинъ въ резиновомъ пальто, который, какъ я слышалъ, разговаривалъ со своей женой на платформѣ по-русски. Изъ кармана его ватерпруфа торчатъ весьма лѣвыя газеты. Онъ, не отрываясь, жадно вслушивается въ нашу бесѣду.

— Господа, говорите потише... — сказала я своимъ собесѣдникамъ. — Любопытство этого господина мнѣ очень непріятно. Онъ, повидимому, изъ Россіи...

Разговоръ пошелъ подъ сурдинку, — тотъ вытянулъ шею, чтобы не пропустить ни одного слова. Американка сперва нервно завозилась на своемъ мѣстѣ, а затѣмъ вдругъ, вспыхнувъ, вскочила и на дурномъ нѣмецкомъ языкѣ выпалила:

— Милостивый государь, въ сосѣднемъ купѣ разговоръ много интереснѣе, увѣряю васъ... Идите туда!..

И съ трескомъ захлопнула дверь.

Но вотъ, наконецъ, и Берлинъ. А ну, какъ-то онъ теперь выглядитъ?

Русскіе бѣженцы съ восторгомъ расписываютъ одинъ другому прелести современнаго Берлина, его чистоту, его порядокъ, его блескъ. Конечно, въ сравненіи съ теперешней Москвой, Петроградомъ, Кіевомъ этотъ городъ блещетъ и чистотой, и порядкомъ и другими буржуазными предрасудками, но Боже мой, какъ все же онъ завялъ!.. Это совсѣмъ, совсѣмъ не прежній Берлинъ, какъ, впрочемъ, не прежнія эти желѣзныя дороги, какъ не прежніе эти нѣмецкіе товары, какъ не прежнее здѣсь все, все, все... Все выцвѣло, завяло, загрязнилось, на всемъ печать чего-то обездушеннаго, разбитаго... И странно, если бы было иначе! Нужно нѣмецкую выдержку и трудолюбіе, чтобы вынести эти долгіе годы невѣроятной бойни со всѣмъ свѣтомъ, и революціи, и союзнической политики вампировъ, и все же удержаться на этомъ сравнительно высокомъ уровнѣ. Это вамъ все же не только не счастливая въ своемъ раю Россія, но и не Австрія, не Сербія, не Болгарія...

И исчезли прежніе величественные шудманы, что, во-первыхъ, лишаетъ эти величественныя улицы когда-то могучей столицы декоративности, а во-вторыхъ, ставитъ закружившагося иностранца въ скверное положеніе: раньше, бывало, подходишь къ этому живому справочнику въ каскѣ въ случаѣ затрудненія и получаешь вѣжливый и толковый отвѣтъ, а теперь нужно полчаса

прежде, чѣмъ разѣишь охранителя республиканскаго порядка.

Началась бѣготня по типографіямъ, по книжнымъ агентамъ, — работать можно, но очень, очень трудно. И во всемъ слышенъ большой надломъ, какое-то тяжкое стѣсненіе, что-то нездоровое...

Въ русскомъ ресторанѣ на Груневальдштрассѣ встрѣчаюсь съ Н. Е. Марковымъ.

— Можетъ быть, намъ слѣдовало бы повидаться, Николай Евгеньевичъ? — сказалъ я.

— Конечно. Милости просимъ ко мнѣ вавтра въ девять утра...

— Отлично...

Я видѣлся уже со многими русскими, — здѣшнія настроенія мнѣ опредѣленно очень не нравятся. Часть колоніи все еще трусливо дѣлаетъ пріятное мартовское лицо и, какъ и прежде, неустанно склоняетъ демократію, демократію, демократію..., а другая часть, сломя голову, ударила на крайнюю правую. Они славословятъ изъ всѣхъ силъ погибшаго государя, всячески стараются реабилитировать наше недавнее прошлое, такое тяжкое, нелѣпое, неумное.*) И всѣ ругаются изъ-за кандидатовъ на всероссійскій престолъ. Золотой же середины, здоровой, широко и глубоко національной работы не слышно. Считаетъ себя, повидимому, такой золотой серединой «Руль», газета, без-

*) Въ одной своей прекрасной ненапечатанной статьѣ графъ М. М. Перовскій-Петрово-Соловово по поводу этихъ фиміамовъ превосходно говоритъ, что предъ екатеринбургскими могилами приличіе всего молчать: тяжелыми страданіями тамъ искуплено все. Но если находятся безтактные люди, которые желаютъ славословить послѣдніе, насквозь гнилые годы стараго режима, то на насъ лежитъ долгъ остановить ихъ славословія и напомнить тяжелую историческую правду. Забывать ее мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія, ни права.

Берлинцы въ своемъ усердіи зашли такъ далеко, что буквально нѣтъ ни единого публичнаго выступленія ихъ, на которомъ вы не услышали бы умирающій отъ волненія голосъ оратора: «а-а, какіе у Него были глаза!.. О, эти романовскіе глаза!..», — какъ будто рѣчь идетъ не о главѣ великаго государства, а о какой-то танцовщицѣ. До чего они бездарны, такъ это даже и представить себѣ нельзя!..

спорно, хорошая, но все же это все прежніе кадеты-теоретики, которыхъ не вылъчили даже большевики отъ ихъ вѣры въ силу хорошаго слова. Значительно «ближе къ дѣлу» стоитъ другая кадетская газета, «Свободная Рѣчь», но она не располагаетъ, повидимому, средствами и издается въ европейскихъ Чебоксарахъ, въ Софіи...

Зубры яростно величаютъ эту газету «Сруль», но все же, поневолѣ, читаютъ ее, такъ какъ сами не смогли создать даже порядочной газеты и свои духовныя потребности должны удовлетворять бездарнѣйшимъ «Двуглавымъ Орломъ»... Въ самомъ дѣлѣ, это замѣчательно: эти умѣютъ только шипѣть, да интриговать, да обливать одинъ другого помоями, да скорбѣть о невозвратномъ, да злиться бесплодно, а хорошую русскую газету все же создали евреи!

Чувствуется работа сторонниковъ разныхъ «претендентовъ» на престолъ. Но непримиримо борется со всѣми этими претендентами кучка изувѣровъ, которая яеустанно проповѣдуетъ, что вся царская семья жива: баронесса П. рассказывала мнѣ, что, когда разъ за обѣдней она хотѣла помянуть память погибшей царской семьи, одинъ изъ зубровъ вспылилъ: «что вы? Развѣ это можно? Они живы!..» И чувствуется какая-то истерія во всемъ этомъ: г-жа Б. всюду и вездѣ въ Берлинѣ проповѣдуетъ, что, если бы царь даже и умеръ, то все равно, онъ скоро — для того, чтобы спасти Россію, — воскреснетъ! Мнѣ все это очень тяжело. Вмѣсто великаго національнаго дѣла, которое можетъ завершить, конечно, только Россія, — какъ въ 1613 г., — адѣсь жалкая грызня, взаимное окачиваніе помоями и пошлыя интриги. И всякая котерія такъ и хватаетъ васъ за фалды: къ намъ, къ намъ пожалуйста, — нашъ кандидатъ самый законный, самый лучший...

На утро я поѣхалъ къ Н. Е. Маркову. Онъ встрѣтилъ меня въ скюртукѣ и съ національной ленточкой въ петлицѣ.

— И. Ф., что же это мы съ вами надѣлали?! — воскликнулъ онъ. — Вѣдь сегодня Воздвиженіе Креста Господня, — надо вѣдь къ обѣднѣ! Развѣ вы не знали?

— Забылъ... — отвѣчалъ я. — А кромѣ того, у меня времени въ обрѣзъ, — вѣроятно, я завтра уѣду...

— Какъ же намъ теперь быть? Мнѣ совершенно необходимо быть въ церкви...

— Значить, придется отложить бесѣду до другого моего пріѣзда... — сказалъ я. — Мнѣ надо ѣхать...

— Нѣтъ, тогда давайте поговоримъ теперь... — рѣшилъ онъ.

Мы сѣли, но — разговоръ опредѣленно не клеился: Николай Евгеньевичъ былъ слишкомъ ужъ остороженъ.

— Если мы будемъ такъ секретничать, Николай Евгеньевичъ, — взялъ я быка прямо за рога, — то намъ просто не стоитъ терять времени на разговоры...

Онъ немного смутился.

— Да вѣдь не то, что я хотѣлъ бы скрыть отъ васъ что-то, — сказалъ онъ, — а все дѣло въ томъ, что ничего законченнаго еще нѣтъ у насъ, все въ стадіи Werden...

— Законченнаго ждать и не приходится, — сказалъ я. — Заканчивать будетъ и должна Россія. И намъ, можетъ быть, не придется и дожить до этого. Мы же должны дѣлать максимумъ возможнаго, а этого какъ разъ и незамѣтно. Высшій Монархическій Совѣтъ долженъ бы теперь же, по моему мнѣнію, привлечь къ работѣ общественныя силы для разработки цѣлаго ряда серьезныхъ вопросовъ, которые надо рѣшить теперь же, а не тогда, когда мы придемъ въ Москву. Что, напримѣръ, думаемъ мы дѣлать съ нашими финансами? Какъ мы организуемъ національную армію? Какъ будетъ возстановливать наши пути сообщенія? Это надо обдумывать теперь же...

— Для привлеченія къ работѣ общественныхъ силъ нужны большія средства, а ихъ пока нѣтъ... — сказалъ онъ. — Нѣмцы все общаются, но... на однихъ общаніяхъ далеко не уѣдешь... И если скоро денегъ мы не достанемъ, мы созовемъ новый сѣздъ, сложимъ наши полномочія и предложимъ выбрать новыхъ людей, которые пользовались бы большимъ кредитомъ...

Я дипломатично промолчалъ. Изъ нѣмецкихъ круговъ, правда, говорили, что денегъ они дать готовы, но пусть русскіе монархисты уберутъ «одіозныя имена».

Помню одно яркое словечко, оброненное Николаемъ Евгеньевичемъ въ этой бесѣдѣ. Мы говорили объ арміи и я сказалъ, что многіе недоумѣваютъ, что Россія будетъ дѣлать со своей красной арміей, съ этими тысячами людей, которые почти десять лѣтъ живутъ кровопролитіемъ и разбоемъ и которымъ въ жизнь нормальную и трудовую уже не вернуться. Что съ ними дѣлать? Нельзя же идти вслѣдъ за Р. — писатель такой есть праваго толка... — который думаетъ, что единственное средство это поставить баттарен и смести «всю эту сволочь» съ лица земли.

— Зачѣмъ? — удивился Николай Евгеньевичъ. — Это очень глупо! Изъ нихъ будутъ прекрасныя колоніальныя войска. Борьба между Россіей и Англіей, на примѣръ, совершенно неизбежна. Англія, конечно, пошлетъ свой флотъ демонстрировать предъ нашими берегами, ну, а мы двинемъ къ границамъ Индіи своихъ красноармейцевъ, шепнувъ имъ тихонько о богатствахъ Индіи... Нѣтъ, и этотъ матеріалъ и можно, и должно использовать. Ну, а въ храмъ вы не поѣдете?

— Нѣтъ времени... — отвѣчалъ я... не совсѣмъ искренно: противъ обѣдни я ничего не имѣю, но когда изъ обѣдни дѣлають демонстрацію, какъ это слишкомъ чувствуется въ Берлинѣ въ извѣстныхъ кругахъ, тогда надо отойти въ сторону.

На улицѣ встрѣчаю одного знакомаго.

— Вы откуда?

— Отъ Маркова.

— Ого... Да вы, оказывается, персона!

— Почему персона?

— Добиться аудіенціи у Маркова это, знаете, номерокъ... — сказалъ мой берлинецъ. — Тутъ изъ Югославіи пріѣзжали двое монархистовъ специально, чтобы повидѣться съ Марковымъ, — цѣлый мѣсяцъ они добивались этой чести и такъ ни съ чѣмъ и уѣхали...

— Вѣроятно, потому я такъ скоро и добился аудіенціи, что я совсѣмъ ее не добивался...

— Нѣтъ, персона, персона!..

— Ну, полноте... А значить, власть все же губуто разѣдаетъ?

— Ого, еще какъ!.. Всероссийскимъ правительствомъ уже мнѣть себя... Уже всѣ министерскія и губерна-торскія мѣста распредѣлены...

— Ну, это напрасно! — засмѣялся я. — Мнѣ пишутъ съ Балканъ, что мѣста эти давнымъ давно уже тамъ распредѣлены... И Милюковъ, конечно, это уже сдѣ-лалъ, и Керенскій... Большая потасовка между кан-дидатами можетъ быть...

Мой собесѣдникъ расхохотался.

— А знаете, мѣшать потасовкѣ этой, пожалуй, и не слѣдуетъ... — сказалъ онъ.

— Зачѣмъ мѣшать? Пусть, на здоровье!

Вечеромъ того же дня въ залѣ аэроклуба состоялось торжественное засѣданіе монархическаго общества: Выс-шій Монархическій Совѣтъ постановилъ, чтобы отнынѣ день Воздвиженія Креста почитался праздникомъ рус-скихъ монархистовъ. Я съ графомъ М. М. П. поѣхалъ посмотреѣть, какъ это будетъ. Н. Е. Марковъ просилъ меня еще угромъ выступить со словомъ, но я сказалъ, что я не подготовленъ и говорить экспромтомъ не буду, хотя истинная причина была въ томъ, что я внутренне все болѣе и болѣе расходился съ рейхенхалльцами, а выступать въ роли trouble-fête совсѣмъ не въ моемъ характерѣ.

На торжественное собраніе это собралось довольно много народа или, точнѣе, публики. Въ качествѣ под-жигателей выступали все однѣ и тѣ же фигуры: Мар-ковъ, Ефимовскій, Масленниковъ и заводной Тальбергъ. Масленниковъ былъ неподражаемъ въ новой роли мо-нархическаго генерала: онъ разваливался на креслѣ, здоровался со знакомыми, не вставая, и только что не протягивалъ двухъ пальцевъ. И содержаніе рѣчей было все то же: дѣловой, практическій, строительскій элементъ въ нихъ блестяще отсутствовалъ и всѣ онѣ сливались въ одинъ сплошной не то молебень, не то гимнъ прош-лому, тому блестящему прошлому, когда надъ Русью царили Распутины, Протопоповы, Штурмеры и прочая забубенная братія, игравшая великимъ народомъ съ самой непринужденной граціей. По словамъ этихъ ораторовъ, все у насъ было дивно, несравненно: и царь

— тутъ курился совершенно уже неприличнѣйшимъ и ввали такъ, что совѣстно было смотрѣть на несчастныхъ, — и администрація, и духовенство, и все, а вотъ посмотрите, что надѣлали злодѣи!.. Собраніе чрезвычайно сочувствовало. Такъ, когда Марковъ, немножко уже демагогируя, вспомнилъ извѣстную выходку Александра III, что «когда русскій императоръ удить рыбу, Европа можетъ подождать», залъ долго и горячо апплодировалъ. Но кто же эти злодѣи, сгубившіе Россію? Разумѣется, жидо-кадеты-масоны. Вслухъ тутъ на этотъ разъ этого не говорилось, но сіонскіе мудрецы, слишкомъ очевидно, незримо присутствовали тутъ. А въ президіумѣ было два отставныхъ кадета, Ефимовскій и Масленниковъ, который въ рѣчахъ своихъ неизмѣнно и совершенно нестерпимо кадилъ нашему прошлому.

— Ишь, распинается!.. — прошипѣлъ злобно рядомъ со мной какой-то, очевидно, зубръ. — А давно ли букеты Каляеву подносилъ?..

Марковъ попутно тряхнулъ снова и снова «нашей безпочвенной интеллигенціей», которая вмѣстѣ съ жидо-масонами причинила Россіи столько зла. А наканунѣ въ газетахъ была напечатана совѣтская телеграмма изъ Астрахани, гдѣ произошли голодные беспорядки; во время бунта были перебиты всѣ врачи и *много интеллигенціи*. И этотъ выпадъ противъ интеллигенціи послѣ такой телеграммы меня рѣзко оттолкнулъ: что виновата и она, въ этомъ для меня сомнѣнія нѣтъ, но что виноваты и эти ея хулители, это тоже совершенно вѣрно. Скажу даже больше: не будь тогда эти такими, какими они у власти и въ чайныхъ союза русскаго народа были, вѣроятно, и мы не были бы такими, какими мы тогда были. И во всякомъ случаѣ мнѣ совершенно не по пути съ тѣмъ, кто хочетъ подсунуть темной массѣ въ видѣ козла отпущенія всю интеллигенцію. Это не только безобразно съ моральной точки зрѣнія, но преступно и съ точки зрѣнія національной: въ невѣжественной Россіи интеллигенція (конечно, не блуждающая, а работающая) капиталъ, самое, быть можетъ, крупное ея богатство...

Во время перерыва ко мнѣ подошелъ молоденькій Г., состоявшій при высшемъ монархическомъ совѣтѣ.

— Иванъ Федоровичъ, что же вы имѣете ничего для нашего «Вѣстника» не пишете? — сказалъ онъ. — Вѣдь, право же намъ страшно трудно. Никто не идетъ...

— Какъ же вы хотите, голубчикъ, чтобы я вамъ писалъ? — отвѣчалъ я. — Во-первыхъ, вы ничего не платите, а у меня за плечами шестеро, которыхъ надо кормить, одѣвать, учить. Во-вторыхъ, какъ же можно работать, имѣя въ распоряженіи восемь крошечныхъ страничекъ въ недѣлю? И въ третьихъ, и главное, редактируетъ у васъ газетку Ширинскій-Шихматовъ. Развѣ могу я работать съ нимъ?

— Отчего же? Если вы принимаете рейхенхалльскую программу...

— Только съ очень большими оговорками...

— Такъ не касайтесь темъ, вызывающихъ разногласіе, — пишите о томъ, въ чемъ вы съ нами согласны...

— Писать надо не о томъ, что нравится Монархическому Совѣту, а о томъ, что нужно...

— Но у насъ положеніе отчаянное...

— Не сомнѣваюсь. Освѣжите воздухъ въ высшемъ монархическомъ совѣтѣ и силы явятся...

Значитъ, интеллигенція нужна не только для того, чтобы быть козломъ отпущенія за грѣхи всѣхъ, а и для работы! И она нужна: безъ нея можно устроить чайную союза Михаила Архангела, но великой Россіи все же не построить. Неужели же это — завоеваніе контрреволюціи? Недурно!..

Вечеръ закончился русскимъ гимномъ, спѣтымъ, однако, безъ большого подъема: рѣчи — все объ одномъ и томъ же, — укачали людей и всѣмъ хотѣлось на свѣжій воздухъ, домой...

Тяжкій запахъ какого-то подземелья тутъ вообще угнеталъ. Помню свой визитъ, напр., къ N. Онъ передалъ мнѣ чрезъ графа М. М. Перовскаго свою карточку, на которой было почти приказаніе немедленно явиться къ нему «по очень важному дѣлу». Никакого дѣла на оказалось, — просто ему хотѣлось познакомиться и, если можно, пристроить въ «Дѣтинцѣ» ка-

кую-то свою книгу. Отъ послѣдняго я уклонился. Это былъ человѣкъ чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія, во-первыхъ, а поэтому — во-вторыхъ, — страшно нетерпимый и къ людямъ, и къ жизни вообще. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, для которыхъ и теперь въ сказкѣ о золотой рыбкѣ нѣтъ никакого поученія: они хотятъ быть непремѣнно владычицей морскою и чтобы сама рыбка была у нихъ на посылкахъ. Такихъ людей было очень много среди лѣвыхъ, — отсюда провалъ революціи; такихъ людей очень много теперь среди правыхъ, — отсюда огромныя опасности для національнаго возрожденія Россіи. Мой собесѣдникъ не только неустанно яростно склонялъ и спрягалъ «жида» во всѣхъ видахъ, и интеллигенцію, и масоновъ, но безъ церемоніи клеймилъ самыми послѣдними эпитетами и Юденича, и Деникина, и даже погибшихъ Л. Г. Корнилова, А. В. Колчака и М. В. Алексѣева. Онъ говорилъ, его не послушали и вотъ, не угодно ли? Особенною ненавистью пользовался у него «измѣнникъ» М. В. Алексѣевъ, «предавшій государя и все погубившій...» Но еще болѣе ненавидѣлъ онъ — русскій народъ! Тутъ ярость его буквально не знала предѣловъ.

— А-а, «богоносцы»!.. Что, получили?!

При такомъ пониманіи русской исторіи послѣднихъ лѣтъ бесѣда съ нимъ интереса для меня не представляла, совмѣстная работа была явно невозможной и я безъ большого огорченія разстался съ нимъ...

Вообще отъ десятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ у меня, какъ говорятъ у насъ на югѣ, «голова распухла» отъ всего этого озлобленія, интригъ, сплетенъ, помоевъ, дѣйствительно безсмысленныхъ мечтаній и всяческой пустоты и, сдавъ типографіи заказы, я съ большою радостью понесся въ Баварію...

XXXV.

Прежде чѣмъ ѣхать къ своимъ въ Рейхенхалль, я долженъ былъ заѣхать къ герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, бывшему тогда однимъ изъ пайщиковъ «Дѣтинца», который живетъ въ своемъ старомъ замкѣ въ Баваріи.

Мѣстечко это, Сэонъ, прелестно во всѣхъ отношеніяхъ. Старый замокъ расположенъ на самомъ берегу тихаго, поросшаго камышами озера. Раньше это былъ островъ, а потомъ его соединили съ берегомъ дамбой и получился полуостровъ-мысъ. Въ далекой языческой древности тутъ, по преданію, было какое-то кельтское святилище, а потомъ, уже 1000 лѣтъ назадъ, основался на этомъ мѣстѣ христіанскій монастырь, въ стѣнахъ котораго и расположенъ теперь герцогскій замокъ. Это огромное, двухэтажное зданіе съ толстыми стѣнами, съ безконечнымъ числомъ всякихъ покоевъ, съ католическимъ храмомъ посрединѣ, который обслуживаетъ и теперь религіозныя нужды окрестнаго населенія, съ длиннѣйшими сводчатыми корридорами, въ стѣнахъ которыхъ мѣстами вмазаны древнія надгробныя плиты, заплетенныя стертymi латинскими надписями и украшенныя барельефами, изображающими рыцарей въ полномъ вооруженіи или епископовъ въ митрахъ. Первое время меня какъ-то давила огромность этаго монастыря-замка, но потомъ быстро я привыкъ къ этому простору, полному стараго, обжитого уюта и всякихъ воспоминаній о Россіи: тамъ картина, изображающая уголокъ старой Москвы или конногвардейца въ парадной формѣ, тамъ какой-нибудь милый русскій видъ, изъ огромной гостинной слышенъ прелестный романсъ Глинки «Сѣверная звѣзда», а внизу, въ концѣ длиннаго корридора, стѣны котораго сплошь устѣяны рогами козловъ, ланей и оленей, чучелами птицъ и всякими другими охотничьими трофеями, стоитъ чучело большого бурега медвѣдя, убитаго отцомъ герцога въ Новгородской губерніи.

А глянешь въ окно своей тихой и уютной комнаты-келиі, видишь старый яблоневый садъ съ рядами ишистыхъ статуй и свѣтлое тихое озеро, гдѣ кувыркаются проворные нырки и сторожкой стайкой плаваютъ у камышей дикія утки, а за озеромъ — небольшая деревенька, крѣпкіе, хозяйственные хуторки, поля, лѣсистые холмы и по горизонту — далекія скалистыя горы... Иногда на прогулкѣ этими тихими и живописными лѣсными дорогами ждетъ тебя милая встрѣча: то выйдешь изъ зарослей красавецъ-фазанъ, то набредешь на пре-

лестную группу пасущихся косуль, то увидишь, какъ кормится на зеленяхъ пугливый заяцъ или мышкуетъ красная пушистая лиса, — здѣсь авѣря берегутъ и его много. А то встрѣтишься съ сосредоточеннымъ, серьезнымъ баварцемъ въ шляпѣ съ перышками и обмѣняешься съ нимъ привѣтливымъ «Grüß Gott!»...

Самая отличительная черта этого прелестнаго мѣстечка, самая его сущность, самая его душа это глубокая, невозмутимая тишина, чуть обвѣянная свѣтлой печалью пролетѣвшихъ вѣковъ...

Въ замкѣ есть огромная библіотека, занимающая цѣлый огромный залъ, въ которомъ можно чрезвычайно уютно устроиться въ какомъ-нибудь покойномъ старомъ креслѣ въ одномъ изъ многихъ cosy corners. Вокругъ тѣснится огромное количество книгъ — ихъ болѣе 25 000 томовъ, — на всевозможныхъ языкахъ, новыхъ и древнихъ, большею частью въ прекрасныхъ переплетахъ. Есть немало рѣдкостныхъ изданій огромной цѣны. А вокругъ опять безбрежная, свѣтлая, ничѣмъ ненарушаемая, блаженная тишина. Недаромъ, говорятъ, что имя Саонъ произошло отъ обратно читаемаго Noes — въ старину любили такъ играть словами, — т. е. ковчега Ноя, тихо и беззаботно плывущаго по бурному житейскому морю. Такъ представлялся монахамъ ихъ прекрасный монастырь...

Нѣсколько разъ герцогъ приглашалъ меня изъ Рейхенхалля на свои осеннія охоты облавой, на которыхъ всегда присутствовалъ и жившій у герцога донской атаманъ П. Н. Красновъ, авторъ нашумѣвшаго романа «Отъ двуглаваго орла».*) Обыкновенно къ наз-

*) Въ романѣ этомъ много художественныхъ недостатковъ и небрежностей, но я очень цѣню эту книгу за то мужество, съ которымъ въ первой части авторъ коснулся развала стараго режима. Многие монархисты кричатъ противъ него: какъ онъ, будучи монархистомъ, могъ говорить такія вещи? Имъ надо, чтобы «все обстояло благополучно». Но именно, будучи честнымъ и разумнымъ монархистомъ, и надо было открыто говорить о грѣхахъ и ошибкахъ былого, хотя бы для того, чтобы въ будущемъ не повторить ихъ и ... не попасть снова въ Рейхенхалль. Нашлись критики, которые приравниали эту книгу «Войнѣ и Миру», но это говорить, конечно, только за то, что литературное воспитаніе этихъ критиковъ марки очень и очень невысокой...

наченному мѣсту, въ назначенный часъ, утречкомъ собираются приглашенные хозяиномъ охоты сосѣдніе помѣщики и крестьяне. И всѣ сходятся со своими кисточками и перышками на шляпахъ, съ ружьями, со всевозможными собаками на своркахъ: тутъ и породистые легашы, и хорошія таксы, и что-то вродѣ гончей, но особенно много всякихъ ублюдковъ или, какъ говорятъ русскіе охотники, надворныхъ совѣтниковъ, т. е. дворнягъ. Вся эта очень пестрая компанія тѣсно оцѣпляется какой-нибудь островъ, въ глубину его пускаютъ нѣсколько человѣкъ загонщиковъ со всѣми этими псиками и начинается всяческій шумъ и гвалтъ. Перепуганный звѣрь, до той поры строго оберегаемый, подымается со своихъ лежекъ, несется во всѣ стороны и то и дѣло попадаетъ подъ выстрѣлы охотниковъ, которые — нарушая всѣ правила русской охоты, — не только совсѣмъ не прячутся на номерахъ, но курятъ и разговариваютъ: все равно, звѣрю уйти некуда. И идетъ среди нарядной осенней пестроты лѣса въ туманной утренней тишинѣ гвалтъ вагона, слышится нетерпѣливое тявканье собаконокъ и иногда выстрѣлы охотниковъ. Случается, звѣрь бросится вдоль линіи стрѣлковъ и тогда начинается оживленная, веселая перепалка...

Загонъ кончился, слышна труба распорядителя охоты и всѣ тянутся къ нему, кто съ пустыми руками, «попомъ», кто съ добычей: одинъ несетъ фазана, другой зайца или выкунѣвшую лису, а третій и козла съ хорошенькими рожками. Этотъ счастливецъ, съ козломъ, тотчасъ же получаетъ отъ владѣльца охоты отлічіе: зеленую вѣточку или на шляпу. Дичь вся идетъ, по мѣстному обычаю, владѣльцу охоты, причемъ, однако, охотники могутъ купить у него ту свою добычу, которую тотъ захочетъ продать. Счастливому же стрѣлку достается лишь отъ козла — рожки, а отъ фазана — хвостовое перо на шляпу. Всѣ полюбуются дичью, обмѣняются впечатлѣніями и начинается новый вагонъ. Около полудня охота пріостанавливается на часъ для отдыха и обѣда. Въ назначенное заранѣе мѣсто владѣлецъ ближайшаго кабачка привозитъ на

лошади горячій супъ, сосиски, пиво и вино и всѣ угощаются, кто чѣмъ хочетъ. И такъ идетъ дѣло до темноты...

Это собственно не охота, а стрѣльба — хотя иногда въ чащахъ и не легкая, — по полудомашнему звѣрю. Этой потѣхѣ до нашей трудной, но и поэтической русской охоты какъ до звѣзды небесной далеко. Но все же хорошо было провести такъ погожій денекъ на свободѣ, побродить по лѣсамъ и полямъ, подышать ядренымъ осеннимъ воздухомъ, полюбоваться прекраснымъ звѣремъ, отдохнуть...

А вечеромъ, въ огромной, но уютной гостинной музыка, разговоры, иногда жестокая перепалка съ П. Н. Красновымъ. Пониманіе, что прошлое невоизвратно, у генерала иногда было, но все его прошлое неудержимо тянуло его назадъ и отсюда — двойственность и неувѣренность, какую позцію занять. Особенно много воевали мы изъ-за сіопскихъ мудрецовъ, которыми онъ, конечно, украсилъ свой прославившійся романъ.

— Да бросьте же вы, Петръ Николаевичъ, эту дикую романтику! — говорилъ я. — Не сбивайте людей съ дороги, не туманьте и безъ того сбитыя съ толку головы... Ну, скажите вы, что есть семьдесятъ семь еврейскихъ банковъ, которымъ хочется пожить на несчастьяхъ Россіи, это еще такъ, но какіе же въ наше время «мудрецы»?

— Въ концѣ концовъ это все равно: банки или мудрецы...

— Нѣтъ, не равно! Если рѣчь идетъ о банкахъ, то врагъ весь на виду и, какъ ни трудно, съ нимъ бороться еще можно, а когда вы напоете всѣмъ въ уши о мудрецахъ, то не за кого вѣяться... потому что нѣтъ такихъ мудрецовъ! Да и съ еврейскими банками будьте осторожны: боюсь, что тамъ прячется много очень русскихъ именъ!..

И начинается пальба по всей линіи.

Герцогъ — высокій, стройный, удивительно похожій на императора Николая I, его прадѣда, но съ мягкой и деликатной душой, съ улыбкой смотреть на насъ съ высоты своего роста.

— Объ одномъ я только жалѣю, — говоритъ онъ. — Это, что нѣтъ у меня фонографа записать всѣ эти ваши перепалки...

Надо отдать все же дань справедливости старому генералу въ его рѣдкомъ по нашимъ временамъ качествѣ: онъ давалъ себя убѣждать. Поспорить, поспорить и — согласитсѣ. Сіонскіе мудрецы, какъ говорятъ, изъ втораго изданія романа исчезли. Было бы хорошо также, еслибы исчезли изъ него и страницы пориографическія...

И получаю разъ тамъ, въ Саонѣ, досланныя почтой письма. Среди нихъ одно отъ Леночки. Своими неувѣренными каракулями дѣвчурка сообщаетъ мнѣ извѣстіе, полученное въ моемъ отсутствіи изъ голодной, холодной, сумасшедшей Москвы: мой старикъ развязался съ соціалистическимъ раемъ — умеръ. Также вотъ всю жизнь шумѣлъ, кипѣлъ и умеръ среди развалинъ всего своего міра... И — страшное время!.. — хочется отъ души, жалѣя его, сказать:

— И слава Богу...

А чрезъ нѣсколько времени долетаетъ слухъ о смерти на Кубани моего стараго друга, милѣйшаго С. Д. Николаева, одного изъ самыхъ образованныхъ и сердечныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ... И всю жизнь мечталъ онъ о лучшей долѣ для людей, всю жизнь честно своей мечтѣ этой служилъ и умеръ — въ аду.

А пріѣхалъ къ своимъ въ Рейхенхалль, — жена заболѣла чѣмъ-то мимолетнымъ. Сажу у себя, работаю и, вдругъ слышу, Анна за стѣной тихонько поетъ. Я тихонько вошелъ къ ней. Въ грустныхъ сумеркахъ лежитъ на постели сѣдая, исхудавшая, раздавленная колоссальными и слѣпыми силами жизни, женщина съ мученическимъ лицомъ и въ бреду неувѣреннымъ, тихимъ голосомъ поетъ что-то жалкое, жалкое... И мучительно сжалось сердце...

XXXVI.

Жить въ Рейхенхалль было намъ далеко не такъ пріятно, какъ въ Афленцѣ. Прежде всего значительно

хуже была квартира — такая неудобная, холодная... Конечно, печи у нас топились, водопровод давал воды сколько угодно, канализация работала, электричество горело, жили мы сытно, никто в нас не стрелял, — в сравнении с Москвой рай, но дальше была природа, не так, как в Афленице, где наша дверь открывалась прямо в дикое царство ущелий и лесов. Отсюда же до настоящей природы, неподстриженной, было уже довольно далеко и этими радостями жизни можно было пользоваться уже только изредка. За всю осень я только раз мог вырваться с двумя меньшими на прелестное Königssee. Там, в С. Бартоме, в простеньком кабачке, у подошвы могучего красавца Ватцмана мы пообедали в старой, низкой столовой, украшенной зелеными ветками ели, оленьими рогами и изображениями в натуральную величину тех чудовищных лососей и других гигантов, которые были пойманы счастливыми рыбаками в зеленой глубине прекрасного озера. И какие подписи под этими рыбами: серебряный лосось, пойман около Бартоме в 1759 г., рядом другой, пойманный в 1613 г., и т. д., во все стѣны!.. Потом проехали мы на хорошеньком моторе к Оберзе, прелестному, изумрудному озеру, затерянному среди дикаго нагромождения скал, в горах...

Настроение здесь было значительно спокойнее, чем в Австрии. Монархических чувств здесь никто не скрывал. Существовал отчаянный антисемитизм. Многие баварцы носили шляпы, украшенные особым знаком в виде креста. Я недоумевал, что это за странный знак, — оказалось, что это знак антисемитской лиги в противовес «еврейской пентаграмме», принятой коммунистической Москвой. Когда скончался в Венгрии в своем имении король баварский, все общественные здания подняли национальное знамя в траур, во всех церквях при громадном стечении молящихся шли панихиды, прах короля на всех станциях был встречен безчисленными депутациями со знаменами и оркестрами и трогательными речами и, описывая все эти торжества, наш маленький рей-

хенхалльскій Grenzbote заключилъ свой отчетъ словами: такъ встрѣтила Баварія прахъ своего «отца отечества», des Vaters des Vaterlandes.

И въ одной школѣ здѣсь произошелъ такой характерный случай. Одна изъ дѣвочекъ, дочь социалиста, не явилась на панихиду по королѣ. Товарищи потребовали у нея отчета, почему. Молоденькая социалистка — ей всего 15 лѣтъ, — отвѣчала, что она не желаетъ имѣть ничего общаго съ королями и другими Biersäufer'ами. Мальчишки жестоко исколотили ее... Все это — послѣдствія произведеннаго здѣсь коммунистическаго опыта, который при крѣпкомъ католическомъ духѣ Баваріи, при ея сильномъ крестьянствѣ могъ продолжаться здѣсь всего, кажется, три мѣсяца, а затѣмъ быстро былъ ликвидированъ. Неподалеку отъ меня живетъ мой сапожникъ. У него крохотный, но хорошенкій домикъ и миниатюрный клочокъ земли съ десяткомъ фруктовыхъ деревьевъ и полудюжиной грядокъ. А на фронтонѣ этого домика-малютки гордая надпись: Klein aber mein! И вотъ объ эту-то надпись и разбилъ себѣ здѣсь лобъ козелъ социализма... Въ такихъ домикахъ социалистическимъ вибріонамъ не водъ...

Но не мало было въ этой надломленной жизни и тревожныхъ признаковъ — особенно это катастрофическое паденіе марки и рѣзкое вздорожаніе жизни. Есть экономисты, которые говорятъ, что въ этомъ паденіи марки нѣтъ ничего страшнаго, а даже наоборотъ, въ этомъ можно видѣть и хорошую сторону: вслѣдствіе низкаго курса валюты всѣ фабрики страны становятся внѣ конкуренціи на міровомъ рынкѣ, получается колоссальный спросъ на нѣмецкіе товары и колоссальный сбытъ ихъ и въ то время, какъ Англія и Соединенные Штаты изнемогаютъ подъ тяжестью многомилліонныхъ толпъ безработныхъ, въ Германіи всѣ фабрики и заводы идутъ полнымъ ходомъ и сравнительно ничтожное число безработныхъ съ каждымъ днемъ убываетъ. Это такъ, но у медали есть и обратная сторона: благодаря огромному спросу на нѣмецкіе фабрикаты за-границей, гдѣ они оплачиваются высокой цѣной, фабриканты сплавляютъ туда рѣшитель-

но все, что заготовляютъ, такъ что для внутренняго рынка почти ничего не остается. Исчезли, напримѣръ, у насъ изъ продажи всѣ ткани — гдѣ онѣ? Уплыли за-границу. Мнѣ понадобилась сперва нѣмецкая пишущая машинка, а потомъ велосипедъ для слабенькой Леночки, — достать и то, и другое можно только при протекціи и по очень высокой цѣнѣ. Въ результатѣ этого на внутреннемъ рынкѣ нищета, недостатокъ во всемъ и страшная дороговизна. Дороговизна вызываетъ новыя требованія рабочихъ, а это удорожаетъ производство, а это повышаетъ цѣны — такъ и идетъ какая-то дикая сказка про бѣлаго бычка, сказка, отъ которой тошно жить. И чувствуется какое-то недомоганіе въ странѣ, тягота, тревога и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и — ростъ озлобленія вообще и на Францію, въ частности.

Сидить у меня какъ-то нѣмецъ-монтеръ, провѣряетъ мою пишущую машинку. Горюемъ надъ безвыходностью нашего положенія.

— Вотъ одинъ русскій тутъ есть, — говорю я. — Онъ проповѣдуетъ, что единственный выходъ изъ создавшагося нелѣпаго положенія это образованіе Европейскихъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ Владивостока до Лисабона и отъ Нордкапа до Сиракузъ и Гибралтара. Это дастъ намъ возможность содержать одну, сравнительно небольшую армію противъ Азіи, это уладитъ всѣ наши теперешніе экономическіе раздоры, это дастъ возможность широко и плодотворно работать...

— А что же, мысль прекрасная... — соглашается онъ и вдругъ вспоминаетъ. — Соединенные Штаты это очень хорошо, но... безъ Франціи!..

Русская политическая жизнь все болѣе и болѣе отталкивала меня. Широкое и глубокое національное движеніе все болѣе и болѣе разбивается на борьбу которій разныхъ претендентовъ между собой, въ рядъ какихъ-то жалкихъ и мало опрятныхъ авантюръ. Въ Карловцахъ, въ Сербіи, собрался «всезаграничный» церковный соборъ. Церковное управленіе послало при-

глашеніе на соборъ генералу П. Н. Краснову, и — но личному указанію ген. П. Н. Врангеля и епископа Веніаміна — миѣ, но по пути приглашенія эти кто-то перехватилъ и на соборъ мы поэтому не попали: ген. П. Н. Красновъ находился почему-то на плохомъ счету среди зубровъ, а обо миѣ уже и говорить нечего. Мы съ генераломъ помѣстили совмѣстный протестъ въ газетахъ противъ такихъ малоопрытныхъ манипуляцій, а митрополитъ Антоній, неунывающийъ старичокъ, напечаталъ въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ и рассказалъ всѣмъ, что виноваты тутъ не они, они рады бы видѣть насъ обоихъ въ Карловцахъ, а... большевистскіе агенты, которые и перехватили приглашеніе гдѣ-то на почтѣ!

Наконецъ, выносить весь этотъ малоопрытный Бэдламъ у меня не стало силъ и я подалъ въ Высшій Монархическій Совѣтъ мотивированное заявленіе о своемъ выходѣ изъ рейхенхалльской организаціи: хорошаго понемножку!

Многіе прислали миѣ привѣтствія по поводу моего выхода изъ числа рейхенхалльцевъ, но нѣкоторые, — какъ мой сотрудникъ по «Дѣтницу», проф. Т. В. Локоть, бывший лидеръ трудовиковъ въ Государственной Думѣ, — весьма не одобрили моего рѣшительнаго шага. По миѣнию профессора, надо служить идеѣ и не смотрѣть на лица. «Думаю, что эта наша повадка, — писалъ миѣ онъ, — вѣчно заниматься бичеваніемъ и самобичеваніемъ, — повадка безцѣльная, отрицательная, разрушительная и характеризующая своего рода *психологическій болшеизмъ*: мы и отъ жизни, и отъ людей требуемъ непремѣнно чего-то идеальнаго, *максимальнаго*, а не беремъ жизнь и людей такъ, какъ они есть, и не довольствуемся маленькимъ, постепеннымъ, эволюціоннымъ ихъ совершенствованіемъ. Если хотите, это недостатокъ у насъ *націонализма*: мы были (и еще остаемся) склонны судить о себѣ и о своемъ гораздо строже, чѣмъ о другихъ, о чужомъ (западномъ). Это — тоже если хотите, — *революціонный идеализмъ*, которымъ мозги нашихъ интеллигентныхъ поколѣній отравлялись и дворянской, и демократической литературой, всѣхъ ея видовъ. По

моему, нужно отъ этого «благороднаго идеализма» переходить къ болѣе пригодному для жизни «практическому реализму», который мы всѣ съ такой гордостью склонны называть «западнымъ мѣщанствомъ»...

На такую высоту я подняться не могъ и не могъ служить идеѣ, не глядя на тѣхъ, кто и какъ служили ей рядомъ со мной: вѣдь, чистыя руки это, можетъ быть, единственное, что намъ осталось. Идея недурна вѣдь и у большевиковъ, да вотъ «служители»-то ея сдѣлали изъ этой идеи вселенскій кошмаръ на удивленіе вѣковъ. Совершенно тоже замѣтно было уже и теперь и съ идеей здороваго націонализма и монархизма, которая привлекла-было меня къ себѣ. Дѣлать изъ нея ренту для разныхъ обломковъ былого или пышный горностаевый плащъ для разныхъ претендентовъ мнѣ опредѣленно не улыбалось: я имѣлъ въ виду только Россію, ея благо...

И я цѣликомъ отдался своему надательству, которое въ современной тяжелой обстановкѣ отнимало у меня массу времени и силъ. Типографіи работаютъ медлительно и неаккуратно, одни сотрудники живутъ въ странахъ съ высокой валютой и въ дешевыхъ германскихъ маркахъ имъ платить нельзя, другіе боятся выступить подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ: что скажетъ демократія? Когда купчиха пугается «жупела», это смѣшно, а когда намъ страшна картинка съ стариннымъ русскимъ двуглавымъ орломъ, это не смѣшно! Такъ и лукавятъ потихонечку... Говорятъ: сіонскіе мудрецы, — не въ сіонскихъ мудрецахъ гибель наша, а въ этомъ вотъ «малодушествѣ» всѣхъ... Тѣ же, которые подъ знамя «Дѣтинца» шли, тѣ — увы, — заставляли меня неудержимо... лѣвѣть! Какъ-то И. Д. Сургучевъ писалъ мнѣ изъ Праги: «будьте съ ними осторожны... Вы скоро разочаруетесь въ нихъ... Вы замѣтите, что они прежде всего не только не любятъ, но прямо презираютъ свой народъ...» Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что милый Илья Дмитріевичъ оказался правъ: эти люди хотятъ строить Россію, презиран тотъ народъ, который эту Россію составляетъ на 95%! Это

нелѣпо, но это, къ сожалѣнію, такъ.*) И, конечно, мнѣ съ ними не по пути...

Какъ водится, мое полѣвѣніе вызвало много писемъ: одни поздравляютъ меня съ этимъ, другіе — порицаютъ за это. Но право, если это заслуга, то не моя, а если это грѣхъ, то тоже не мой. Я радъ бы держать себя солиднѣе, но ничего съ собой подѣлать не могу: посмотрѣлъ я на дѣла Маруси Спиридоновой, Виктора Чернова, Керенскаго, меня шарахнуло направо, почиталъ «Двуглаваго Орла», послушалъ Маркова, поглядѣлъ на Тальберга, я въ отчаяніи почти-что готовъ присягнуть бабушкѣ русской революціи... Недавно одна балканская русская газета замѣтила, что «въ Берлинѣ теперь мода лѣвѣть.» Фактъ отмѣченъ совершенно вѣрно, но дѣло тутъ совсѣмъ не въ модѣ, а въ дѣятельности правыхъ. Они свою роль поняли въ томъ, чтобы тащить насъ назадъ въ старое, гнилое болото, увѣряя всѣхъ, что это было не болото, а царство небесное; но если бы это было царствомъ небеснымъ, то нечего было бы намъ дѣлать на берегахъ Шпрэ, мы въ царствѣ небесномъ и остались бы, а разъ мы очутились яа чужбинѣ, то, очевидно, какія-то очень вѣскія причины этому были. И главная не секретъ ни отъ кого: старый порядокъ сгнилъ до корня, рухнулъ и придавилъ собою милліоны людей. И возстановлять эту гниль значитъ бить самого себя обухомъ по головѣ. Охотниковъ на это, конечно, найдется яемного. Потому и шарахаются отъ «Двуглаваго Орла» прочь и подальше...

XXXVII.

Въ Берлинѣ, между тѣмъ, очевидно, не признавая никакихъ потухшихъ маяковъ, люди работали: циркулярная повѣстка извѣстила меня въ моемъ уединеніи,

*) Идеологомъ этого направленія общественной «мысли» является г. И. А. Родіоновъ. Его безцвѣтныя книги дышутъ непримиримой ненавистью къ народу. Пусть народъ плохъ, но почему онъ такъ плохъ? Отвѣтственность за это лежитъ на тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была вся власть и всѣ судьбы вародныя.

что 25 Марта тамъ собирается конференція конституціоналистовъ, на которую организаціонная коммиссія и имѣетъ честь пригласить меня. Въ приложенныхъ основныхъ положеніяхъ будущаго конституціоннаго союза были два параграфа, которыя для меня были непріемлемы: одинъ гласилъ, что Россія должна быть возглавлена во всякомъ случаѣ законной династіей Романовыхъ, что для меня было пока что довольно сомнительно,*) а другой, что, входя въ этотъ союзъ, я тѣмъ самымъ подчиняюсь верховному руководству того самаго Высшаго монархическаго совѣта, изъ подчиненія которому я только-что съ большимъ удоволь-

*) Изъ легитимизма людямъ почему-то хочется сдѣлать какого-то кумирчика и принести ему въ жертву Россію. Я не понимаю этого устремленія. Просмотрите всю русскую исторію съ Петра Великаго, который первый понялъ всю опасность для страны такого принципа и ради Россіи не постѣснился кроваво устранить отъ престола даже своего родного сына, легитимнѣйшаго наслѣдника. А когда, во время прутскаго похода, онъ былъ окруженъ со своими войсками турками и гибель была близка, онъ торопится отправить Сенату посланіе, въ которомъ увѣщеваетъ его, въ случаѣ своей гибели, *избрать изъ своей среды «достойнѣйшаго» ему преемника*. Легитимность Екатерины I весьма сомнительна, еще сомнительнѣе легитимность Анны I и Анны II и Елизаветы, а о жестѣ Екатерины II и говорить нечего: нелегитимность этого, для Россіи очень благотворнаго, жеста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, какъ и устраненіе Павла I его сыномъ. Да и самое начало династіи Романовыхъ было основано совсѣмъ не на принципѣ легитимизма, а на народномъ избраніи. Боролись нѣсколько партій: партія шведскаго королевича, партія Владислава, партія Сигизмунда, партія Пожарскаго и партія Романова. И побѣдила послѣдняя совсѣмъ не потому, что этотъ родъ былъ болѣе «легитименъ», а просто потому, что боярская партія надѣялась, что при молоденькомъ «Мишѣ» она сѣмъетъ взять власть въ свои руки попрочнѣе. Бояре ошиблись: за «Мишей» оказался его ловкій, издавшій виды отецъ, патріархъ Филаретъ, я этотъ совсѣмъ нелегитимный патріархъ и является фактическимъ основателемъ династіи, въ которой, какъ сказано выше, принципъ легитимизма всегда цѣнился весьма невысоко. Мнѣ казалось бы правильнымъ принять точку зрѣнія Петра, ту мудрую точку зрѣнія, которая пользу націи ставитъ превыше всего, и точку зрѣнія 1613 г., которая эту націю дѣлаетъ суверенной хозяйкой своихъ судебъ: она, и только одна она, — а не жертвы «законъ», — должна рѣшить, какъ ей жить дальше.

ствіемъ вышелъ. О неприемлемости для меня этихъ двухъ пунктовъ иниціаторы сѣзда были прекрасно освѣдомлены, но тѣмъ не менѣе, видимо, въ качествѣ какого-то знатнаго иностранца, на сѣздъ меня позвали. Вѣры въ дѣло у меня не было ни малѣйшей, но такъ какъ у меня въ Берлинѣ, все равно, были свои личные дѣла по издательству, то я и рѣшилъ заодно побывать и на сѣздѣ: а вдругъ что-нибудь да и выйдетъ...

Въ Мюнхенѣ я заѣхалъ повидаться къ графу А. А. С-ову, очень образованному и даровитому человѣку и поэту. Мы много говорили о текущихъ событіяхъ, нащупывая выходы изъ того тупика, въ который насъ загналъ неумолимый рокъ. И, провѣряя себя — и другихъ, — я вдругъ, въ упоръ поставилъ моему собесѣднику вопросъ:

— А не думаете ли вы, графъ, что главный трагизмъ нашего положенія въ томъ, что *все* маяки потухли, что мы, въ сущности, не знаемъ, что дѣлать, куда идти?..

— Увы, да!.. — согласился онъ искренно. — Это такъ...

Но вотъ и Берлинъ. Я устраиваюсь въ какомъ-то скромномъ пансіончикѣ по близости отъ Виттенберг-платцъ, бѣгу по дѣламъ, а на утро спѣшу въ «Rotes Haus», гдѣ должны происходить засѣданія конференціи. Много знакомыхъ лицъ, но ничего сенсаціоннаго: митрополитъ Евлогій, Н. Н. Чебышевъ, баронъ М. А. Таубе, проф. Ковалевскій, ген. Бискупскій, М. И. Горемыкинъ, А. М. Масленниковъ, В. М. Левитскій и проч. И, какъ всегда, при встрѣчѣ со мной чему-то смѣется Е. А. Ефимовскій.

— Послушайте, Евгенийъ Амвросіевичъ, вы ведете себя рѣшительно недопустимо... — говорю я ему. — Въ древности авгуры при встрѣчѣ одинъ съ другимъ принимали видъ особенно достойный, а вы смѣетесь такъ откровенно. Не компрометируйте меня, по крайней мѣрѣ, если ужъ вамъ себя не жаль...

Онъ — смѣется...

Начинается молебенъ, кончается молебенъ, а затѣмъ

митрополитъ Евлогій обращается къ намъ съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ онъ призываетъ насъ къ упорному труду и терпимости къ противникамъ, особенно подчеркивая, что мы должны освободить себя отъ желанія мстить своему народу, должны перестать сердиться на него, презирать его: его надо скорѣе пожалѣть... Это меня трогаетъ — эти золотыя снова безмѣрно выше карловацкихъ подвиговъ неистоваго Антонія. И снова поражаетъ меня: митрополитъ торопливо, бѣгло, точно опасаясь заглянуть въ бездну, касается въ рѣчи своей главнаго бѣдствія нашего смутнаго времени: всѣ маяки потухли!..

Передъ началомъ засѣданія митрополитъ Евлогій выражаетъ мнѣ сочувствіе по поводу моихъ послѣднихъ писаній. Мы говоримъ о томъ движеніи народа къ церкви, которое обнаружилось въ Россіи.

— Да. Но не только народъ къ церкви, но и церковь *должна* пойти къ народу, владыка... — говорю я.

— Что вы разумѣете подъ этимъ? — спросилъ митрополитъ.

— Церковь можетъ не участвовать въ карловацкомъ дѣйствѣ, тамъ обойдутся и безъ нея, — сказалъ я. — А вотъ согрѣтъ людей дѣлами милосердія, помочь имъ на ихъ трудномъ жизненномъ пути активно, облегчить ихъ страданія, — это вотъ ея дѣло...

— Да, да... — соглашается митрополитъ. — Грѣха таить нечего: многихъ и многихъ оттолкнули мы въ прошломъ отъ Церкви. Теперь надо вести дѣло иначе...

Всякій политическій сѣздъ, правый или лѣвый, безразлично, всегда, неизмѣнно состоитъ изъ трехъ, численно неравныхъ группъ: тайныхъ и явныхъ вожakovъ всего дѣла, для которыхъ масса сѣзда является лишь орудіемъ для достиженія ихъ — большею частью, личныхъ, — цѣлей, безличной и слабавольной толпы покорно вотирующихъ, хотя иногда и сознающихъ, что ихъ нѣсколько обжигориваютъ, людей, и нѣсколькихъ скептиковъ, гамлетовъ, *enfants terribles*, — такъ зоветъ меня Марковъ II, — которые то, нарушая всякія приличія, шумятъ и говорятъ неподобное, то печально помалкиваютъ...

Я слушалъ въ пол-уха. Все та же и та же старая жвачка, за которой не чувствовалось

...ни мысли плодovитой,
Ни геніемъ начатаго труда...

И вспомнилась святая молодежь, погибавшая за Россію въ степяхъ Кубани и Дона, — Россіи *жертва* нужна, а это все — только словесность...

— А вѣдь дѣла-то табакъ!.. — говорю я какъ-то въ антрактѣ В. М. Левитскому. — Не удастся съѣздъ...

— Ну, отчего? — сказалъ онъ. — Надо, что бы люди столковывались... А потомъ поѣдутъ отсюда на мѣста и повезутъ опредѣленные указанія, чтобы тамъ хоть знали, что дѣлать...

— Для того, чтобы дать указанія, что дѣлать, надо, другъ мой, самимъ прежде всего знать это... — отвѣчалъ я.

В. М. захохоталъ — онъ подумалъ, что это просто виць, острый выпадъ противъ руководителей съѣзда.

— Да вѣдь я не шучу... — сказалъ я. — Я совершенно серьезно...

А на другое же послѣ перваго засѣданія конференціи утро въ большевистской газетѣ «Наканунѣ» появился подробнѣйшій и очень точный отчетъ о немъ. И въ душѣ встаетъ растерянный вопросъ: кто же сдѣлалъ это? Весь воздухъ, которымъ мы дышимъ, отравленъ подозрѣніемъ и измѣной! Впрочемъ, какая то большевистская «миссія», говорили, помѣщается какъ разъ напротивъ этого ресторана, черезъ площадь, и нѣкоторые члены конференціи не разъ отгоняли отъ дверей какихъ-то любопытныхъ господъ. Но тѣмъ не менѣе на душѣ — противная муть...

Вечеромъ я попалъ на чай къ П-имъ, гдѣ долженъ былъ быть пріѣхавшій изъ Америки русскій инженеръ С., по словамъ П-аго, очень интересный человекъ. Дѣйствительно, сынъ орловскаго желѣзно-дорожнаго рабочаго сперва, а потомъ руководитель одной изъ крупнѣйшихъ русскихъ промышленныхъ фирмъ, этотъ самородокъ, *self made man*, рассказывалъ много интереснаго о новыхъ общественныхъ теченіяхъ въ Соеди-

ненныхъ Штатахъ. Особенно интересно было новое устремленіе рабочихъ массъ тамъ: на социалистическихъ «опытахъ», на своей шкурѣ, рабочіе убѣдились съ досточной полнотой, что безъ руководства капиталистовъ имъ, пока что, не жить, но съ другой стороны ихъ возмущаетъ колоссальная роль въ ихъ и въ міровой жизни тѣхъ новыхъ, невидимыхъ, полумиѳическихъ финансистовъ, которые, ворочая милліардами, никогда и въ глаза не видали не только ихъ, своихъ рабочихъ, но и тѣхъ, часто гигантскихъ предпріятій, съ которыхъ они обильно собираютъ золотое руно дивидентовъ. И вотъ ихъ лозунгомъ теперь тамъ, за океаномъ, будто бы, стало: пусть капиталистъ беретъ за свой организаторскій трудъ все, что угодно, но пусть онъ работаетъ въ дѣлѣ самъ, на глазахъ у всѣхъ...

Мы много говорили о крушеніи социализма.

— Но не думаете ли вы, Н. А., что и на другомъ крылѣ нашемъ не совсѣмъ благополучно? — пытая, сказалъ я. — Соціалисты внесли въ хозяйственную и политическую жизнь народовъ невѣроятный развалъ и анархію, но не то же ли наблюдаемъ мы и въ лагерѣ ихъ противниковъ? Эта бессмысленная четырехлѣтняя бойня, эти идиотскія, ничего никому не дающія конференціи — Каннская, Версальская, Генуэзская... — эта нездоровая спекуляція...

— Да, да, конечно... И тутъ происходитъ какое-то колоссальное крушеніе...

Аристократъ-поэтъ, православный митрополитъ, главный директоръ громаднаго предпріятія, всѣ, всѣ, всѣ, когда ставишь имъ роковой вопросъ въ упоръ, должны, вынуждены признать, что умерли и новые, но и старые боги, и что дѣлать, не знаютъ ни они, ни члены конституціонной конференціи, ни господа съ красной звѣздой, то вводящіе, то отмѣняющіе поспѣшно, точно въ послѣднихъ конвульсіяхъ, новую экономическую политику, ни эта миліонная берлинская толпа, мнущаяся подъ кровавымъ желѣзнымъ каблукомъ политиковъ Антанты.

И всплываютъ среди этой мути яркія фигуры про-

шлаго: въ одномъ знакомомъ домѣ я неожиданно встрѣчаюсь съ знаменитымъ военнымъ министромъ російскимъ В. А. Сухомлиновымъ. Этотъ выходецъ съ того свѣта, жалкій, растерянный, длинно рассказываетъ о какихъ-то необычайныхъ успѣхахъ своихъ въ литературѣ, и нагоняетъ на меня настоящую жуть: какъ можно было ставить во главѣ управленія гигантской страной такихъ людей? Непонятно!.. Но угасшій міръ этотъ не слагаетъ оружія и разъ утромъ, когда я по дѣламъ книжнымъ попалъ въ одинъ магазинъ, туда вдругъ прилетѣла омерзительная вѣсть о стрѣльбѣ по Милюкову и убійствѣ Набокова. Стрѣлявшіе оказались офицерами той самой дикой дивизіи, о подвигахъ которой у ген. А. И. Деникина я рассказывалъ въ моихъ «Запскахъ о революціи». А въ послѣднее время они служили наборщиками въ типографіи О. и — странное совпаденіе! — набирали тамъ мои книги... И прямо замѣчательно: хотѣли убить одного, убили другого, небрежно извинились въ происшедшемъ недоразумѣніи, переранили нѣсколько совсѣмъ постороннихъ людей и чувствуютъ себя сверхпатріотами! Нѣтъ, нѣтъ, тутъ дѣлать нечего, это совершенно ясно!

Мы собрались, какъ всегда, въ Rotes Haus въ очень ограниченномъ количествѣ: безплодіе дѣла и скука разгоняли людей неудержимо... Началось горячее обсужденіе телеграммы сочувствія по поводу этого дикаго убійства. И вдругъ — рѣзкій стукъ въ дверь, въ залѣ засѣданій появляется полиція и мы всѣ арестованы! Большевицкая миссія сдѣлала по поводу этого убійства «энергичныя представленія» германскому правительству, указывая на всю вредоносность дѣятельности русскихъ монархистовъ въ Германіи, большевицкая «Наканунъ» изъ себя выходила отъ негодованія на эту «невинно пролитую кровь» — не будемъ вспоминать о чрезвычайкахъ! — и даже всегда корректный «Руль» помѣстилъ истерическую до неприличія статью, призывая на головы всѣхъ русскихъ монархистовъ всѣ кары, какъ земныя, такъ и небесныя!

На двухъ грузовикахъ, подъ конвоемъ наряда поли-

цейскихъ, насъ повезли въ полицей-президіумъ. Съ тротуаровъ на насъ, преступниковъ, глазѣли любопытные. Многіе конференты опредѣленно трусили, хотя и сами не знали, чего. Какой-то господинъ въ очкахъ увѣренно ораторствовалъ.

— Я былъ тогда посланникомъ въ...

Было нестерпимо глупо, скучно и хотѣлось ѣсть. Но допросъ шелъ быстро и очень корректно.

— Г. директоръ, мнѣ хотѣлось бы выѣхать сегодня домой... — сказалъ я. — Вотъ по этой квитанціи я въ три часа долженъ получить плацъ-карту въ Reisebureau. Не откажите отпустить меня поскорѣе...

— О, пожалуйста!

Обмѣнявъ самыми изысканными поклонами и я уже несусь въ Reisebureau за билетомъ, а оттуда объѣдать. Баста, довольно, — пусть конференція безъ меня блистаетъ путеводнымъ маякомъ для бѣдной Россіи! Я — не хочу...

XXXVII.

Между тѣмъ стѣна между Россіей и остальнымъ міромъ становилась все тоньше и тоньше, все шире и шире образовывались въ ней прорывы. Изрѣдка стали доходить оттуда ко мнѣ даже письма отъ брата, но огромное число ихъ пропадало: слѣдятъ, что ли... И все болѣе и болѣе бѣжало въ тотъ станъ перелетовъ, — начиная съ генерала Слащева. Въ Берлинѣ начала выходить новая большевистская газета съ цѣлымъ рядомъ профессорскихъ и «бѣлыхъ» именъ, и печатаются въ ней уже и гр. А. Н. Толстой, и Зин. Венгерова, и готовятся весной въ Россію тысячи бѣженцевъ. «Руль» читаетъ имъ всѣмъ строгія нотаціи, но, если не остаются они съ «Рулемъ», очевидно, есть какія-то вѣскія причины этому.

— Да!.. Имъ подъ теплымъ крылышкомъ Ульштейна не дуется!.. — злился на «Руль» одинъ озлобленный. — Нѣтъ, а ты вотъ послоняйся здѣсь безъ дѣла, когда за спиной стоитъ не Ульштейнъ, а голодъ...

Летать перелеты и съ того берега сюда: «захвораль» не только Максимъ Горькій — многимъ уже нездоровится тамъ, многіе уже за «переутомленіемъ» просятъ въ отпускъ. Передъ самой конференціей, только что, былъ у меня такой перелетъ съ того берега: прическа — умопомраченіе, костюмчикъ съ иголки, портсигаръ, спичечница, часы, цѣпи, все золотое. И ругательски-ругаетъ большевиковъ... А другіе просто хулиганять — на публичныхъ собраніяхъ, въ журналахъ, въ ресторанахъ, всюду и не стыдятся...

При каждомъ замѣтномъ перелетѣ среди бѣженцевъ, конечно, поднимается страшный шумъ, въ газетахъ дѣлаются благородные жесты, испускается масса негодованія, но... я не негодовалъ, не шумѣлъ, не дѣлалъ жестовъ. Перелеты объяснялись совсѣмъ не ихъ исключительной подлостью и злодѣйствомъ, а главною причиною ихъ было смятеніе души, глубокій сумракъ, одѣвшій всѣ наши горизонты... Умираетъ вотъ жестоко и нелѣпо В. Д. Набоковъ и изъ одного изъ его послѣднихъ писемъ мы узнаемъ, что и онъ не зналъ, куда идти и что дѣлать. «Какія слова сейчасъ нужны и дѣйственны? — писалъ онъ П. И. Новгородцеву за нѣсколько дней до смерти. — Какія струны надо задѣть въ совѣсти и сердца? Куда, къ чему звать? *Во всемъ разувѣрились...* А что-то нужно, какой то новый подходъ... Или *и это* иллюзія?..» Со стороны кажется, «Руль» монументально увѣренъ въ своихъ «славныхъ завѣтахъ», но вотъ проносится надъ нимъ гроза, открывается одна интимная страничка изъ жизни его руководителя и мы съ удивленіемъ узнаемъ, что вся проповѣдь его это только старый разбѣгъ, что животворящаго огня вѣры въ трудъ человѣка уже нѣтъ, что онъ за старыми хорошими словами прячетъ отъ себя и отъ людей ту пустоту, среди которой и онъ — наряду со всѣми нами — оказался. И дѣлается прямо страшно...

Къ этому времени стало уже совершенно ясно, что цѣна всѣмъ интервенціямъ — грошъ переломленный, что ихъ наши друзья терпятъ только по стольку, по скольку онѣ ослабляютъ Россію, и что дѣло какъ-то разрѣ-

шится само собой, тамъ, на мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поднялъ кто-то карельское возстаніе — нелѣпое, жалкое, — большевики быстро и жестоко ликвидировали его и единственнымъ результатомъ этой несчастной попытки было увеличеніе и безъ того колоссальнаго числа жертвъ гражданской войны и страданій. Параллельно съ этимъ возстаніемъ начало развиваться, казалось, движеніе Меркулова на Дальнемъ Востокѣ, но бѣлые генералы ссорились одинъ съ другимъ, одинъ другого — по сообщенію «Руля», — арестовывали, войска ихъ, естественно, впали въ уныніе и на дняхъ прилетѣлъ слухъ, что Меркуловъ уже ликвидированъ и Владивостокъ занятъ красными. Точно какое-то проклятiе тяготѣетъ надъ всѣми этими бѣлыми генералами: Колчакъ, Деникинъ, Дутовъ, Красновъ, Врангель, Юденичъ, Миллеръ, карелы, Меркуловъ, баронъ Унгернъ, всѣ съ чрезвычайной быстротой сведены красными на нѣтъ! Естественно, что бѣженецъ ставитъ на бѣломъ движеніи крестъ и ищетъ возможности перелетѣть «на тотъ берегъ» въ смутной надеждѣ, что спасеніе пойдетъ изнутри, что «спасены» будутъ тѣ, которые «претерпѣли до конца» всѣ эти бѣдствія и ужасы дома.

Эмигрантская же жизнь наводитъ страшное уныніе на человѣка, — прежде всего своимъ страшнымъ идейнымъ не только уже разбродомъ, но какимъ-то даже уже разложеніемъ: всѣ подѣлились на десятки всякихъ партій, секцій, подсекцій, безсильныхъ, жалкихъ, запутавшихся, и никто ясно въ грядущемъ не видитъ ничего. Эфемерныя газетки то и дѣло открываются и закрываются. Уже погибло «Общее Дѣло» все еще не сознающаго и своей вины Бурцева, погибъ Ефимовскій со своей «Грядущей Россіей», Милюковъ безнадежно сидитъ между тремя какими-то туманными стульями, Врангель строго держится своихъ прежнихъ лозунговъ, но его генералы принимаютъ участіе въ Карловцахъ, въ этомъ дикомъ дѣйствѣ кучки наувѣровъ, а начальникъ Алексѣевского юнкерскаго училища телеграфно выражаетъ свое сочувствіе «Новому Времени», которое только что выступило съ проповѣдью «каленаго желѣза», какъ единственнаго сред-

ства спасенія Россіи... А на фонѣ этого духовнаго разложенія эмиграціи, то и дѣло открываются въ Берлинѣ все новыя и новыя кабаки подъ старыми, славными названіями: уже работаетъ Оливье, и «Стрѣльна», и «Яръ», и «Медвѣдь», и еще какіе-то, и визжитъ и кричится уже «цыганскій» хоръ князя Голицына, и пляшутъ почти голыя русскія балетчицы, которымъ русскія газеты придаютъ какое-то совершенно сверхъестественное значеніе, какъ будто это задираніе ногъ является однимъ изъ величайшихъ достижений русскаго духа! А оттуда, изъ-за рубежа, гдѣ уже матери поѣдаютъ своихъ дѣтей, летятъ социалистическіе аэропланы — при старомъ режимѣ такого похабства не было... — которые и везутъ берлинскимъ безобразникамъ зернистую икру по что-то такое 2000 мар. за граммъ! И господа съ красной звѣздой, апостолы новаго міра, принимаютъ въ этомъ прекрасномъ фестивалѣ самое горячее участіе...

Понятны, очень понятны эти перелеты! Здѣсь не для кого стало работать, не для чего, жить тутъ не при чемъ, — душой не при чемъ. *Психологическій перелетъ и революціи дома и эмиграціи здѣсь пройденъ уже*, позади, — наступаетъ медленная, тяжелая и страшная ликвидація безумствъ, содѣянныхъ нами, — не одними большевиками, нѣтъ, но всѣми нами....

За долгіе годы нашей смуты много нами пережито, много передумано, и какъ результатъ всего этого, у всякаго разумнаго человѣка, у всякаго человѣка съ живымъ сердцемъ должно явиться не нововременское каленое желѣзо, а нѣчто совершенно противоположное: злоба утихаешь, поднимается желаніе понинть народъ до дна, а чѣмъ больше дѣлаешь усиліе понять, тѣмъ болѣе утихаешь злоба, несмотря на всѣ нечеловѣческія злодѣянія, совершенныя имъ. Нельзя, нечестно смѣшивать его въ одну кучу съ негодяями, мучающими его! Возстаніе ихъ это возстаніе тѣхъ, которые долго терпѣли, возстаніе тѣхъ, надъ которыми жестоко насмѣялись, возстаніе тѣхъ, которые жестоко, нечеловѣчески страдали. Откуда эта анархія? Изъ *злоупотребленій* старой власти. Откуда этомъ «соціализмъ»? Изъ зло-

употреблений капитализма, которыя такъ ярко и такъ жестоко сказались во время войны,*) когда, какъ на грѣхъ, сказались съ особенною силой и злоупотребленія власти.

Помню, разъ на Садовой въ Москвѣ встрѣтилъ я полки сибирскихъ стрѣлковъ, которые отправлялись на фронтъ, — никогда я не былъ воинствующимъ патриотомъ своего отечества, но при видѣ этихъ прекрасныхъ, точно желѣзныхъ полковъ я, помню, буквально ахнулъ отъ восхищенія. А чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы изъ газетъ узнали, что эти чудные, одушевленные горячимъ національнымъ чувствомъ полки, — этого ихъ неподдѣльнаго одушевленія отрицать никто не посмѣетъ, — бѣжали, разстроенные, отъ врага, ибо у ихъ артиллеріи не было ни единого снаряда и даже ружейные патроны были въ обрѣзъ, ибо негодяи, пробравшіеся къ власти, послали ихъ на убой безоружными. Вспомните первое послѣ объявленіе войны появленіе царя народу на балконѣ Зимняго дворца, когда стотысячная толпа, разомъ опустившись на колѣни, запѣла гимнъ, вспомните первое во время войны пребываніе царя въ Москвѣ и эти безконечныя, горячія оваціи, которыми вездѣ и всюду встрѣчаль тамъ его, главу, мистическій центръ государства, народъ, — что же господа, стоявшіе у власти, съ этимъ энгузіазмомъ, съ этимъ несомнѣннымъ патриотизмомъ сдѣлали? Всѣ эти сокровища народнаго чувства они безстыдно, цинично втоптали въ грязь. Они повели войну такъ, что всѣ мы сходили съ ума отъ бѣшенства. И удивительно не то, что солдаты, наконецъ, взбунтовались, а то, какъ они еще долго и покорно, точно щадя Россію, терпѣли эти гнусныя издѣвательства насквозь сгнившихъ властителей. Они издають теперь и записки Жильяра, и всякіе революціонныя и предреволюціонныя архивы, наполняя тысячи и тысячи печатныхъ страницъ оправданіями

*) И канканъ этотъ продолжается. Я знаю книгу, которая издателю стоила 6—7 М., продается она въ Берлинѣ 85 М., а въ Соединенныя Штатахъ 1 долл., т. е. 300 М.! Мы кричимъ — и основательно — противъ экономическаго разбоя большевиковъ, а это что?!

старого режима, *т. е. самооправданіями*, но оправдаться имъ невозможно: они были у власти, когда съ народа взимался водочный налогъ въ размѣрѣ двухъ милліоновъ *въ сутки* золотомъ, они бессмысленными распоряженіями своими создавали въ старой Россіи голодовки — я самъ бывалъ на нихъ, самъ, своими глазами видѣлъ тотъ ужасъ и ту, главное, бессмыслицу, — они насаждали позорную каррикатуру на просвѣщеніе, которая называлась у насъ народными школами, подъ ихъ управленіемъ фабрикантъ Морозовъ платилъ у себя въ «русскомъ Манчестерѣ» семейному ткачу 12 р. въ мѣсяцъ, субсидируя въ то же время революціонную «Искру» въ Женевѣ, они организовали всемірную бойню народовъ и украсили землю 15,000,000 могилъ довѣрившихся имъ людей... Нѣтъ, оправданія имъ нѣтъ, — они должны смиренно стать на колѣни и просить у своихъ жертвъ прщенія. Большевики показали, чего не надо дѣлать, но не въ меньшей степени показали это и они.

Большевики ихъ порожденіе, ихъ дѣти или, еще точнѣе, наше порожденіе, наши дѣти и, какъ они, слуги старого рѣжима, искупили свои грѣхи въ чрезвычайкахъ, такъ искупили свои вины и преступленія взорванныя ими темныя массы среди апокалипсическихъ ужасовъ современной Россіи.

Нѣтъ спора: революція была насквозь безграмотна, дьявольски жестока, нестерпимо подла, но сдѣлалъ ее такой — и вообще ее сдѣлалъ, — старый режимъ, оставлявшій народъ въ исторической темнотѣ, утопившій его сперва въ водкѣ, а потомъ въ моряхъ крови на войнѣ, гдѣ были забыты всѣ законы какъ Божескіе, такъ и человѣческіе, и гдѣ темный человѣкъ постепенно и научился, подъ руководствомъ «государственно-мыслящаго элемента», быть звѣремъ.*) И не только погубили они насъ тогда, восемь лѣтъ назадъ, но совершенно опредѣленно ведутъ со своей политикой

*) Въ Берлинѣ только что вышла въ изданіи «Дѣтинца» книга проф. М. А. Таубе: «Вѣчный миръ или вѣчная война?» Уважаемый авторъ прямо говоритъ въ ней, что всѣ наши терпѣнія звѣрства и ужасы выросли въ окопахъ.

дьявольской вражды на погибель и теперь, — объ этомъ мы должны кричать на всѣхъ перекресткахъ!

Мало утѣшительнаго въ эмиграціи — странно: это я почувствовалъ и отмѣтилъ еще въ монахъ «Запискахъ о революціи», когда я плылъ изъ Новороссійска на «Аеонъ», — и потому вполне понятно, что люди рвутся домой, какъ тамъ ни страшно.

И, если бы Господь Богъ далъ себѣ трудъ выслушать со своихъ небесныхъ высотъ сыновъ человѣческихъ, то теперь Его слѣдовало бы молить лишь объ одномъ: чтобы далъ Онъ, наконецъ, русскимъ людямъ силы простить свои взаимныя великія ошибки и прегрѣшенія. Но Господь плохо слушаетъ наши молитвы и этого желаннаго чуда не свершится, а у насъ самихъ ни разума, ни человѣчности опредѣленно не хватаетъ, чтобы принять этотъ единственный спасительный для всѣхъ выходъ: возьмите любой номеръ «Правды» московской съ одной стороны и любой номеръ бѣлградскаго «Новаго Времени» — съ другой. И выстрѣлы по Милюкову, Набокову и по безоружнымъ людямъ, собравшимся послушать всякихъ разговоровъ, ярко доказываютъ тщету этой мольбы. И все, что намъ, повидимому, остается, это дальше и дальше мучительно исходить кровью...

Эмиграція гордо утверждаетъ про себя, что она соль Россіи, которая, видите ли, гордо не захотѣла покориться торжествующему хаму. Время разбило эту гордую ложь. Эмиграція сѣумѣла только перессориться до стрѣльбы одинъ по другому, а на вершинѣ ея достиженій красуется «Яръ» съ цыганскимъ хоромъ. Къ кому тянется ваше сердце, къ той ли матери, которая свои руками топить дѣтей своихъ въ Волгѣ, чтобы они не мучились напрасно, или къ тѣмъ матерямъ, которыя роскошно проводятъ свое время, кочуя между «Яромъ» и «Стрѣльной», къ митрополиту ли Антонію, скачущему на радѣннѣ изувѣровъ въ Карловцахъ, или къ тихой величавой фигурѣ патріарха Тихона, блюдущаго огни Церкви среди урагановъ пугачевщины?

Здѣсь — малодушные, убоявшіеся, а тамъ Россія, пусть тяжело больная, но все же наша Россія, тамъ не

только большевики, но и наши близкіе въ огнѣ страданій, тамъ нашъ родной народъ. Здѣсь быть заставляетъ насъ только слабость, но долгъ повелѣваетъ, несомнѣнно, быть тамъ. Не можемъ мы послѣдовать его страшному велѣнію, пусть, но, по крайней мѣрѣ, не будемъ пыжиться и лгать о какой-то тамъ «гордости», во-первыхъ, а во-вторыхъ, проникнемся тѣмъ святымъ чувствомъ, которое продиктовало большому современному поэту, поэту-пророку, какъ никто, появившему душу Россіи, эти вотъ прекрасныя строки:

Я-ль въ тебя посмѣю бросить камень,
Осужу-ль страстной и буйный пламень,
Въ грязь лицомъ тебѣ не поклонюсь,
Слѣдъ босой ноги благословляя,
Ты, бездомная, гуляющая, хмѣльная,
Во Христѣ юродивая Русь?!..

XXXVIII.

Но въ то же время и прежде всего — Боже, какъ мы устали! Вѣдь, самая завѣтная теперь мечта моя, и со мною миллионы другихъ людей, это какая-нибудь глухая, глухая дыра, гдѣ можно спрятаться вдали отъ всего... О, если бы хоть послѣдніе годы удалось видѣть мнѣ свою давнюю мечту осуществленной, мечту о маленькомъ домикѣ на родныхъ «Пантюкахъ», откуда открываются такія зеленныя, такія русскія дали, гдѣ, въ тишинѣ, я могъ бы работать надъ своими новыми, примиряющими кпигами, гдѣ я смотрѣлъ бы въ тихіе часы отдыха, какъ поютъ и пляшутъ комары, гдѣ могъ бы я бродить по весеннимъ лучамъ и упиваться, — какъ бывало, ребенкомъ, — свѣжимъ, ароматнымъ вѣтромъ... И недавно, когда я, набѣгавшись по дѣламъ въ Берлинѣ, зашелъ поужинать въ одинъ скромный русскій ресторанчикъ, ко мнѣ подсѣлъ М., сынъ разстрѣяннаго большевиками министра временъ упадка стараго режима. И онъ, молодой человѣкъ, мечталъ вслухъ:

— Къ себѣ бы, назадъ теперь! И, конечно, непременно въ деревню... И ни на чорта не нужна

миѣ наша прежняя большая усадьба — миѣ нужно только избу хорошую... И завелъ бы я съ женой куръ своихъ, утокъ, гусей... Корову бы купили... А остальное все — ко всѣмъ чертямъ... А наши въ Висбаденѣ меня за эти вотъ рѣчи большевикомъ ругаютъ...

— А плюньте вы на этихъ идиотовъ! — посовѣтывалъ ему я.

Своя изба, корова, куры да гуси, да весенніе луга, да зеленые дали, кажется, вѣдь немного? И тѣмъ не менѣе все это неисполнимая мечта, только мечта! Вѣдь, представляя себѣ Россію такъ, какъ будто ничего, — ни войны, ни революціи, — не было, мы всѣ бѣжимъ за миражомъ, за тѣмъ, что уже умерло, чего уже нѣтъ.

Представимъ себѣ конкретно, что ждетъ насъ тамъ, за кровавымъ рубежомъ, даже въ лучшемъ случаѣ, то есть, даже когда кровавый теперешній режимъ уступитъ мѣсто жизни болѣе человѣческой, когда мы сможемъ перешагнуть границу безъ всякаго страха за участь свою или нашихъ близкихъ. Что увидимъ мы тамъ?

Мы увидимъ сумрачные, полуразрушенные, до нельзя загаженные города. Квартиры приведены въ состояніи хлѣва и нѣтъ никакой возможности придать имъ видъ человѣческаго жилища: нѣтъ свѣжихъ обоевъ, нѣтъ бѣлизны, нѣтъ красокъ, нѣтъ мебели, нѣтъ кроватей. Магазины начинаютъ понемногу открываться, но долго еще будутъ пусты ихъ полки и прилавки. Нѣтъ одежды, нѣтъ обуви, нѣтъ пищи, нѣтъ гвоздей, керосина, посуды, сахара, чаю, нѣтъ рѣшительно ничего. Заболѣлъ у васъ близкій человѣкъ, докторъ пишетъ рецептъ, — въ аптекѣ нѣтъ лекарствъ. А то, что въ продажѣ есть уже, то недоступно по цѣнамъ никому, кромѣ всякаго рода спекулянтовъ, которые долго еще будутъ, какъ вредоносные гады, владѣть больнымъ организмомъ страны. На улицахъ сѣрые, раздѣтые, разутые, до послѣдней степени раздраженные люди, къ которымъ страшно подойти. Въ домѣ грязно, холодно, неудобно... Хулиганство цвѣтетъ въ жизни

пышнымъ цвѣтомъ, ибо куда дѣнемъ мы милліоны молодежи, прошедшей большевистскую школу, цвѣтеть пышно всяческій развратъ, ибо среди насъ будутъ жить дѣвочки, научившіяся рожать уже въ двѣнадцать лѣтъ, и милліоны негоднень, которымъ «все позволено», и будутъ среди насъ люди, которые ѣли людей...

Желѣзные дороги, разбитыя, испакощенные, едва дышутъ. Бѣдѣть по нимъ страшно: всюду свирѣпствуютъ всякія эпидеміи, а въ особенности, тифъ, поля и лѣса полны шайками разбойниковъ, которыхъ простой волчій голодъ заставляетъ нападать и на поѣзда. Борьба съ ними займетъ долгія десятилѣтія, какъ это было и послѣ первой смуты, въ царствованіе Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича, когда всевозможные «шиши» безчисленными отрядами разносили Россію, жгли усадьбы и деревни, заливали своимъ «врагамъ» горло расплавленнымъ свинцомъ, вѣшали людей по деревьямъ сотнями. Что бы прекратить эти разбои и безчинства, нужно очень сильное правительство, но создать его скоро невозможно, — и благодаря «штатнію умовъ», и просто благодаря отсутствію у него простыхъ техническихъ средствъ управленія: какъ править страной безъ путей сообщенія, безъ почты, безъ телеграфа, безъ надежной администраціи на мѣстахъ? Будутъ многочисленныя смѣны одного правительства другимъ или во всякомъ случаѣ попытки такихъ смѣнъ, будутъ кровавые погромы на всѣхъ фронтахъ: сегодня евреевъ, завтра, во время рѣзкой вспышки эпидеміи, докторовъ за то, что они отравляютъ колодцы, послѣ завтра всякую общественную попытку остановить разнуздавшагося звѣря и выйти изъ подъ его власти. «Новое Время» уже начало проповѣдь «каленнаго желѣза» и весь ужасъ въ томъ, что гнусная проповѣдь эта несомнѣнно найдетъ откликъ въ темныхъ, измученныхъ массахъ. Застѣнки будутъ въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ поселкѣ и мы будемъ жить среди воплей истязуемыхъ и хрустѣнія ихъ костей на всякаго рода дыбахъ и висѣлицы съ длинными тѣлами повѣшенныхъ и чугунными лицами ихъ будутъ обычнымъ укра-

шеніемъ нашихъ городовъ и селеній. Будутъ неизбѣжно кровавыя возстанія и жестокія усмиренія ихъ, жизнь, красная отъ крови, страшная, волчья, и тысячи, миллионы людей съ измученными душами будутъ тѣсниться въ церквахъ, ожидая спасенія, ожидая чуда, и миллионы ихъ уйдутъ съ отчаяніемъ въ могилы, такъ этого чуда и не дождавшись.

Будутъ неизбѣжныя войны и на окраинахъ государства и внутри, гражданскія: одни за учредилку, другіе за Петлюру, третьи за одного, четвертые за другого царя, безъ конца, безъ конца, и съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ годомъ все свободнѣе, все просторнѣе будетъ становиться на широкой Руси: уже теперь въ Поволжьи, говорятъ, опустѣли, вымерли цѣлыя волости, а Нансенъ и другіе утверждаютъ, что за весну погибнетъ отъ голода и эпидемій по крайней мѣрѣ 20 000 000 человекъ...

И будетъ жизнь наша сѣра, какъ выжженная солнцемъ, безводная пустыня. Что дѣлало ее раньше такой пестрой, такой красивой, теплой, живой? Вѣковой, если не тысячелѣтній бытъ, прекрасные, съ дѣтства родные обычаи, пышными узорами покрывавшіе ее во всѣхъ направленіяхъ. Но старый бытъ умеръ и — воскреснетъ ли онъ когда? Ибо долгіе годы намъ просто физически будетъ невозможно возстановить его по скудости нашей во всемъ, по нашему убожеству, а за долгіе годы эти многое забудется новыми поколѣніями, многое отомретъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пойдемъ мы отъ плащаницы съ тихими огоньками свѣчекъ, если нѣтъ воска на эти свѣчки? Гдѣ возьмемъ мы радостную пестроту пасхальныхъ янчекъ, если нѣтъ куръ и нѣтъ красокъ? Откуда возьмутся пляшущіе ряженые на Святкахъ, когда не во что и въ будни-то одѣться и нѣтъ веселья въ сердцахъ? И на долгіе годы, если не на всегда, исчезнутъ бѣшенныя, всѣ въ веселыхъ бубенцахъ, тройки, бурей носившіяся нѣкогда по нашимъ дорогамъ во время широкой разгульной масленицы, ибо нѣтъ уже не только хорошихъ лошадей, но нѣтъ даже и клнчъ. И у многихъ ли изъ насъ, измученныхъ, озлобленныхъ, хватить силы подойти къ

ближнему своему въ Свѣтлый день, радостно привѣтствуя его древнимъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресъ»?... И десятки лѣтъ, — а, можетъ быть, и никогда, — не возродится бывшее русское гостепріимство, такъ выгодно отличавшее насъ раньше отъ европейцевъ, ибо гостя будетъ просто нечѣмъ принять...

То, что ждетъ насъ въ Россіи и теперь, при большевикахъ, и даже тогда, когда они уйдутъ, это жизнь сѣрая, скудная, жестокая, насъ ждетъ страданіе, насъ ждетъ подвигъ, — безъ всякой надежды на награду за эти страданія и подвиги, ибо, если что теперь и ясно, то это то, что мы, наше поколѣніе, расцвѣта русской жизни, прежней ея сытости и довольства, прежняго покоя ея не увидимъ, просто не доживемъ до всего этого...

Мы жаждемъ прежде всего отдыха и покоя, но не дано намъ будетъ ни того, ни другого: мы — кто же кромѣ насъ? — должны будемъ изъ всѣхъ силъ выбиваться, чтобы возстановить разрушенное. И встаетъ старый тяжкій вопросъ: «такъ что же намъ тогда дѣлать?» Тысячи отвѣтовъ давались на него людьми, но ни одинъ отвѣтъ не оказался исчерпывающимъ этотъ вопросъ до дна и навсегда.

Такъ что же намъ дѣлать?

Конечно, единственный, но жестокій отвѣтъ на него, вытекающій изъ всей этой книги, это два старыхъ слова: не знаю! Но не мирится сердце съ этимъ рѣшеніемъ и подсказываетъ, какъ отвѣтъ, то, чего, можетъ быть, и не будетъ, но чего ему хочется, чтобы было. Да, наконецъ, и просто *надо же какъ-нибудь устроиваться, какъ-нибудь жить!*..

Одно во всякомъ случаѣ совершенно ясно: поднявшійся въ облака фантазіи Икаръ съ поломанными крыльями непремѣнно упадетъ снова на землю. Откатъ народовъ назадъ будетъ въ буквальномъ смыслѣ слова страшный. Но хотѣлось бы сердцу, чтобы люди разума, люди совѣсти, люди чести какъ-нибудь объединились бы — хотя бы во имя простой человѣчности, такъ забываемой въ наше время, — и попытались не дать массамъ откатываться назадъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Затѣмъ, когда жизнь неизбежно откатится назадъ, на старыя, загаженныя позиціи, то всѣ люди съ живымъ сердцемъ въ груди, съ живымъ умомъ въ головѣ, богатые нашимъ ужасающимъ опытомъ — какъ государственно-мыслящіе съ ихъ международной бойней и раззореніемъ, такъ и ихъ противники, фантазеры и мечтатели, — всѣми силами должны бы снова энергично, но съ чрезвычайной осторожностью двинуть ее впередъ, всячески избѣгая попадать въ тѣ старыя ямы, на которыхъ многіе изъ насъ сломали голову, и всѣ — душу. Какія же это ямы? Это: невѣжество народное, его пьянство, его омертвѣвшая религія съ казенными батюшками, которые, какъ теперь вдругъ безобразно обнаружилось, хранили въ своихъ храмахъ и монастыряхъ тысячи пудовъ серебра, золота, платины, пуды брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней, хранили неизвѣстно для чего среди голодающаго народа, народа невѣжественнаго, народа во всемъ отставшаго, и дождались, что всѣ эти народныя сокровища попадаютъ теперь въ ненасытную прорву международныхъ авантюристовъ и разбойниковъ! Старыя ямы это нездоровый утопізмъ, выросшій на почвѣ голода, безправія, темноты, кровопролитія, пышныя красныя слова, подъ которыми оказалась бездонная трясина, телефонныя столбы, которые не могутъ и не должны играть роль въ рѣшеніи дѣлъ человеческихъ, и пр., и пр., и пр.

Вотъ мои ребятишки бѣгаютъ теперь въ нѣмецкую гимназію. Но я хочу, чтобы они все же остались русскими людьми, и по мѣрѣ силъ даю имъ читать то, что слѣдуетъ, говорю имъ о Россіи, а со старшей, съ Люсей, занимаюсь самъ русской исторіей. Подошли мы уже къ царствованію Екатерины II, ко времени раздѣла Польши. Люся рассказываетъ мнѣ объ этомъ.

— Такъ... — говорю я. — Прекрасно. Теперь укажи мнѣ главныя причины упадка Польши...

II дѣвочка по учебнику, разрѣшенному старымъ начальствомъ, рассказываетъ мнѣ о томъ, какъ всякій вадорный, часто подкупленный за бутылку хорошаго вина шляхтичъ, пользуясь своимъ правомъ *liberum*

veto, могъ на сеймѣ сорвать любое, хотя бы и самое мудрое рѣшеніе — это чрезвычайно тормозило ходъ дѣлъ государственныхъ.

— Разъ... — говорю я утвердительно. — Значить, къ управленію всякимъ государствомъ могутъ быть допущены только люди чести, люди опыта, люди солиднаго знанія, люди большой любви къ Родинѣ...

— Да... — говоритъ дѣвочка. — Кромѣ того высшіе классы тамъ не только нисколько не заботились о положеніи классовъ низшихъ, но пренебрегали ими, презирали ихъ, издѣвались надъ ними...

— Два!.. — говорю я утвердительно. — Значить, если мы хотимъ видѣть нашу Россію великой, сильной, богатой, здоровой, мы прежде всего должны думать о положеніи народа, работать для улучшенія его доли, заботиться, чтобы и ему жилось подъ солнцемъ весело, вольготно на Руси. Онъ — фундаментъ государства и фундаментъ долженъ бытъ сложенъ крѣпко. Раньше мы мало заботились о немъ и — попали поэтому въ Баварію... Не будемъ повторять нашихъ старыхъ ошибокъ въ будущемъ...

Но есть ли въ сердцѣ твердая вѣра въ то, что это именно такъ и будетъ?

Боже мой, сказать да, значить, солгать прежде всего самому себѣ, а сказать нѣтъ — прямо силы не хватаетъ: для чего же жить тогда? Хочу вѣровать, Господи, но изъ всѣхъ силъ помощи моему невѣрію!..

И потому все, что каждому изъ насъ остается, это старое, немножко фаталистическое правило: дѣлай, что должно, а тамъ будь, что будетъ! И вѣхами на этомъ трудномъ пути въ наше смутное будущее для насъ да будетъ: новая Россія — широкая человѣчность — честность — напряженный, неустанный трудъ...

И это, пока въ трудномъ дѣланіи не расчистятся наши горизонты, — все...

ТОГО ЖЕ АВТОРА

появилось въ 1921—1922 гг.:

- «Осени поздней цвѣты запоздалые» — к-во Поволоцкаго въ Парижѣ.
- «Менэ-тэкал-Фаресъ», романъ, на болгарскомъ языкѣ, — к-во «Животъ» въ Софіи.
- «Въ долината на скърбъта», рассказы, на болгарскомъ языкѣ, — к-во «Животъ» въ Софіи.
- «Записки о революціи» — к-во «Русь» въ Вѣнѣ.
- «Записки о революціи» — на нѣмецкомъ языкѣ, «Drei Masken Verlag», München.
- «Записки о революціи» на чешскомъ языкѣ, — к-во «Polygraphia» въ Брюннѣ.
- «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ», на нѣмецкомъ языкѣ, въ «Tolstoj-Denkwürdigkeiten» — изд. «Graphischer Kunstverlag», Вѣна.
- «Во мглѣ грядущаго», — рассказы, на русскомъ языкѣ, к-во «Дѣтинецъ».
- «Во мглѣ грядущаго», на чешскомъ языкѣ, готовится къ печати.
- «Каменная баба», рассказы, к-во «Дѣтинецъ».
- «Передъ катастрофой» — рассказы, изд. 2-е, к-во «Дѣтинецъ».
- «Четверть вѣка спустя», — повѣст., к-во «Дѣтинецъ».

НОВОСТИ!

Ив. Наживинъ. — Передъ катастрофой. — Разказы.

«Послѣ ряда разкавовъ изъ современной русской жизни, написанныхъ авторомъ въ суетѣ бѣженскаго быта, такъ пріятно отдохнуть на вышедшемъ вторымъ изданіемъ сборникъ его разказовъ о недавнемъ прошломъ. Отъ сборника вѣтъ чѣмъ-то далекимъ и ушедшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ знакомымъ. Въ этихъ разказахъ на васъ смотрятъ живыя русскія лица, какими они были передъ катастрофой, не искаженные невыносимымъ страданіемъ и гримасами злобы и ненависти. Особенно хороши разказы о дѣтяхъ „Милыя тѣни“ и чудесный набросокъ „Голоса предковъ“.»

(«Своб. Рѣчь».)

Ив. Наживинъ. — Въ деревнѣ. — Разказы о дѣтворѣ.
— Изданіе 3-е.

Первоначально разказы эти были напечатаны въ одномъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ Россіи „Семья и школа“, а затѣмъ изданы отдѣльными книжками очень популярнымъ педагогомъ Д. И. Тихомировымъ въ его издательствѣ „Юная Россія“.

Ив. Наживинъ. — Зелень. — Разказы изъ школьной жизни.

«Обѣ книги даютъ то, чего совершенно лишены наши дѣти, маленькіе русскіе бѣженцы, — картинки былой русской дѣтской жизни въ школѣ и въ деревнѣ съ ея радостями, интересами и печальями. Написанные живо и образно, съ любовью къ родной природѣ и быту, онѣ будутъ читаться маленькими читателями съ захватывающимъ интересомъ.»

(«Своб. Рѣчь».)

К-во „РУСЬ“.

ИВ. НАЖИВИНЪ. Записки о революціи.

«Вотъ одна изъ тѣхъ рѣдкихъ по нынѣшнимъ временамъ книгъ, отъ каждой страницы которой вѣтъ правдой».

„Вѣстн. Русскаго Національн. Общ.“ Нью-Йоркъ.

«Цѣнность книги въ тѣхъ яркихъ мазкахъ, которыми старый народникъ и бывшій толстовецъ набрасываетъ картины революціонной крестьянской Руси, страшной въ своей слѣпотѣ и умопомрачающемъ невѣжествѣ».

„Спологи“.

«Человѣческій документъ большого психологическаго и культурно-историческаго значенія», «трудъ рѣдкой силы и наглядности».

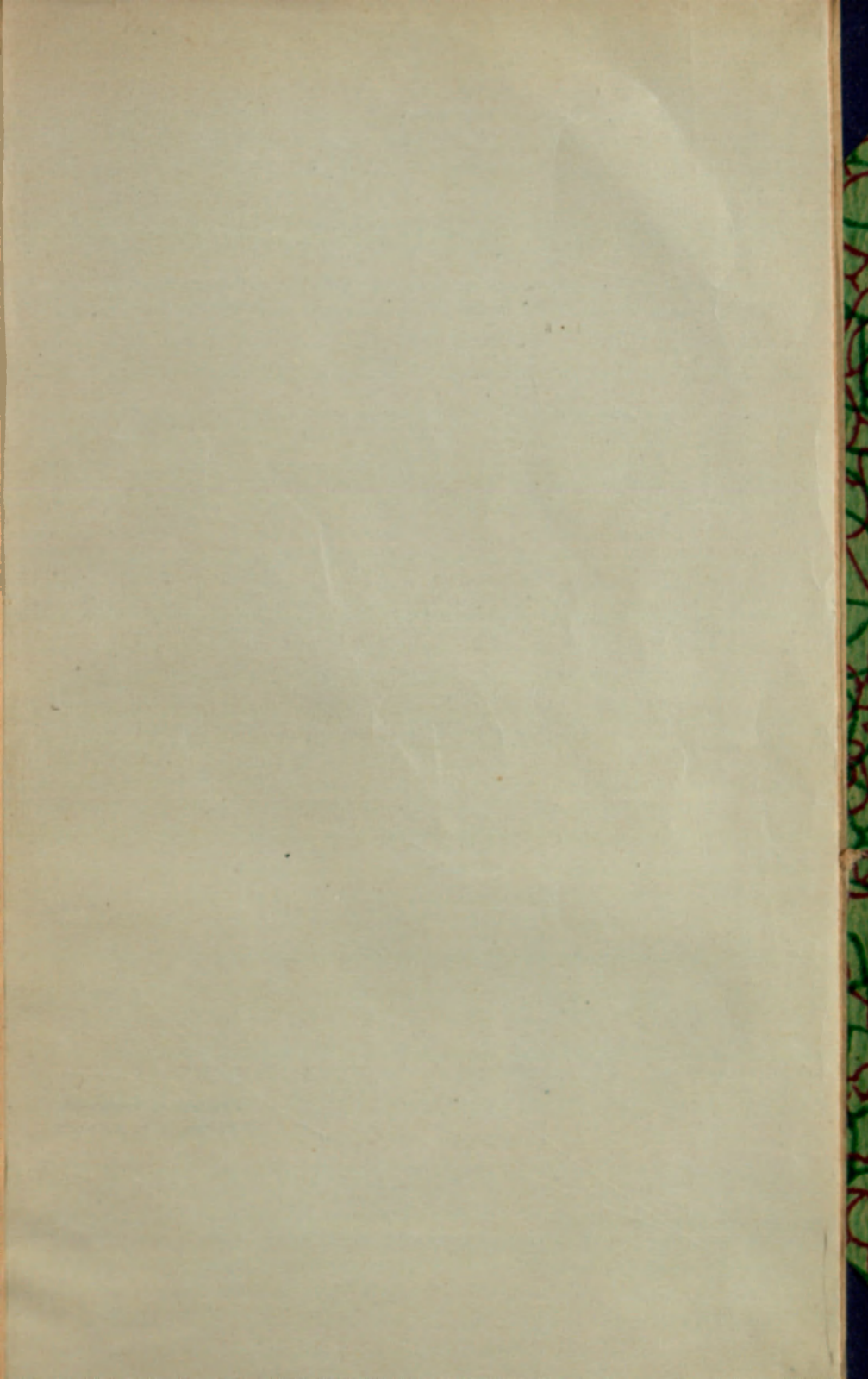
„Современи. Записки“.

Отзывъ о «Запискахъ» славнаго русскаго писателя, великаго знатока русской деревни, почетнаго академика И. А. БУНИНА:

«Рѣдкая книга, сильная, талантливая и большого историческаго значенія».

Главный складъ:

J. PERSKY, Mechitaristengasse 4, WIEN VII.

Печатано въ типографіи
Г. Крейсигъ въ Лейпцигѣ.

1871

